

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ЦЕНТР НЕЗАВИСИМЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ОБРАЗОВАНИЯ

ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ И ДЛЯ ИСТОРИИ

1988 – 1990 годы

Е. Г. Боярских, Е. Н. Иванова, Т. П. Кальянова,
С. Г. Карнаухов, М. Я. Рожанский, С. Ф. Шмидт

Под общей редакцией М. Я. Рожанского

Иркутск
2014

ББК
П

Научные рецензенты:

Эмилия Кустова – историк, профессор Страсбургского университета.

Александр Никулин – социолог, кандидат экономических наук.

П Издание подготовлено в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ» на 2012 - 2016 гг, проект Р 222-МИ-002.

Письма об истории и для истории. 1988 – 1990 годы. Коллективная монография / Е. Г. Боярских, Е. Н. Иванова, Т. П. Кальянова, С. Г. Карнаузов, М. Я. Рожанский, С. Ф. Шмидт // Под общей редакцией М. Я. Рожанского. – Иркутск, 2014. – 209 с.

ISBN 978-5-91344-709-8

© Центр независимых социальных исследований и образования, 2014.

*В память о
Веронике Гаррос,
Руслане Бажине,
Александре Иванове*

Коллекция неопубликованных «писем об истории» (более 2 тысяч единиц хранения), была собрана в 1988-1989 годах молодыми историками из Иркутска в редакциях ряда сибирских и московских изданий, публиковавших материалы на темы советской истории. Письма, составившие коллекцию, таким образом были спасены от уничтожения. В работе участвовали студенты исторического факультета Иркутского государственного университета Елена Иванова, Наталья Галеткина, Руслан Зюзиков (Бажин), Сергей Шмидт, Елена Ожиганова, Александр Иванов, Екатерина Якимова (Шмидт) и журналист Ольга Блинова. Замысел был коллективным, а инициаторами его реализации (и активными участниками) стали французский историк Вероника Гаррос, которая в годы перестройки жила и работала в Москве, и Михаил Рожанский, работавший в то время в Иркутском научном центре Сибирского отделения АН СССР. Большинство этих писем не были опубликованы изданиями, которые их получали, и лишь некоторые либо публиковались частично, либо цитировались. В настоящее время собранные письма является частью архива Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО, Иркутск). Данная книга – первая коллективная попытка представить исследовательский потенциал собранной четверть века назад коллекции писем. Сотрудники ЦНСИО и, в первую очередь, те, кто собрал коллекцию, заинтересованы сделать её открытой и доступной. По нашему мнению, она интересна не только тем, кто изучает историю советского общества, но и специалистам других социальных и гуманитарных дисциплин, что мы и постарались показать в данной работе. К нескольким главам книги авторы сделали приложения, в которых приведены полностью тексты писем, процитированных в соответствующей главе. В качестве приложения к книге в целом публикуется (на русском языке впервые) статья Михаила Рожанского, написанная весной 1990 года, о состоянии публичной дискуссии об истории в тот период, когда шла работа по сбору писем.

Авторы благодарят за помощь в подготовке книги Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете (директор Дмитрий Козлов).

Добрый день! М-608
Эти "Свободный микрофон" еще
не включили - вот моя река.

Ваш позыв - протестное государство.
Идея создания правового государства
была, на мой взгляд, четкой и полной
выражена в конституционных дебатах
и вот недавно произошло событие -
Д. Н. Златов, Э. Витязевский, Ю. Кис-
сова. Однако эти яркие личности
программы остались без внимания.
Но большинство депутатов
много "танцевало" около "деда"
депутатами микрофонно
уже 70-х годов. Все

614

101524 ГСП
Москва К-6
ул. Горького 32/1
20-я Комната
Свободный микрофон
621112 г. Омск

страна стоит
мой курят
Да и без ценник
Камыс бес зам
убили. Как карот
Из 287 млн насе-
ственно здоровы 187 млн
мелее половини!)

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. Советский идеализм: момент истины	7
К главе 1. Письма из архива ЦНСИО	25
ГЛАВА 2. Память против схоластики: переходность образов истории в читательских письмах	41
К главе 2: письма из архива ЦНСИО	59
ГЛАВА 3. Место памяти – советская деревня	83
К главе 3: письма из архива ЦНСИО	93
ГЛАВА 4. Предсмертное рождение советской субъектности. «Уважаемая редакция, прошу простить мне мою смелость»	103
ГЛАВА 5. Психологические защитные механизмы в читательских отзывах на публикации об истории	119
К главе 5: письма из архива ЦНСИО	135
ГЛАВА 6. Поэтика деконструкции идеала: правда и праведность в «наивных» поэтических текстах эпохи перестройки	155
К главе 6: письма из архива ЦНСИО	163
ПРИЛОЖЕНИЕ. М.А. Рожанский. История: ответы на непоставленные вопросы (статья 1990 г.)	187
Summary	207
Сведения об авторах	208

Обращаем

внимание

читателей на то,

что публикуемые письма являются историческими документами, поэтому мы сохранили орфографию и пунктуацию оригиналов как при цитировании, так и при публикации в полном объеме.

Поскольку письма не относятся к частной переписке, а адресованы в массовые издания, мы сочли возможным и необходимым упомянуть фамилии авторов за исключением тех случаев, когда возникли этические вопросы к факту обнародования. Полные адреса и телефоны авторов писем во всех случаях исключены при публикации.

ГЛАВА 1. Советский идеализм: момент истины

Михаил Рожанский

«Все письма опубликовать нет возможности – просто за ограниченностью газетной площади. Сегодня мы воздерживаемся и от комментариев, хотя по каждому письму у редакции есть своё мнение: с одними мы полностью согласны, с другими – не согласны совсем. Но мы хотим вначале услышать мнение читателей, которые, нам кажется, в большинстве своем достаточно грамотны и зрелы, чтобы отличить реальное, действительное от мнимого, придуманного, ложного. А в своё время мы скажем определенно и о нашей позиции» (От редакции, газета «Советская молодежь»)¹.

Цитата из иркутской областной газеты, в то время органа обкома ВЛКСМ, вынесена как эпиграф перед статьей об архиве неопубликованных читательских писем, чтобы напомнить, какое место они занимали в советских газетах и журналах в конце 1980-х годов. Это не только «обратная связь» или «сигналы с мест», а заметный сегмент содержания изданий эпохи гласности. Обзорные или тематические подборки писем, полученных редакцией, стали регулярными и выполняли важные функции – демонстрировали поддержку курса издания или даже могли быть «гвоздем номера», материалом, который выводил издание на новый этап. По сути, делалось заявление о гражданской смелости редакции как активного борца за перемены, о готовности идти дальше в расширении границ гласности. В большинстве случаев возможностью продемонстрировать это было обращение к темам советской истории. Прочитанная заметка «От редакции» в газете «Советская молодежь» сопровождала подборку писем, занявшую почти полный разворот газеты (половину объема номера), и эта подборка явилась своего рода послесловием к многомесячной дискуссии (ноябрь 1987 – январь 1988 гг.), получившей название «Об “окопной правде” и не только о ней». Многозначно обещание определенно сказать «в свое время» о позиции редакции, соседствующее с сообщением, что публикуемые письма пришли после завершения дискуссии. Обещание редакции

¹ От редакции//Советская молодежь. 26 апреля 1988 г. С. 2

в ситуации апреля 1988 года², легко объяснить как «тактику слабых» – подготовку к «вызову на ковер» руководства издания и тех, кто дал санкцию на полемическую подборку. Но в этом обещании еще и аксиоматика развивающегося процесса. И для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают, несомненно, что дискуссия «об окопной правде» – завершается она этой публикацией или нет – лишь часть «битвы за историю», за историческую правду и справедливость. Стремящиеся рассказать или знать, «как было на самом деле», вынуждают защищаться апологетов предписанных взглядов и оценок. Очевидный и напористый познавательный интерес («как это было», «кто есть кто», ликвидация «белых пятен» и т.д.) был так тесно переплетен с социальной озабоченностью и социальной критикой, что в текстах и писем и статей локализовать эти составляющие невозможно.

Дискуссии читателей вокруг опубликованных материалов отвечали профессиональной установке редакторов и журналистов делать издание острым и интересным, но и сами журналисты, получив право на высказывание мнения, отличного от «линии партии», включались в решение близких им политических задач. Поэтому опубликованные подборки читательских писем – прежде всего, источник по истории печати и политической истории. Для социальной истории письма, купированные с позиций интересов редакции, внешней и внутренней редакционной цензуры и в той или иной степени «подредактированные», могут быть источником цитирования, но вряд ли предметом исследования. Если нас интересуют политика гласности, её механизмы, развитие, акторы, то публикации читательских писем – важный источник; но если нас интересует гласность как период истории социальной, одним из необходимых источников долж-

² Напомню, что в марте 1988 года публикация пространного письма преподавателя ленинградского вуза Нины Андреевой, занявшая целую газетную полосу («Не могу поступать принципами»// «Советская Россия», 13 марта 1988 г.), была воспринята как сигнал к «сворачиванию» критики сталинизма и дискуссий об истории страны, а в редакционной статье «Правды» 6 апреля 1988 года это письмо было объявлено «манифестом антиперестроечных сил», что, в свою очередь, послужило сигналом для мобилизации сторонников гласности и перестройки. Подборка писем в «Советской молодежи» сопровождается «врезками» с цитатами из редакционной статьи «Правды» от 6 апреля.

ны быть архивы газет и журналов, принявшие потоки читательских писем, далеко не все из которых были опубликованы³.

История архива

В коллекции, собранной группой «Историческое сознание» (студенты исторического факультета Иркутского госуниверситета, рук. М.Рожанский) и историком Вероникой Гаррос (Франция), письма читателей в журналы «Родина», «Юность», «Наука и жизнь», газеты «Собеседник», «Московский комсомолец» и «Пионерская правда», иркутские газеты «Советская молодежь» и «Восточно-Сибирская правда», иркутское ТВ, журнал «Байкал» (Улан-Удэ), газету «Правда Бурятии», а также в газету «Забайкальский комсомолец» (Чита) и созданный при активном участии редакции «Забайкальского комсомольца» Комитет Памяти (впоследствии читинский «Мемориал»). Архивы редакций не были рассчитаны на беспрецедентный объем корреспонденции, внезапно возникший в связи с «гласностью». Ни одна редакция из тех, что передали письма, не могла в тот момент обеспечить соблюдения требований по срокам хранения корреспонденции и обязательной реакции на письма читателей⁴. Часть писем получена от авторов мемуарных публикаций Алексея Аджубея и Анны Лариной (Бухариной).

Основные темы и сюжеты собранных читательских писем:

- судьбы родителей, друзей, родственников;
- эпизоды из собственного опыта или рассказов знакомых о практике репрессий как «сталинского», так и более позднего времени;
- свидетельства участников войны;
- повествования о собственном «прозрении» или причинах не верить историческим разоблачениям;

³ Вот как это выглядело в «Известиях»: «В 1986 году наша редакция получила 352.331 письмо. Из них опубликовано 569. В 1987 году соответственно 401.700 и 631. В 1988-м – 290.450 и 584. Цифры колеблются, но соотношение устойчиво – публикуется около 0,2 процента» (Надеин В. Конвертируемый гражданин. Записки бывшего редактора «Известий» по отделу писем//Известия. 7 октября 1989.

⁴ Владимир Надеин замечает в процитированной статье «Конвертируемый гражданин», что «нынче» (то есть осенью 1989 года) писем «поменьше», чем в начале перестройки. Тем не менее, в сентябре того же 1989 года сотрудники газеты сказали мне, что письма у них более полугода не хранятся – просто, нет места. По действовавшему тогда законодательству в редакционном архиве письма должны были сохраняться в течение трех лет со дня поступления.

– попытки обнаружить сведения о судьбе репрессированных, установить место и обстоятельства массовых казней.

Перечисленные темы и сюжеты можно объединить вместе как свидетельства о советской истории, прежде всего – истории социальной. Другой круг тем и сюжетов можно обозначить как заявление о позиции:

- личное мнение по поводу публикаций, посвященных событиям и интерпретациям советской истории, возражения прочитанному в статье или возражения автору, энергичное согласие с автором и благодарность автору и изданию за «историческую правду»;
- реакция на опубликованные письма других читателей;
- оценка Сталина, Ленина и других исторических персонажей;
- дискуссии об «окопной правде» и «правде генералов»;
- мнения о политике гласности и ходе перестройки.

Однако сами письма невозможно разделить на эти две группы – «свидетельства» и «заявления». Если свидетельства присутствуют не во всех письмах (хотя в большинстве присутствуют), то заявлением является практически каждое письмо⁵ и каждое письмо написано из актуального социального контекста – «эпохи перестройки и гласности». Поэтому, если рассматривать читательские письма как корпус источников по социальной истории, то в фокусе этого рассмотрения будет история того периода, когда письма были написаны. Датировка писем, собранных в фонде – от декабря 1987 года по 1989 год⁶.

Письма содержат нарратив авторов разных поколений, социальных слоев и групп, с различным отношением не только к происходящему, но и к советской истории, а потому дают возможность подойти к изучению советского как из перспективы его антропологических, языковых, ментальных и иных оснований, так и из перспективы дальнейшей судьбы советского. И что особенно важно – в период исключительной динамики этого отношения – к советской истории, «общественному строю», авторитетам,

⁵ Иногда письма даже оформлены как заявление. Авторы таких писем, возможно, наиболее чутко уловили жанровую интонацию прочитанных ими подборок читательских писем, хотя, безусловно, в такой «заявительной» форме выражается отношение к печатному органу как к инстанции власти.

⁶ Созданный в 1988 году при Московском государственном историко-архивном институте Народный архив в конце 1989 года взял на себя функцию сбора читательских писем, заключая соответствующие договоры с московскими редакциями. В архиве ЦНСИО за пределы 1989 года выходит только небольшой (но крайне интересный) корпус писем начала 1990 года, написанных в журнал «Родина» как реакция на статью Владимира Солоухина «Читая Ленина».

событиям, символам. Это задает два очевидных ракурса рассмотрения: в контексте социальных процессов, происходивших в конце 1980-х; как генезис будущего, которое для нас теперь прошлое и настоящее. Но есть еще один ракурс, который и обозначен в заголовке статьи – исторический феномен советского идеализма. Обозначенные ракурсы непросто отделить друг от друга, но мы ставим именно такую задачу, поскольку вместе эти три ракурса создают стереоскопический эффект, позволяющий сделать читательские письма конца восьмидесятых годов актуальным источником социального исследования, а не только объектом исторической классификации. Если нужен стереоскопический эффект, зачем отделять? Попробуем показать, что дает это различие.

История гласности и перестройки

Сам феномен лавины читательских писем – одна из основных составляющих «гласности», если её понимать не только как политику советского руководства, а как социальный процесс, вызванный этой политикой. Период, к которому относятся письма, собранные в нашем архиве – исключительно интересен как раз непредсказуемыми и масштабными социальными последствиями политических шагов. А если воспользоваться языком социальной антропологии, то 1988-1989 годы можно обозначить как «лиминальный период» гласности, состояние перехода, когда структуры, воспринимавшиеся как безальтернативные и непререкаемые, открылись, точнее, открывались для деформаций и возможной трансформации, Этому стремительному процессу были присущи открытость, ощущение радикальной необычности происходящего, остранение привычных правил, норм, стереотипов. Нэнси Рис выделяет следующие фазы перестройки как «обряд перехода»: 1985-1987 годы – разрыв с прошлым, 1988-1991 годы – лиминальность, август 1991 года – завершение⁷. Не оспаривая эту периодизацию, заметим только, что для гласности как «перехода» из подконтрольности публичной речи естественным завершением становится состояние свободы высказывания. А это состояние пришло гораздо раньше «завершения перестройки», относимого традиционно к августовским событиям 1991 года – после Первого съезда народных депутатов СССР и его прямой телетрансляции, во втором полугодии 1989 года круг табуированных тем и неприкосновенных символов сузился до минимума. Завершением «гласности» как дозволенной «сверху»

⁷ Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М, Новое литературное обозрение, 2005. С.283-286

свободы высказывания можно считать снятие табу с публичной критики Ленина⁸. А начало периода можно датировать ноябрем 1987 года, когда после доклада М.С.Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции, умножилось количество публикаций по советской истории, и темы, прежде закрытые для освещения или для пересмотра оценок, были актуализированы периодическими изданиями.

Нетронутые редактурой читательские письма свидетельствуют о резком расширении (и даже размывании) границ публичного гораздо нагляднее, чем их опубликованные подборки. Именно это расширение/размывание и может стать предметом исследования. Изучение «лиминального периода» гласности неизбежно выводит на тему о роли гласности в перестройке и её судьбе, поскольку процесс растабуирования сюжетов и символов одновременно был процессом десакрализации власти и трансформации институтов социального управления.

Отдельный фокус – трансформация функций СМИ, которые как осознанно, так и невольно отказывались от привилегии на знание исторических смыслов и участвовали в демонтаже иерархии этого знания, не отказываясь при этом от «роли воспитателя и организатора масс».

Еще один сюжет – ключевой для исследования роли гласности в системном кризисе – предчувствие травмы, выступающее фоном, артикулированным или скрытым, для многих авторов писем, когда они выносят вердикты публикациям, принимают или отвергают процесс «пересмотра истории».

Нэнси Рис упоминает, что главный редактор «Огонька» Виталий Коротич назвал письма читателей в свой журнал «письмами о боли»⁹.

В нашем архиве также есть письма, которым можно дать такое определение. В первой группе присутствует выражение боли, связанной с судьбой близких или собственной судьбой, которая ранее была скрытой. Это значительная группа, она представлена почти без исключения в каждой папке писем, приходивших в любое из изданий, передавших нам свою корреспонденцию, и среди каждого корпуса материалов, участвовавших в дискуссии

⁸ Обличение Ленина в статье Владимира Солоухина, опубликованной в октябрьском номере 1989 года журнала «Родина», было преодолением последнего из идеологических табу. В письмах, направленных в редакцию журнала и в газету «Правда» (журнал «Родина» выходил в издательстве «Правда») хорошо видно, что сакральность образа Ленина была последним рубежом «советского».

⁹ Рис Н. Цит.соч. С. 288.

вокруг какого-либо «громкой» публикации. Вторая группа – письма, где боль или ожидание боли, связаны с самим радикальным пересмотром истории. Здесь знаки истории оказались в жесткой сцепке с экзистенциальными смыслами не только по отношению к прошлому, но и в перспективе будущего.

«Мне ли Вас учить, родные ребята! Ведь то что Вы поднимаете важно... но не пугаю я вас. Ведь нужно зачеркнуть все что было. Нужно признать во весь голос, что 60 с лишним лет мы топали Все вместе по неосвещенной дороге. Что на выборах в Верховный совет мы выбрали (все года) не то и не тех. Ведь Ваш журнал затронет не только культ личности Сталина И.В. но и всю структуру страны, во все времена.

Поверьте мне бывшему рабочему, мне кажется, что журналу вряд ли вынести всю эту тяжесть» (Кобылянский Н.В., г. Серов)¹⁰.

Читатель, по сути, предсказывает тот негативный эффект системного характера, который уже на некоторой исторической дистанции приписали гласности не только идеологические риторы, но и исследователи финала советской истории.

Советское: обаяние самоубийства

«Нас предостерегали, что от размышлений на неположенные темы, от попыток самостоятельно разобраться в жизни общество пострадает, если не рухнет. Сегодня мы четко поняли: ну и пусть рухнет то, что трещит от соприкосновения с истиной!..

Смыслом совершившейся в 1917 году Революции в конечном счете была мысль о том, чтобы честно живущий и хорошо работающий человек жил лучше, чем вор или бездельник. «Огонек» не претендует ни на что другое – лишь на возможность быть частью народного мнения и всенародной системы контроля за тем, чтобы не возродилось никогда беззаконие, не воцарилась несправедливость» Виталий Коротич¹¹.

Читательские письма об истории – свидетельства динамического процесса рефлексии по поводу происходящего в социальном мире и способ саморефлексии авторов. Письма предстают своеобразным предисловием к разрушению советской идентичности и советского миропорядка, дают возможность исследовать, как начинался этот кризис, как осознавался, артикулировался, как заявлялись другие идентичности (сословные, этнические, религиозные) и нарастало публичное высказывание сомнений в

¹⁰ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», декабрь 1987 г. О себе читатель пишет: «Я ведь простой рабочий и беру всё из книг, газет, журналов».

¹¹ Из вступительного слова Виталия Коротича к дайджесту «Огонек» - 88. Лучшие публикации года//сост. Л.Гущин, С.Клямкин, В.Юмашев. М.,1989. С. 6

том, что «сущее» в какой-либо степени имеет отношение к «должному». Более того, этот коллективный нарратив – источник для прослеживания генезиса (вызревания или, по крайней мере, зарождения) социальных практик, конструктов, речевого поведения, которые впоследствии стали заметными, доминирующими, определяющими. Как, например, подобная практика публичного радикального сомнения в оправданности происходящего, которую можно обозначить, воспользовавшись формулой Моше Левина, «ритуалом отрицательства». Моше Левин отнес формирование и утверждение этой практики как раз к периоду «гласности».

Корпус источников неопубликованных читательских писем позволяет проследить как работа людей со своей исторической памятью участвует в процессах, проложивших путь постсоветскому (и создававшему его).

Нэнси Рис в книге «Русские разговоры», предмет которой – речевая повседневность конца 1980-х-начала 1990-х (основной полевой материал относится к 1989-1990 годам), пишет о публикациях писем в пору гласности как о феномене «освобожденного разговора»¹² или, во всяком случае, самой яркой и неожиданной составляющей этого «разговора»: «людей внезапно прорвало». Фраза Виталия Коротича о «письмах боли» подчеркивает мотивы написания писем и указывает на «коллективную биографию» советских людей как причину лавины читательских откликов и исповедей. Нэнси Рис приводит эту фразу главного редактора «Огонька» эпохи перестройки¹³, но американская исследовательница и свидетель советской жизни конца 1980-х впечатлена, скорее, интонацией этих писем, а не тем, что за интонацией стоит. Предмет суждений Рис – не мотивы написания, а характер нарратива. Суждение о мотивах¹⁴, возможно, и выносится, но сама интонация страдания как «культурная игра» рассматривается в контексте культурных моделей православия, русской и советской истории,¹⁵ ведь исследование посвящено не мотивам и не истокам этой «культурной игры». Исследовательница привлекает наше внимание к письмам как потоку литаний, знакомых ей по «русским разговорам» начала 1990-х, и рассматривает этот поток как важный фактор социальной (а в

¹² Рис Н. Цит.соч. С. 286-291.

¹³ Виталия Коротича главным редактором журнала назначил ЦК КПСС в мае 1986 года, а освободил от этой должности коллектив редакции в августе 1991 года.

¹⁴ В «Русских разговорах» хотя не называется, но прочитывается мысль: интонация жалобы – оправдание инфантилизма, ухода от действия и решений.

¹⁵ Рис Н. Цит.соч. С. 229-230

результате – и политической) истории: «То, что начиналось как необходимый анализ глубокого кризиса советской экономики и страшной истории государства, быстро стало ритуальной практикой жалоб и оплакивания всего, связанного с прошлым»¹⁶.

Инициированная Горбачевым «гласность» как политика обратной связи, как побуждение советских людей к деятельному участию в переменах стала неуправляемым процессом, вырвавшимся за пределы и функции, предусмотренные замыслом и инициатором: «Из кухонь и СМИ литаний и причитания перешли в политику. Смотреть телевизионные репортажи о заседании Первого съезда депутатов или Московского городского совета в 1989 и 1990 гг. означало слушать бесконечные жалобы разной тематики – фактически имело место непрерывное состязание жалоб»¹⁷.

В интерпретации Рис, апеллирующей к ведущему специалисту по советской социальной истории Левину, логика происшедшего на пути от перестройки к системному разрушению такова: поток литаний, вскрывающих трагедии прошлого, сначала воспринимается как шаг к выздоровлению, но одновременно выполняет функцию отпущения коллективного греха. В результате – углубление социального разделения, усиление апатии и утверждение «ритуала отрицательства»¹⁸.

Концепция Рис, если мы примем её как гипотезу о роли гласности в системном кризисе советского мира, позволяет на основе такого источника как «письма об истории» исследовать не столько причины, сколько последствия разрушения и воспроизводство «советского» в постсоветском мире. При таком подходе тема литаний втянет неизбежно в поле исследования другие свойства «советского», которые не могут быть сведены к дискурсивным моделям, а требуют обращения к тому, что стоит за нарративом – к социальной истории и антропологии. Среди неизбежных сюжетов – роевое сознание, принадлежность к «мы» («простой народ», «поколение», «государство», «рабочий класс», «участники войны» и т.д.).

Филип Бубайер, реконструируя этику группы в руководстве КПСС, инициировавшей перестройку, приводит свидетельства, иллюстрирующие, как покаяния в мемуарах или статьях выступают признанием коллективной вины (от имени

¹⁶ Рис Н. Цит.соч. С. 287

¹⁷ Рис Н. Цит.соч. С.289.

¹⁸ См. главу «Gorbachev and the intelligentsia» в книге: *Levin M. Russia/USSR/Russia/*. N-Y: The New Press, 1995. P. 300-305.

«мы»), а случаи упоминаний личных действий артикулированы как вынужденные¹⁹.

Жалобы, обвинения и (реже) покаяния в письмах оглашаются от имени «мы». Объектом обвинения может быть конкретная персона, а не только некая инстанция (власть, номенклатура, журналисты, историки), но субъект обвинения, почти без исключения, есть некое социальное множество, к которому принадлежит автор письма. Литании и обвинения достаточно часто переплетены с темой избавителя, мессианскими мотивами (роль избавителя отводится инициатору перестройки Горбачеву, гипотетическому новому Сталину, автору серии статей Александру Ципко и другим деятелям прошлого и настоящего, а также демократии, религии, «всему цивилизованному миру»). Вот как пенсионерка Котова завершает письмо, основную часть которого посвятила заслугам Сталина:

«А ведь Борис Вам сказал всю правду. Товарищ Ельцин. Умница таких беречь надо. Предлагаю сменить Генсека. Кто справится? Выдвигайте свою кандидатуру, ну а рабочие будут голосовать за достойных. Вот человек не обвинял никого в застое. Товарищи руководители все Вы работали с Андроповым, неужели вы от него ничего не унаследовали? Это было не так давно. Он вам показал как бороться со всеми негативными явлениями. При нем не ездили на государственных машинах по своим делам. Не бродили по магазинам в рабочее время. Боялись воровать. Не сидели в саунах»²⁰.

Даже если ставятся традиционные задачи исторического исследования на основе такого корпуса источников как читательские письма, неизбежно возникает необходимость, наряду с историческим, и других аспектов анализа: социологического, социально-психологического, социолингвистического. Отмеченная динамика и многомерность совокупного нарратива, создаваемого читательскими письмами эпохи гласности, требуют разнообразия инструментария и метадисциплинарного анализа. Но дело не только в том, что востребованы методы и подходы названных дисциплин, а в том, что возникает необходимость в остранении «советского», в подходах, позволяющих взглянуть на него извне, что невозможно, если мы будем оставаться в контексте советской истории и, тем более, её завершающего этапа. Письма позволяют увидеть советское как форму человеческой

¹⁹ Бубайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М: Росспен, 2010. Гл. «Этика реформистской партии», С.267-294; гл. «Совесть и раскаяние в эпоху гласности», С.295-320.

²⁰ Письмо в «Московский комсомолец» 28 марта 1989 г.

субъективности, но такой взгляд требует отнести к ним не только как к нарративу, а как к акту, как к действию людей, для которых история имела экзистенциальное значение.

Исторический человек в момент распада единой истории

Причинно-следственная связь между политикой гласности и тем, что в редакции хлынул поток читательских писем, более чем очевидна, но то, что этот поток – составная часть периода гласности, не достаточно, чтобы объяснить читательскую активность. Гласность как совокупная политика власти и редакций сделала возможным растабуирование тем и оценок. Имея дело с письмами об истории, видишь, что, несмотря на политическую актуальность, они – больше, чем реакция на политические события и политическая активность. Перестройка, гласность – обстоятельства времени, но сами письма не могут быть рассмотрены в контексте только этой исторической интерпретации. Письма в редакцию открыли, что для советских людей разных социальных групп, возрастов, уровня образованности участие в истории было значимой частью их идентичности, независимо от того, выступали они жертвами, героями или свидетелями. Открывшийся «доступ к истории» стал экзистенциальным событием.

В архиве есть коллекции писем, сформированных различными дискуссиями, каждая из которых вызвана очередной «разоблачительной» статьей об истории или, иногда, опубликованным письмом. Далеко не все читатели, считавшие необходимым включиться в подобную дискуссию – свидетели обсуждаемых событий или пытались в этих событиях разобраться. Читатель выступает либо как собеседник, реагирующий на разоблачения и «раскрытие правды», либо активно протестует против этих разоблачений. И хотя почти во всех случаях он, читатель, автор письма – человек, претерпевающий историю, можно говорить о том, что «подданный истории» становится «гражданином истории».

Письма тех читателей, которые протестуют против «пересмотра истории» и отчаянно предупреждают об опасностях неподконтрольной активности, можно определить как нарратив социального инфантилизма. Но подобное определение будет несколько парадоксальным: человек пишет, значит, уже проявляет активность:

«Так, что не надо этими дурацкими статьями «пудрить мозги» нашему комсомольцу. Чему вы научите они и так ни во что не верят. Каждая статья должна быть правдой, а не фантазией, которую вы

наплели на КГБ. Мы еще есть свидетели того времени. И жили свободно – не ждали звонков т.к. за собой ничего не замечали. Работали и учились. И люблю свою Родину, что тогда, что и сейчас во время перестройки. Всё что проходило раньше и сейчас – это всё закономерно» (Соловьева, Московская область)²¹.

Гласность открывает доступ к истории и это вскрывает экзистенциальную трудность советского идеализма: советский человек – подданный советской империи/державы («первого в мире...», «гаранта мира»), он вовлечен в историю, осознает себя её участником (гражданином) по праву рождения в стране, меняющей ход истории и активно заявляющей своё историческое лидерство как в декларациях, так и в политике. Социальный инфантилизм подданного с внутренней цензурой не только на действия, но и на мысль, сочетается с установкой на активность, равнодушие к происходящему с социальной дидактикой. Многие письма являют собой попытку разрешить это вскрывшееся противоречие, совершив гражданский акт (вмешаться письмом в ход событий) и артикулировав мнение подданного как позицию, выстраданную жизнью и историей.

Если оставить в стороне деление на сторонников и противников «пересмотра истории», то в фокус исследования выходят общие мотивы, побуждавшие советского человека перейти из позиции читателя газеты/журнала в позицию автора письма, а иногда и более «серьезного» по жанру материала – подробного мемуара, полемической статьи, трактата, поэмы. И это, в первую очередь, мотивы «исторического человека», реализующего возможность стать гражданином истории. Среди артикулированных или легко прочитываемых мотивов можно выделить следующие.

Заявление права быть на социальной сцене

Читательница журнала «Наука и жизнь» реагирует на публикацию воспоминаний Константина Симонова и комментариев академика Самсонова к этим воспоминаниям. Читательницу задело, что в публикации говорилось о трагической судьбе Блюхера и других военных, репрессированных в конце 1930-х годов, и ничего не сказано о «простых людях», которые пострадали только из-за того, что жили в Блюхерском районе Еврейской автономной области (весь район «под чистую» был репрессирован):

²¹ Письмо в «Московский Комсомолец» 25 августа 1989 г. (реакция на статью Валерия Аграновского «Второй звонок»).

«Вот, Уважаемая редакция прошу Вас пусть моё письмо пойдет по назначению, чтобы где-то было в истории упомянуто о наших отцах хотя они и были рядовые.

Я знаю что Вы очень занятые люди мне можете не отвечать, но я буду надеяться, что мои дети будут знать из истории кое-что о своем дедушке ведь я им сама ничего не могу толком объяснить так как я малограмотная женщина.

*С уважением Кривошеева Анастасия Перфильевна
проживающая по адресу: г.Магадан [домашний адрес]
рождением село Новотроицкое Ленинский р-н (бывший Блюхерский) Еврейской области»²².*

Человек, казалось бы, далекий от политики и требующий социальной справедливости, отождествляет социальную сцену с исторической. Быть в истории – социальное право и хоть какая-то компенсация за перенесенную несправедливость и жертвы.

Перераспределение исторических ролей

История – процесс отбора, «выбраковки» (по выражению М. Гефтера), деления народов, событий, явлений, людей на значимых и незначимых, великих и малых, исторических и простых, заслуженных сохранения в памяти и заурядных. Пересмотр истории воспринимается как перераспределение исторических ролей и заслуг. Ветеран войны, отставной офицер пишет историку В.И.Кулищу, на чью статью он откликнулся, и просит «поднять в печати вопрос о пересмотре захоронения у Кремлевской стены». Пересмотр предлагается провести как отделение «чистых» от «нечистых», заслуживающих сакрализации от незаслуживающих:

«Я не за то, чтобы надругаться над прахом умерших, но мне непонятно, почему в одном ряду у Кремлевской стены должны покоиться Дзержинский и Жданов, повинный в возвеличении культа Сталина (да разве только в этом), Свердлов и Черненко, тоже нашли великого государственного деятеля; Жуков и Тимошенко, только в р-не Харькова сдавшего в плен более 100 тысяч.

У Кремлевской стены, вероятно, надо хоронить не по должности и званию, а по великим заслугам перед Отчизной!» (А.Копытин, гвардии полковник в отставке, участник войны, г. Куйбышев)²³.

²² Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», январь 1988 г.

²³ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», без даты.

Претензии к историкам как не выполнившим возложенную на них функцию

«Вы знаете я окончил педагогический институт в 1974 году. Я историк. С 1985 года я начал заново изучать истории. Мне стыдно. Вдруг я понял что очень многое я не знаю. Преподаватели которые преподавали нам они знали эти факты. Ведь среди них были профессора и доценты. Иногда сомневаюсь.

Сколько была и сколько надо знать. Ваш вопрос. Каждый материал об истории нашей родины это подарок. Надо говорить и писать. Я сторонник правды. Хотелосбы журнал Родина говорила в своих страницах об черных пятнах нашей истории». (Шафиев Аслан Эйюбоглы, преподаватель истории СПТУ № 66)²⁴.

Актуализируются отношения памяти и профессиональной истории. Частная память обретает права и хранитель частной памяти начинает настаивать на близости к исторической правде по праву свидетеля, обвинять профессиональных историков в искажении правды.

«Уважаемая редакция!

Представляюсь (вторично – ибо в сентябре 1988 г. я уже представлялся и главному редактору, и 1-му заму, оставил письмо, но ответа не получил): 51 год, инженер, зав.отделением техникума в Москве, много работаю с молодежью, сам в прошлом активный комсомолец, спортсмен-боксер, сын репрессированного в 1937 г. врагами социализма и освобожденного в 1939 г. (согласно Пленуму 1938 г. в его деле разобрались сторонниками социализма), переживший с мамой и братом ленинградскую блокаду, встретившийся лично с Г. Жуковым, С. Штеменко, А.С. Яковлевым, В.Г. Грабиным и другими.

Исследую вопрос о Сталине – с 1956 г., т.е. более 30 лет. Написал книгу «О Сталине. Документы и домыслы» (410 страниц машинописного текста).

Так вот: в этом вопросе моя концепция совпадает с концепцией историка из США Шейлы Фитцпатрик, с коей интервью опубликовала Ваша газета от 26 января 1989 г.

Но я уверен – и докажу сие – что владею материалом по этому вопросу и более, и глубже указанной американки.

Может заинтересуетесь? А?

Ждуответа» (Голенков Алексей, Моск. обл., г. Долгопрудный)²⁵.

²⁴ Письмо в редакцию журнала «Родина», январь 1990 г.

²⁵ Письмо в редакцию газеты «Московский комсомолец», 30 января 1989 г.

Достаточно часто встречаются читательские письма, авторы которых подозревают тех, кто «переписывает» историю, в корысти и приспособленчестве:

«Но, как видно историки, гонимые страхом и собственной неустойчивостью умолчали 16 летнюю историю стоявшего у власти Брежнева, не показали его как стяжателя личной славы, что он оставил можно сказать, разбитое корыто от нравственности и застоя. Не показал[и] как ему хотелось попасть в культ, чтобы народ любил его всей душой как любил Сталина» (Текленков Г.Г., «ветеран партии с 1932 года», ветеран войны, полковник в отставке, г. Калуга)²⁶.

«Убедительно прошу Вас передать В.Солоухину мою солидарность с ним в понимании личности Ленина, а историкам, ответившим В.Солоухину, следующее:

*О, Вы вернейшие придворные риторики,
Властью остепененные и дрессированные историки;
Врали, врётё и будете врать,
Даты, по указке, народу мозги засорять.
В публикации – не возражаю.*

P.S. В подтверждение мнения В.Солоухина о Ленине имею и свою аргументацию» (Г.Н. Чукаев, Казань)²⁷.

Точно так же как историкам-«охранителям» приспособленчество и конъюнктурность вменяются и авторам статей, деконструирующих официальную советскую историографию, но среди корыстных мотивов, приписываемых историкам, включившимся в «пересмотр», называется и стремление войти в историю:

«Я не против академика А.Самсонова, но мне кажется, что он расчищает себе дорогу и думает войти в Историю²⁸. А нужно ли?» (Кобьялянский К.В., г. Серов)²⁹.

Требования и просьбы о единой «правдивой» истории

На одной из бурных публичных дискуссий об истории весной 1988 года в Иркутске молодой человек, взявший слово, посетовал, что его убеждают как аргументы выступив-

²⁶ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», январь 1988 г.

²⁷ Письмо в редакцию журнала «Родина», 24 января 1990 г.

²⁸ Характерно написание слово история с заглавной буквы, часто встречавшееся в письмах читателей периода гласности и перестройки, и представимое сегодня разве что в историософских эссе.

²⁹ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», декабрь 1987 г.

шего перед ним оратора, так и принципиального оппонента этого оратора: «А всё почему? Потому что я не знаю, как было на самом деле!». И молодой иркутянин обратился с просьбой к редакции газеты «Советская молодежь», чтобы на ее страницах опубликовали краткое изложение советской истории, знание которой позволяло бы судить самостоятельно о развернувшихся спорах. В письмах чаще, чем подобные просьбы о единой правдивой истории, встречаются требования единого объективного ее изложения, обоснованное с позиций патриотизма:

«Настораживает тот факт, когда эту историю освящают лица еврейской национальности, то эта история подается в сером мрачном виде. Все выдающиеся исторические личности изображаются сплошь злодеями, ущербными, не заслуживающими уважения. А следовательно, и гордится-то русскому народу своим прошлым, своими корнями нечем. Именно, это касается выступления в вашем журнале Натана Эйдельмана. Он уже дал инструкцию и план очернения нашей древней культуры. Не понимайте это, как антисемитизм. Просто это тревога за то, как сейчас будет освещаться наша история, культура и традиции. Вед об этом тревожатся все национальности нашей страны. Тревожит это и русский народ. Вы пишете, что не поддерживаете шовинизм. Это очень хорошо. Так пусть же и русская история и культура не будут подвергнуты шовинизму»³⁰.

Сквозь эти просьбы и требования проступает стремление удержать свою историческую идентичность или получить прочные основания для той идентичности, которую автор ощущает как «свою», не менее (или более) близкую и желаемую, нежели советская, поставленная под сомнение, но основания для этой идентичности должна дать полная единая история:

«Здравствуй, «Пионерка»! Я недавно прочтала в газете «Пионерская правда» статью, которая называлась «На крутых поворотах истории». Не могу не написать о нашей истории. О нашей чеченской судьбе³¹. Я хочу узнать причину этого события. Но ответить на него не могут ни родители, ни старики односельчане...

Я думала вот 7-м классе мы начнём учить историю Дагестана, и я узнаю причину этого т.е. выселения. А теперь я знаю и в книге этой не только об этом не написано, но и о чеченцах вообще нет ничего.

³⁰ Степанов (Моск.обл.) Письмо в редакцию журнала «Родина», 10.02.89 г.

³¹ Подчеркнуто, предположительно, в редакции.

Разве мы – чеченцы не жители Дагестана?» (Кахарова Алхсан, Дагестанская АССР, Хасавюртовский р-он, с. Бамматюрт)³².

В заключение вернемся к эпиграфу – цитате из заявления редакции газеты «Советская молодежь» и к той позиции социальной дидактики, которая проступает в этом заявлении как некая аксиома журналистской работы. Отметим сразу, что готовность журналистов выступать лидерами общественного мнения и «коллективным организатором» была не только их позицией как сторонников перемен, но и объединяла их с авторами писем («которые, нам кажется, в большинстве своем достаточно грамотны и зрелы») в отношении к печатному слову. Читательским письмам 1988 и 1989 годов социальная дидактика не менее присутствовала, чем редакционным статьям: часть читателей настаивает на публикации своих писем для обозначения позиции, часть требует, чтобы редакторы и журналисты думали о воспитательных последствиях своих публикаций.

Выбор между социальной дидактикой и стремлением непредвзято представить разные точки зрения в дискуссии – одно из проявлений сущностного противоречия социального идеализма. Это противоречие между последовательным стремлением к объективности («честно смотреть правде в глаза») и воспитательной миссией по отношению к обществу. Для журналистов эпохи гласности это противоречие разрешалось через тактические соображения и принятие общего смысла происходящего процесса как борьбы за социальный идеал (его обновление или продвижение к нему – в зависимости от идейной позиции коллектива редакции). Но контекстом борьбы за идеалы, тактических расчетов и публичных ударов становилась конфронтация по множеству фронтов, которую можно назвать «холодной гражданской войной»: образы врага и бескомпромиссность идейных битв были перенесены из рубрики «идеологическая борьба двух систем» в рубрики о внутренней жизни страны. Гласность была необходимым условием и санкцией на общественную дискуссию, которая, в свою очередь, выступала условием социальной активности и массовой поддержки реформ. Публичный пересмотр исто-

³² Ныне официальное написание топонима Баммат-Юрт. Письмо в редакцию газеты «Пионерская правда», без даты, предположительно 1989 год.

рии оказался чуть ли не самой яркой составляющей процесса гласности и полем, на котором вместо общественной дискуссии развернулась холодная война. Общественную дискуссию без исторической рефлексии представить невозможно, но она невозможна и без культуры разномыслия. В советском идеализме была заявка на разномыслие. Дискуссия возникала, и письма читателей об истории – свидетельство тому. Почему заявка на разномыслие оказалась неподтвержденной, и могли социальный идеализм в его советском воплощении противостоять гражданской холодной войне, а не участвовать в её переносе с международной арены в публичную жизнь страны – вопросы, которые обращены к истории перестройки из современной России ради того, чтобы разобраться в нынешних процессах и перспективах. В то же время это одни из тех вопросов, которые позволяют отнестись к советскому опыту как к незаменимому опыту исторического человека, в том числе, как к испытанию на способность согласовывать идеалы и практический разум.

К главе 1. Письма из архива ЦНСИО

В качестве приложения к первой главе мы публикуем полный текст двенадцати писем. В этой небольшой подборке мы попытались передать в какой-то степени разнообразие взглядов, интонации, образованности авторов писем об истории. Представленные письма были получены разными по характеру изданиями Москвы, Иркутска, Читы, написаны читателями, принадлежавшими к различным поколениям. Мы представляем здесь письма в хронологической последовательности, хотя в некоторых случаях она приблизительно – не все письма точно датированы.

Письмо в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда»

Уважаемый Отдел пропаганды!

Наверно для тебя не будет неожиданным отклик на твою публикацию в ВСП от 14 апреля полемики доцента А. Латышева и твоей? Для того ведь ты её и публиковал. Ну чтож это твоё право, подкрепленное реальной возможностью, чего о нас читателей сказать можно только с большой натяжкой, т.к. право у нас вроде бы есть, но реализация этого права на уровне выигрыша в лотерею. Полемицировать с тобою по этой причине затруднительно и не безопасно, а товарищ Латышев это не учел (а еще историк, а еще доцент!). А еще наверно и член партии? Этого я не знаю, но знаю, что ты его уже и за товарища не считаешь, если обращаешься к нему, избегая этого слова (историк – да, доцент – да, но не товарищ, уже не товарищ).

А он-то этот доцент всё еще думает, что он товарищ твоему редактору. Наивный человек. Он мне напоминает героя сатирической миниатюры А. Райкина, который посмел узнать, кто ему сшил костюм-урод: «Вышли 100 мальчиков и все стоят так... как пуговицы – насмерть». Но если герой быстро сообразил, что надо идти на компромисс, то тов. Латышев этого не сделал (а еще историк, а еще доцент).

Ну и поделом ему. Правильно ты сделал, что ударил по этому «тормозу перестройки», а главное своевременно. Вон и в «Правде» бьют, чего же тебе церемониться. Нет – это не конъюнктура, ты бы и сам. Ну а то, что несколько опоздал – ничего догонись. Раньше жалел, теперь не будешь.

Ты уж извини, что я с тобой на ты, но ты сам в этом виноват, ибо ты Отдел и потому безлик для меня, твоего читателя, и не потому ли и я безлик для тебя? Но не спеши выбрасывать в кор-

зину мой отклик – это же не жалоба и будь со мной взаимно вежлив я-то твой безликий ответ прочитал, а мог бы этого и не делать. Был бы ты живой, имел бы ты человечесье имя – другое дело. Ну, конечно, прецедент, сходный внешне, уже был, но ты же не бездумный копировщик, не делопроизводитель-бюрократ.

Нет, ты ошибаешься, я не за Латышева, хотя врагом его и не считаю. Я, как и ты, против его амбиций и тщеславия. Я против его ярлыков. Ну а ты, чем ты-то лучше? Историческим подходом к личности Сталина? Латышев этого не сделал и ты тоже. У вас у обоих только два цвета: белый и черный вне времени и пространства. А Сталин исторически сначала был красным, а потом стал черным. Оценка ему уже дана и в докладе генсека тов. Горбачева и в статье «Правды» «Принципы перестройки...» оценка аргументированная, правдивая. Сделано это гласно, широко, многосторонне, а вы (Латышев и ты) этого почему-то не заметили. Может быть увлеклись не столько сутью вопроса, сколько интересами реванша?

Латышев по твоим словам «сводит личные счёты с редакцией, а редакция навешивает ярлык сталиниста и вышиниста Латышеву. И всё это очень сумбурно, слабо аргументированно, без соблюдения полемической этики. Что стоят такие перлы: у Латышева – «борзописцы», «надо же иметь, хотя бы элементарные знания», «невежество еще никогда не было аргументом»; а у тебя – «остаётся только почувствовать профессиональному историку», «он решил взять реванш», «для сведения личных счетов с редакцией».

Это хорошо, что ВСП опубликовало обе стороны, но мне думается было бы лучше, если бы ты не спешил высказать свою точку зрения, а дал бы сначала сделать это Читателю. Я думаю наш отдел, отдел Читателя, не хуже твоего мог бы объяснить тов. Латышеву что почём. А тебе осталось бы только подытожить, да расставить точки над и. Для дела перестройки это было бы несравненно лучше, это был бы урок демократии и самовоспитания для всех и каждого. Но ты предпочел ехать по старой заезженной колее. Конечно, она привычней, безопаснее и роднее. Ещё серый читатель и размышлять не начал, а ты ему уже всё разложил по полочкам: что чёрное, что белое, кто прав, кто виноват. Тут главное не опоздать, а то ударят сверху и не столько по Латышеву, сколько по тебе. Прецедент тоже вроде бы есть. Пойдут отклики, чем больше тем лучше, можно выбрать подтверждающее то с чем ты выступил, а остальное вскользь для видимости равновесия и равноправия в полемике. Главное ведь не то кто и как откликнется «на всяк роток не накинешь платок», главное то, что из этого ты напечатаешь.

Нет, я не за безликую объективность, но я против однобокости. Я за перестройку, но на деле, а не на словах. Однобокость, поспешность, недоверие к Читателю, плохие помощники перестройки, поэтому ещё не известно, что больше пользы или вреда принес делу твой ответ Латышеву.

С уважением к тебе товарищ Отдел,
твой читатель.

14.04.88 г. г. Иркутск

То что написано выше можете напечатать, если конечно решитесь или говоря мягче, посчитаете возможным. Ниже не для печати, а как информация к размышлению.

Видишь, я тебя уважаю, хотя ты и безликий и не считаю тебя серым, как ты меня. Но почему мы оба безлики? До сих пор и безлики, не странно ли? Ну а если честно, без ссылок на «так у нас в редакции принято» или еще в том же духе, что ответишь тов. Отдел? А я тебе отвечу прямо: я ещё не готов к этому и видно ещё не скоро буду готов. Кто виноват в этом? Моё воспитание. Кто меня так воспитал? Легче спросить кто не воспитывал. Это и культ личности, и культтики, и волонтеры, и рашидовщина. Все приложить успели руки за мою жизнь, в том числе и ты – Отдел пропаганды, ведь ты же не сегодня родился и тоже все этапы прошел. И тебя пугали и ты пугал. Так может быть хватит? Может быть пора настала говорить друг с другом по-товарищески и больше нажимать на убеждение, а не басы?

Ленин много неприятностей имел от Троцкого и гораздо более крупных и более значительных, чем ты от тов. Латышева, но умел видеть и в нем нечто положительное для дела революции. Ленин был дипломатом и умел даже идейных противников использовать в интересах революции. А чего добился ты? Озlobил Латышева и только.

У нас одна партия, одна страна, одна на всех перестройка.

Зачем нам сейчас плодить озlobленных, их и так достаточно много. Партия говорит об ответственности прессы не зря. Предстоят еще тяжелые бои за реализацию идеи перестройки, ещё только идет консолидация сил. Силу составляют люди и нужно бороться за каждого человека, а не отгаликивать его сразу. Середины здесь нет. Зачем перестройке лишние враги? А ты с такой легкостью делаешь врага из Латышева, делаешь, хотя прямо и не называешь его так. А ты пытался поговорить с ним лицом к лицу прежде, чем печатать свой ответ? Пытался ли его переубедить? Что-то я ничего об этом от тебя не услышал. А ведь это тоже твоя обязанность, твоя

работа, обязательная в таких случаях. Если, конечно, переживаешь больше за общее дело, за человека, а не за мундир.

Ну и что, что он доцент? Конечно, отвечать должен за свои слова. Но речь-то идет о другом: как отвечать, кому отвечать и во имя чего. А ты поступил по принципу: «Бей своих, чтобы чужие боялись!». Но ведь это принцип сталинских времён.

А может быть доцент Латышев действительно страшнее Троцкого и заслуживает того, чтобы с ним не церемониться? Допустим. Но тогда уж будь добр быть более доказательным, более тактичным и более уважительным к Читателю. Быть на голову выше того же Латышева и уж ни в коем случае не пользоваться его же методами в полемике. Из твоего ответа ничего этого не видно, но зато отчетливо видно стремление, как говорится, заткнуть рот. Ты уж извини, но что поделаешь, если это так. Ведь мы на этом воспитаны и потому чувствуем это отчетливо под любым соусом.

Меня всегда удивляли политики, которые правой рукой делали одно, а левой – противоположное. И главное они были уверены, что люди этого не замечают. Ответь мне товарищ Отдел, как можно правой рукой насаждать гласность, а левой рвать её же с корнем? Какой руке верить?

Или опять пришла пора негласной дозировки гласности? Прости за каламбур, но ведь тогда это не что иное, как начало конца перестройки. Неужели тебе не понятно, что без гласности перестройке скорая гибель? Гласность дозировать нельзя. Она или есть или её нет, третьего не дано, середины здесь тоже нет. Доцентов Латышевых должны опровергать доценты Ивановы, дворники Петровы из отдела Читателя. Если не верить в это, то не надо было нам и начинать перестройку. Если верить только в направляющий окрик Отдела пропаганды, без которого люди сами не разберутся в сути, грош цена такой перестройке. Ибо всё это уже было, было на три ряда и больше быть не должно. В четвертый раз никакой Отдел пропаганды уже не поможет. Последствия такого исхода перестройки с кудей гласностью будут не легче, чем последствия культа личности.

Вот почему тебе надо сто раз отмерить, прежде чем отрезать. Если ты, конечно, болеешь душой за перестройку. Извини, забьлся, какая может быть душа у Отдела?

Я знаю, ты можешь обвинить меня тоже в однобокости. Действительно, Латышева пожурил, но не сильно, а тебя гораздо сильней. Да, это так. Но если захотеть, меня понять можно. Я – читатель был поставлен тобой перед выбором готовеньких двух позиций: черной и белой, а выбрал – красную. И поскольку этот материал в печать не пойдет я говорю тебе, как товарищ по пар-

тии: своим слабым ответом тов. Латышеву ты причинил ущерб политике нашей партии больший, чем это сделал Латышев.

Но поезд, к сожалению, уже ушел.

Редактору газеты «Советская молодёжь»
тов. Желтовскому О.

Уважаемый тов. Желтовский / извините, не знаю вашего имени-отчества/! Газету, которую вы возглавляете, я до сих пор не знал. Приехал из Запорожской области навестить дочь и её семью.

И здесь-то и наткнулся на вашу газету, а в ней читательскую дискуссию об «Окопной правде». Надоли говорить, как меня, фронтовика, она заинтересовала. К тому же, всю свою жизнь, с 1949 года, после мытарств по госпиталям и окончания института я работал учителем истории в школе. А значит, каждый год, во время отведённое программой, рассказывал ребятам о войне. Рассказывал добросовестно в рамках этой самой программой обозначенных. И все же, положила руку на сердце, всю ли правду им говорил? С горечью сознаюсь, нет. И от этого чувствую себя личновиноватым, когда вижу неуважительное к нам, ветеранам войны, кощунственные смешки подростков у бесчисленных памятников нашим воинам.

Извините, что я отвлекся от сути дискуссии. Но мне кажется бессмысленным возражать таким как ваши читатели Чупалов и Захарова, опубликовавшиеся в газете. Что бы им не говорили, какие бы аргументы не представляли – они глухи. И не для них пишу я это письмо в редакцию – на молодых.

Мне кажется, разговор о существовании «окопной правды», «генеральская правда» – можно много ещё навдумывать всяческих «правд» – несостоятелен. Правда – она правда и есть. На всех одна. Другое дело, что молодые всей правды о войне не знают, а многие ветераны тщательно стараются ее забыть. Сколько встреч с участниками войны я лично организовывал для ребят. И от всех только и слышал: вот мы взяли высоту, потом форсировали реку, ворвались в окопы и т.д. Не мудрено, что ребятам после таких рассказов, война представлялась сплошным потоком подвигов и приключений. Я, офицер-«окопник», закончил войну командиром батареи, не хуже других знаю, что и подвиги были, и приключений хватало. И это правда. Но не все. А полуправда хуже лжи...

А в конце 70-х «Малую землю» изучали, о мнимом вкладе в Победу Леонида Ильича. Стыдно вспомнить. А каком уважении

молодых к нашему военному прошлому можно после этого говорить... А в результате живо – несмотря ни на что – массовое убеждение «Товарищ Сталин выиграл войну...» А если я скажу, что выиграл войну младший сержант Мальшев из одного моего расчета? В сорок втором под Сталинградом, он, единственный в живых из расчета, с оторванной ногой сумел сделать восемь выстрелов из противотанковой пушки и только после этого умер, а представление о награде затерялось, это генеральские награды не терялись, а солдатские-то... Молодежь, по крайней мере думающая, сегодня недоумевает. Если у нас было такое гениальное руководство, то почему наши фронтовые потери были больше чем у немцев? Если советская страна вступила в войну, как «единый сплошной кулак» то почему так много предателей было на захваченной территории. Да и перебесчигов хватало. Почему наших пленных было больше чем у вермахта?...

Правда найти крайнего для меня лично важно. Мне важно знать знать, почему утонули восемь ребят из моей батареи при Припяти, только потому что не умели плавать, а плавсредств, простого бревнышка, не говоря о большем – отцы-командиры не запаслись, самим взять было негде. Это ведь тоже правда. А многократно обыгрывая в кино и в учебниках ситуация «батарея без снарядов отражает атаки» - это ведь не только солдатские подвиги, но и чье-то разгильдяйство, некомпетентность, трусость...

У нас нет настоящего учебника о войне, я имею ввиду – до конца честного. Каким я его вижу. Это не только хроника войны, но и солдатские письма, и лучшие произведения литературы о войне / Твардовский, Быков, Симонов и др./ и генеральские мемуары... И чтоб в каждой школе была книга с поименным списком всех погибших в святой войне, о которой мы так мало сказали.

С уважением Литвиненко В.Г. пенсионер, старший лейтенант в отставке. Инвалид ВОВ.

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»
(Иркутск) 3.5.88³³

Ув. Редакция!

Не могу согласиться со ст. позорный и оскорбительный ярлык, Миронова за 26 апреля. Напрасно Миронов беспокоится за весь Забайкальский в.о. Сибиряки воевали, мы знаем не хуже Миронова, Отлично! Но ведь было и такое, солдат солдата убивал на

³³ Дата проставлена в редакции. На конверте почтовый штемпель 28.4.88 г.

турнепсном поле за то – что тот не вынес голода и хотел сорвать одну турнепсинку. Пухли с голоду, и падали. Вши заедали, и это верно. Просто Миронов родился под счастливой звездой. Его командир где он служил, таких называли тогда Батей. А служить под началом хорошего командира не знать беды. Но были и другие командиры, и сейчас они есть. Приутихли только, гласности и т. Горбачева побаиваются. Отнимали они солдатский паек и пропивали. И в баню один солдат не побежит, ему нужна команда. Хороший командир, организует солдату и в палатке баню, и накормит горячим супом из того-же турнепса. Это и есть Батя.

А заслуги у Сибиряков ни кто не отнимает, сами с усами. Миронову захотелось описать о себе, как он воевал, да как теперь его и других чтят, а те кто погиб, или еще хуже умер в Чите с голоду??

А ведь они рвались на фронт не из за пайка сытного, а чтоб не сдохнуть с голоду, как собака, умереть хотя бы в честном Бою за Родину

Вот так дорогая Редакция

Было и такое

С ув. Турчанинов,

участник войны.

Заб. в.о., пенсионер.

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
13.XII.88³⁴

Дорогие товарищи, редколлегия журнала «Наука и жизнь»!
Прочитала в №11 за 1989 г. статью А. Ципко «Истоки сталинизма». Кое-что поняла, кое-что не поняла. Не поняла, как перестроить мышление, например, мне, родившейся и выросшей при Сталине?

Как научиться критически пересмотреть марксизм?

Как выгравить в себе чувства коллективизма (я на них воспитана в интернате), а воспитать чувство индивидуализма?

Как можно верить в гласность, в свободу мнений, если многие авторы критикуют некое письмо Н. Андреевой, а прочитать это письмо мертвому не дано?

Ведь тоже можно подумать, что т. Ципко подгоняет свою статью под нынешние времена, под нынешнюю экономическую

³⁴ Дата поставлена на машинописной копии в редакции журнала «Наука и жизнь» и, видимо, является датой получения письма.

политику. А где же он был раньше? Почему раньше не пересматривал марксизма?

А я не за кустарей и в ремесле, и в сельском хозяйстве, и в сфере обслуживания. Я – за светлые цеха, за залитые светом ателье, просторные, удобные красивые. Я за широкие поля и богатые фермы, где нет почти женского (тем более детского) труда, а есть мужской труд и механизация всех работ и процессов. Я за такое светлое, умное, красивое общество, как оно описано в «Туманности Андромеды».

Р.С³⁵. Напечатайте в журнале письмо Н. Андреевой.
Сумы (полный адрес), Забелло Г.И.

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
21.02.89³⁶

Доктору философии Ципко А.С.

Да здравствует перестройка!

Дорогой профессор, низкий поклон и русское спасибо (спаси Бог) за правдографию «Истоки сталинизма»! Брав, профессор! Истоки – суть в 17-м.

В это благодатное (Богом данное) время хочется сказать слова признательности и М.Горбачеву. Воистину – русский человек, русский мужик, хотя в «борьбе с пьянством» и он зело перегнул, ибо... не бороться следует с народом, но воспитывать и воспитывать – с молока (позднее братья – всуе!). Для преобразования же социально-экономической конъюнктуры потребуется ни много ни мало – двести-триста лет, - ибо уничтожено горе-коммунистами все и вся, - и сие знать надобно не только нам, философам и пророкам, но и правительству, и каждому человеку в отдельности. Главное же ныне – работа: работать, работать и работать! Но не слепо и по приказу, но от себя, по доброй воле и от души! И рыцарю Михаилу желаю и реку одно: если желаешь править государством спокойно и без охраны телохранителей, не законствуй (запретами), но правь любовью (к каждому), ибо... знание – хорошо, но знание... – не сила, знание есть горе человека; сила же человека – любовь! И не пресекать никакие мысли, суждения, мышления, даже если они направлены и против перестройки, а уничтожать их и ставить на место полемикой, диспутом, делом праведным. В последнем вижу суть демократии.

³⁵ Так в письме

³⁶ Дата поставлена на машинописной копии в редакции журнала «Наука и жизнь» и, видимо, является датой получения письма.

Ни у кого не выходил, как, может, лишь у Ю.Афанасьева, того, как ударили вы по «коммунистическому фантазерству»! Полностью с вами солидарен, что «коммунизм – это чистейшая утопия», что Коба Сталин Джугашвили – уголовный преступник, что... марксизм как философия есть философия смерти.

Как учитель и ученик православной церкви благодарствую Михаилу Сергеевичу за возвращение русского народа в лоно святой церкви. На это мог пойти истинный христианин, каким и считаю крещеного.

Образование происходит от слова «образ», и образ сей – образ божий; просвещение – от слова «свет», светить, освещать, просвещать... Светить Богом, Евангелием, иисусом Христом! Тотальная безнравственность и необразованность должны быть ликвидированы! К свету!

Иисус Христос – свет миру (ин. 9,5)³⁷, тьма миру – безбожие!

С любовью христовой д-р Александр Волгин-Понедельник.

Если бы не революция³⁸...

Если бы не революция 1917-го года, моя страна, моя дорогая и святая Россия ныне была бы мощнейшим и прекраснейшим государством на Земле, утопала бы в садах и благоухала цветами. На каждой улице – церковь! Вижу: страна – как монолитная и единая лавра, устремленная миллионами золотых куполов соборов в небо, к Христу Спасителю! Всюду изобилие и счастливые лица, у каждого дом и сад, нет границ, но есть свобода, и каждый свободен!

Если бы не эта треклятая революция, у Гитлера даже во сне не появилась бы идея и не снилось вовсе напасть на Россию и атаковать ее, ибо таковое было бы абсолютно невозможно в силу того, что к 1941-му году Россия находилась бы на таком высочайшем технико-военном уровне, что всякая война была бы невыносима и исключена!

Если бы не революция, мою страну не обложили бы ныне тысячи американских баз со всех сторон и воздуха; если бы не революция, ныне ...русские и немцы, русские и французы, русские и японцы, русские и англичане, русские и американцы... – была бы одна и единая, дружнейшая семья, без проблем, без границ,

³⁷В оригинале, очевидно, ссылка на Евангелие от Иоанна. Так передано в машинописной копии, сделанной в редакции.

³⁸ Текст «Если бы не революция...» приложен к письму Волгина-Понедельника.

не ведущая никаких споров, как лишь футбольные да мирные в кафе за кружкой пива!

Если бы не революция!..
Воронеж (полный адрес)
А. Волгин-Понедельник.

Письмо в редакцию газеты «Комсомолец Забайкалья»
29.01.89 г.

Уважаемая редакция газеты «Комсомолец Забайкалья», уважаемые члены общественного «Комитета по увековечиванию памяти безвинных жертв 30-50-х годов», весной того года получил от вас весть письмом, что на мою письменную просьбу о розыске деда и бабушки репрессированных в 37 году и кажется трудившихся в Чите, «Комитет» попытается что-либо разыскать – спасибо вам за тот быстрый и теплый ответ. На другие мои обращения в УКГБ по Красноярскому краю и Иркутской области пришли ответы. Дед и бабушка Мясников Я.И. и Загоскина Т.И. посмертно реабилитированы в 1957 г. (бабушка была ещё жива). Бабушка была арестована в г.Москве, а дед в г.Иркутске в должности нач-ка дорожно-технического управления ВСЖД (в момент ареста должность – ревизор). В г.Чите они случайно встретились, полюбили и в вашем городе родилась моя матушка. Мои версии опадают, я их нашел и теперь надо восстанавливать их в партии посмертно.

Ещё раз вас благодарю, приклоняюсь перед вашим приоритетом первых в стране начавших дело «Мемориала».

С сибирским приветом соседям забайкальцам.

Галанцев

(на конверте: г. Красноярск, полный адрес)

Письмо в «Комитет памяти»

(Чита)

Председателю секции безвинно репрессированных при комитете памяти т. Ф. Дармороз.

В 1937-м году в февраля м-це Мефодия Егоровича в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. где он был председателем колхоза. В апреле м-це этого же года арестовали его сына Казакова Петра Мефодьевича, который был первым шофёром Знаменского колхоза. Он был 1918 г. рождения, холост и

как бывший член Знаменского работал в своём колхозе, а отца с семьёй перевели в с. Беломестново.

Когда их арестовали мама осталась с 5-ю малыми детьми одна, слабая от случившейся трагедии. Я жила в В-Дарасуна Шилкинского района. У меня был муж и двое сыновей 1) 2-х лет и 2) 8-и месяцев. Мы только начали обживатьсь и такой удар.

Я забрала маму к себе и помогла вырастить всех детей старшему из них было 13 лет. Он был взят в 1943-м году в армию и потерялся без вести.

Мне хочется увековечить отца и братьев. Я собрала все документы на отца и брата и есть фотографии, есть справки о реабилитации их, а куда их посылать не знаю. Если можете навестите меня, я не могу приехать. Мне 77 лет доходит. А документы доверить ни кому не могу. Я их с трудом достала. А о потерявшемся брате Павле Мефодьевиче 1922 г. рождения нет документов. Ещё не успела запросить. С уважением и просьбой Казакова Павла Мефодьев.

Письмо в редакцию газеты «Пионерская правда»³⁹
от Дарской Оли,
проживаю (адрес)

Заявление.

Мой прадед Маневич Вениамин Соломонович – он был партийный работник. Мама и бабушка мне о нём ничего не говорят, а я хочу о нём знать.

Мой папа дружил в детстве с дядей Володи Ульрихом – его отец работал с Вышинским.

Я дружу с Колей Ульрихом он живет в нашем доме, выше этажом. Коля знает о своем прадеде и говорит, что он хороший, а моя бабушка Сима говорит, что прадед его плохой, а Коля хороший.

Мой прадед дружил с Ломовым, которого арестовали и расстреляли. Его жену тётю Наташу и дочку Нину тоже арестовали и они вернулись больными. Бабушка Сима говорит: «Если бы мой прадед Маневич В.С. не умер в Кремлевской б-це, то его бы арестовали обязательно!».

Пробабушка Н.С. Маневич-Дегтярева умерла давно и мне никто не может рассказать о прадеде, а он был очень интересный человек. Работал в Германии, вначале в Бауманском Райкоме партии.

Кто он был?

³⁹ Редакция газеты «Пионерская правда» передала нам письма читателей без конвертов, поэтому мы можем только приблизительно датировать письма, если не поставлена дата автором. Данное письмо пришло в редакцию в период с мая до октября 1989 года.

Может Вы мне помогите.
Я хочу писать автобиографии моих предков.
До свидания.

Письмо в редакцию газеты «Пионерская правда»
Привет «Пионерка»!⁴⁰

Расскажи мне о Сталине. Все его ругают. Почему всё свалили на Сталина? Он не мог сделать столько ужасного (зверского, унижительного) сам?

Кто это выполнял? Кто ему помогал? Расскажи о Берее. Кто этот человек и что он сделал? Когда начались репрессии, почему были репрессированы жёны и дети этих людей? Почему их утопили на корабле? Кто это сделал? Зачем? Где держали репрессированных? В каких условиях? В тюрьмах над ними издевались уголовники и убийцы? Потом уголовников отпустили, почему? Почему народ не встал?

Арцимеева Алёна

Письмо в редакцию газеты «Комсомолец Забайкалья»
(получено редакцией 1.12.89 г.)

Товарищи молодые.

Я пишу о вашей передаче для молодежи 18/ХІ-89 г., то могу сказать одно, что организация «Народный фронт» антисоветская и националистическая, и эта чума, эти пауки из Прибалтики добралась до Забайкалья. Видно не зря приезжали три проповедника из этих регионов, видно решили страну разворотить, не дать стать на ноги. Кто вы молодые из редакции «Комсомолец Забайкалья» и из молодежной передачи радио? Надо давно гнать Курочкина из редакции, которая превратилась ни в молодежную газету, которая должна воспитывать молодежь, ставить её на путь истинный, а ваша редакция развращает молодежь, прививает ей ненависть к Родине, к народу. Эти пауки добиваются этого, чтобы были такие действия, как в Грузии, Армении. Молдавии, Узбекистане, т.д. Надо не митинговать и бастовать, а работать и помогать партии и народу поднять экономику, культуру, жизненный уровень, чего не делает «Народный фронт», а вносит смуту и раздор между людьми. Слышала голос Граубина,

не он ли связан с этими священниками и входит в комитет «Народного фронта». Так ли? Не ошиблась ли я?

Такие, как журналистка из «Комсомольца Забайкалья» чего добиваются? Я не верю таким, которые становятся игрушкой в руках из этого приславутого «фронта». Пока ничего хорошего он не дал не людям, не стране. А столько зла внес между людьми и этого хотят иметь у нас в Сибири, Забайкалье, на Востоке. Не о людях они заботятся, не о стране, а о своем престиже, внести в умы людей сумятицу, не доверие к Советской власти, к правительству. Они никого не уважают кроме своего Я. Надо молодежной газете заниматься делом, тем более комсомольской, чем трепаться языком о фронте, его пользе. Не было и не будет от него пользы, не для этого он создан деятелями из Прибалтийских республик и пришел из-за кордона.

Сколько грязи, блевотины, помоев вылето на русский народ этим фронтом, каких грязных эпитетов высказано в адрес русских. Один эпитет «оккупанты» (о русских) дает знать, что это за люди, что по отношению к другим народам у этих людей самое отвратительное. Таких писаек, как эта Лена (так вы её называли) надо гнать в три шеи из редакции, слишком много развилось таких писаек, которые не проверяя факты, не зная истории, жизни судят о том или ином факте с чужого голоса. Стараясь вину с больной головы свалить на здоровую. «Народный фронт» реакционная организация и она это показала. В нее большей частью входят люди ненавидящие русских, ненавидящие партию, советскую власть. Выродки из недобитых власовцев, лесных братьев, бандеровцев и их потомков. Людей, которые потеряли привилегии после революции и их потомки, мечтающие об этих привилегиях. У нас сейчас любят некоторые щеголять дворянским происхождением, не думая о том, что многие дворяне вышли из простонародья. Народный фронт старается внести раскол среди людей, натравливает одни народы на другие. Съездили народники в Грузию, Армению, Азербайджан, что получилось? Ответьте мне? Ведь не помочь стремятся стране, а возвысить себя, показать свои амбиции. Какие они выдвигают лозунги? Раскол между партией и народом. Стараются вбить клин между партией и народом. Обливают грязью Армию, МВД, органы госбезопасности. Приподносят такое, что волосы дыбом становятся. Людей, которые стояли на смерть под Москвой, Сталинградом, Ленинградом называют трусами, доносчиками. А кто доносил? Люди, подобные таким, которые кричали и действовали так, как действуют эти преславуемые народные фронты, а камень за пазухой держали, чтоб в удобный

момент ударить. Странные люди, у которых душа, как чемодан с двойным дном. Эти люди, которые сейчас обливают грязью всех и вся живущих в России, с распростертыми объятьями встречают тех, кто бежал с корабля Родины, лил за границей грязь на Россию и её народ. Крысы эти бегут, а их возвеличивают в ранг обиженных и угнетенных. Бедные овечки, русские бяки жить не дают. Так что перестаньте тревожить людей и будоражить, вносить смуту. Её хватает до чертиков. Из-за этой смуты страна несет убытки, гибель людей, неразбериху в умах людей, развращает молодежь. Не их ли дело, что 400 молодых людей нашей области находятся в бегах от призыва в Советскую Армию. Ведь это и газеты содействовали этому, своими корреспонденциями. Если Граубин в этом фронте, то мой совет не лезть в амбиции из-за квартир, злоба плохой советчик в действиях.

Извините за резкость, но нет уже сил терпеть от «культуры», которую приподносят газеты, радио, телевидение, за ту демократию, которую воспевают у нас за границей, уровень жизни. По той демократии за преступления у нас дают 5 лет, а в Америке 30. А сколько в этих странах несчастных? Я верю не нашей прессе, она завралась, все перевернула с ног на голову, а верю произведениям иностранцев.

С уважением. Передайте письмо «писательнице» из «Комсомольца Забайкалья» как ей хочется прославится, выдвинуться, покомандовать.

А студенты лучше бы овладевали знаниями, учились хорошо, повышали свой культурный уровень, чтобы выйти классными специалистами, а они занимаются митингами и глупыми речами и призывами. Дело надо делать, а не болтать. Помогать надо Верховному Совету и Правительству, как улучшить положение, а не языками болтать. Таких как вы хватает и в Верховном Совете.

Все.

Г.Балей (полный адрес)

Антонова Е.А.

На оборотной стороне листа:

Надо воспитывать патриотизм у молодежи, а у вас самих его нет. Страшно становится, что если бы такое было перед войной предательства хватило до беды. Эх, вы! Идеологи молодежи! Как вы далеки от нее.

Письмо в редакцию журнала «Родина»⁴¹

Уважаемый тов. Совцов!

В печатный орган пишу первый раз в жизни, хотя мне уже 62 года. Дело в том, что прочитала в 10-м номере вашего журнала статью В. Солоухина «Читая Ленина» и теперь места себе не нахожу. Неужели это тот Солоухин, которому вся моя семья так симпатизировала, считая его таким русским и добродушным. Этот вопрос задают себе все, кого я знаю и кто читал его статью.

Согласна и очень понимаю, что у людей должны быть разные точки зрения, разные мнения на обстоятельства, события, на характеристику людей, неважно какое положение они в обществе занимают. Очень верно, что средства массовой информации развенчали преступные деяния Сталина, подвергают критике деятельность Брежнева, вскрывают недостатки, имеющиеся в нашем обществе. И все это понятно. Но совсем не ясно, когда добиваются до Ленина. Причем как то грязно это преподносят. Вот и В. Солоухин надергал цитат из 36-го тома Владимира Ильича, окунул в грязь и выдал людям. И какое высокомерное заявление «...дома я никогда Ленина не держал». Думается, что не только не держал, но и не изучал. В отличие от В. Солоухина у нас дома всегда есть полное собрание сочинений В.И. Ленина. Многие работы Ленина мы не просто читали, но и изучали. Настольной книгой они являются и сейчас у сына. И это не бахвальство, это совершенно естественное обычное состояние. Очень много хочется возразить В.Солоухину. Но зачем? Кто я для него такая? Никто.

Хотя правда В. Солоухин в сравнении с именем Ленина В.И. тоже никто, как и все мы. Нам до гения Ленина, что от земли до космоса. Но в отличие от писателя Солоухина мы это понимаем, а он возомнил, что даже деятельность Ленина проанализировать ему дано и доступно. Спасибо большое гг. К. Бордюгову, В. Козлову, В. Логинову, которые достойно, умно прокомментировали статью Солоухина.

Пусть мое мнение ничего не значит, но не высказать своего протеста против этой статьи я не могу. Вот в том и состоит моя скромная задача. Разве В.Солоухину неизвестно что делается в стране? Так зачем же подливать столько керосина в разгоревшийся костер? На чью мельницу льёте? (это к Солоухину относится). Не собираюсь поучать Солоухина, не имею на это права, но

⁴¹ Письмо может быть датировано январем 1990 года.

мне представляется, что писатели – идеологические работники и должны призывать людей к активному труду, миру, добру. Так поступают уважаемые всеми писатели: В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев, Ч. Айтматов, Б. Олейник и мн. другие. В каком же ряду Вы стоите, В. Солоухин, если так грязно, наотмашь бьёте по имени В.И. Ленина. Не известно еще что было бы со всеми нами если бы не гений Ленина и партии Ленина. Вот горе! Стало модным мордовать всё и вся, не вникнув и не разобравшись. Так и хочется крикнуть на всю страну: «Люди остановитесь, что Вы делаете»?

Одни очерняют Ленина и партию, другие вредят перестройке, всё подвергая сомнению, зовут на митинги и забастовки, тем самым развращают молодых людей прежде всего. Разве всё это приведет к хорошему? Конечно нет.

Тов. Совцов! В данной записке я как человек и коммунист старалась выразить свое мнение. Простите, что несколько сумбурно. Нервничаю. Не выходит из головы мысль, как можно осуждать и очернять революцию, Ленина, пусть даже не все было гладко, людям, родившимся после революции и ничего в этом не понимающим. Судить Ленина через десятилетия, да в сытой жизни легко. А есть ли для этого основания, знания об этом не подумал В.Солоухин. Конечно нет. Ныне амбициозные люди ни к кому не прислушиваются. Их мнения превыше всего. Как жаль!

С большим уважением к Вам – А. Шачнева (см.об)

Надпись на обороте.

Ответа на письмо мне не надо. Я выразила свою точку зрения и всё. Книги Солоухина у нас есть, завтра их не будет у нас. Сожгу.

ГЛАВА 2. Память против схоластики: переходность образов истории в читательских письмах

Татьяна Кальянова

Период перестройки и гласности, будучи недавним прошлым, представляется ныне как иной мир, другое время. Он оказался переходным периодом не только в истории России, но и в отечественной исторической науке, поскольку тогда историкам открылась возможность переосмыслить многие прежние догматы, расширить тематику, выбрать новые методологические подходы и принципы. Результаты тех процессов привели в 1990-е годы к переменам, которые современные исследователи оценивают как «методологическую революцию»⁴². В частности, в рамках расширения эмпирического и проблемного поля истории оформился устойчивый интерес к человеческой субъективности и к неофициальным документам, в которых она проявляется, к тем источникам, где слышны голоса «молчащего большинства»⁴³.

К концу советских 1980-х годов сформировалась прочная традиция чтения газет и журналов, а также практика читательских откликов на ту или иную публикацию. В переходный период перестройки и гласности многочисленные письма читателей в редакции периодических изданий, на телевидение и радио представляли сиюминутную, непосредственную реакцию на

⁴² Понятия «методологический вакуум» и «методологическая революция» использованы, например, в статье *Репина Л.П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.23. Также см.: «После «методологической революции», произошедшей в первой половине 1990-х гг., разрушившей монополию марксистской методологии и утвердившей в науке методологический плюрализм, в историографических исследованиях при обосновании методологической основы исследования наблюдается большой разнობой» (*Камынин В.Д.* Диссертации по историографии: из опыта методологического и теоретического обоснования исследований. // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С.79.

⁴³ «Исследовательский и «просто интерес» к «документам жизни» нынче на повестке дня. Разные у этого интереса резоны. С одной стороны, это – восстановление замалчиваемой истории, вернее истории молчащих» (*Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. С.7.

внешние высказывания. Они были массовым выражением не проявленной прежде человеческой субъективности. Через них происходило мощное вторжение индивидуальной памяти отдельных людей в пространство публичной полемики.

В тот момент исторические знания перестали быть привилегией профессиональных историков и оказались в центре общественных дискуссий, публицистических выступлений, читательских размышлений. В одних письмах официальная версия советской истории, транслировавшаяся системой образования, вызывала множество вопросов, претензий, порождала скепсис, несогласие, протест. В других же, напротив, она отстаивалась как неоспоримая догма, сакральный миф, не подлежащий пересмотру.

В данной главе в качестве источника рассматриваются письма в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда». Они разнородны, отличаются мотивацией, идеологическими установками авторов. Из всего массива были выбраны те, в которых присутствует историческая проблематика.

Во многих корреспонденциях рассказывались личные или семейные предания «простых граждан», сохраненные в своей памяти людьми, никогда специально не занимавшимися историей. Другая группа – это письма профессиональных обществоведов. В них в значительной мере отразилась риторика исторических высказываний, которая преобладала тогда в преподавании и пропаганде. Условно можно сказать, что в первой группе писем более представлена историческая память, тогда как во второй – историческая схоластика. Как переходный вариант между ними были рассмотрены тексты, в которых существовало и то, и другое. Это деление стало основой для выявления переходности образов истории.

В работе с такими источниками существуют некоторые методологические трудности. Письма стали своеобразным творческим откровением частного человека. В них проявилась жажда высказывания, свободное волеизъявление написавшего в газету читателя, а также поиск словесных средств и способов выражения своего индивидуального недоверия, сомнения, несогласия или личного ощущения правды истории. «Микроистория незаменима при анализе всякого конкретного казуса, всегда окрашенного индивидуальностью его участников, так же как и всякого индивидуального выбора, обусловленного духовной или – что не менее важно – телесной реакцией индивида. Именно микроанализ

лучше всего высвечивает индивидуальную сторону человеческой личности»⁴⁴.

Вместе с тем письмо в редакцию газеты открывало выход в публичную сферу, в область коллективности, тем более что в нем обсуждались общественно значимые темы. Высказывания по таким вопросам неизбежно воспроизводили существовавшие в социально-политическом дискурсе стереотипы или идеологемы, усвоенные человеком и помогавшие ему вслух выразить себя, найти общий язык с невидимыми собеседниками. Письма выстраивались как диалог. Они чаще всего оказывались откликами на публикацию и как будто запрашивали ожидавшийся ответ редакции, других читателей. В них проявлялась потенциальная творческая энергия, поскольку сам акт написания письма, обретения голоса подразумевался авторами как возможность изменить какой-то общий мир.

Тем самым письма включались в контекст макроистории. «Не в том ли состоит и задача историка, который хотел бы увидеть историю частной сферы во всей ее сложности, во всей напряженности столкновений стереотипного и индивидуального? Не должен ли и он «смотреть в оба», чтобы осмыслить, с одной стороны, макрофеномены (в том числе стереотипы), с другой – микромир, включающий не только индивидуализированное воплощение тех же стереотипов, но и не подчиняющиеся стереотипам уникальные поведенческие феномены?»⁴⁵.

В высказываниях, представленных в письмах, существовала ощущавшаяся авторами внутренняя разнородность времени, интуитивное сравнение «своего» и «другого». На это наслаивается аналогичное соотнесение, вносимое внешней субъективностью исследователя. Несовпадающие масштабы разных эпох сопоставляются в таком изучающем взгляде, что затрудняет

⁴⁴ Бессмертный Ю.Л. Метод// Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М.: Российск. гос.гуманит. ун-т, 2000. С. 21. О том же пишет Л.П. Репина: «Пожалуй, именно в истории индивида или в персональной истории наиболее остро и наглядно ставится ключевая методологическая проблема о соотношении и совместимости микро- и макроанализа.(...) Обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным, но на уровне обобщения методологические проблемы перехода между полюсами индивидуальности и коллективности остаются актуальными» (Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории»// История через личность: Историческая биография сегодня. – М.: Квадрига, 2010. С. 71).

⁴⁵ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч., с. 22

историческое понимание. Эта сложность историзма отмечена Э. Трёльчем еще в 1922 г., но его суждения сохранили актуальность: «Понять эпоху означает оценить ее в ее собственных, пусть даже самых сложных, сущности и идеале. Если это требуется по отношению к чуждым тотальностям в первую очередь, то во вторую очередь ставится задача сравнить этот чужой дух с духом собственных условий и оценить его в соответствии с ним. (...) И тогда мы действительно судим о чужом нам мире не только по его собственным, но и по нашим масштабам, и из этих обоих направлений движения возникает в конечном счете новое и своеобразное движение»⁴⁶.

Еще одну трудность в работе с такими письмами отмечала Н.Н. Козлова. Она рассматривала их как образец того, «...что по аналогии с наивной живописью мы называем «наивным письмом». Но в нашей культуре не сложилась пока традиция относиться к наивному письменному тексту так же, как мы относимся к наивной живописи»⁴⁷.

В текстах писем представлена авторская запись спонтанной устной речи, в которой не учитывались правила литературного языка⁴⁸. При работе с подобными источниками не всегда легко признать ценность такой «неграмотности» и отказаться от редакторской правки. В одной и той же корреспонденции простонародность высказываний может соседствовать с официозными идеологическими фразами. Границы между индивидуальной памятью о прошлом и схоластической историей оказывались не внешними, а внутренними для автора письма. Переходность, трансграничность были характерными свойствами исторического сознания человека, обращавшегося в газету.

Письма читателей отчетливо обозначили наметившийся и совершавшийся в тот период переворот в массовом гуманитарном мышлении. К концу советского периода общеобразовательная история предлагала допустимые вопросы и должные ответы, но не предполагала спонтанное вопрошание. Письменная версия истории не содержала в себе устную, бесписьменную субъективную правду об индивидуальной судьбе. Недоумение и недоверие были вытеснены из схоластической общей истории в сферу личной или семейной памяти. Схоластика и память как будто оказывались двумя полюсами исторического знания. В

⁴⁶ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 146.

⁴⁷ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Указ.соч. С.10.

⁴⁸ «Нормы этого письма лежат не в языковом поле, но в поле социальных отношений» (Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Указ.соч., с.46) .

читательских письмах периода перестройки публично высказывалось индивидуальное недоверие к официальному истолкованию советской истории, получала огласку память о прожитой жизни, проявлялись индивидуальные образы истории.

Современные исследователи так определяют понятие «образ истории»: «...это не вся «прошедшая история», и не все «историческое знание», а субъективное видение и интерпретация хода истории, часть мира человеческих представлений, а именно представлений о прошлом. Поэтому «образ истории» всегда является упрощенным толкованием прошлого из перспективы настоящего. При этом он ориентирован на современность, поскольку именно она задает параметры, по которым оценивается прошлое, отбирается все «значимое». Можно сказать, что прошлое актуализируется настоящим и, следовательно, является динамичной составляющей исторической культуры современного общества. В синхронном срезе культуры могут существовать несколько «образов истории», что свидетельствует о многослойности исторического сознания, которое содержит в себе изменчивость человека и его истории, а также признание воздействия истории на настоящее и будущее»⁴⁹.

В письмах «простых граждан», представивших устные предания репрессированных семей, актуализировалась память, ранее вычеркнутая из официальной версии советской истории. Как правило, они были откликами на опубликованные в газете материалы, связанные с деятельностью общества Мемориал. В них выговаривалось то горе, о котором молчали долгие годы⁵⁰. Вот одна из жизненных историй: *«Наш отец Бойко Николай Алексеевич 1893 г. рожд. В прошлом артист цирка. Когда за ним пришли из НКВД в 1938 21 июня сказал маме Я сейчас вернусь. Какое-то недоумение. И вот через 50 лет мне сказали, что его без суда приговорили в 1938 г. к ВМН как врага народа а в 1958 оправдали как невиновного (...) Когда мы росли то много было без отцов, то сидели как враги народа, то погибли на фронте. А как росли мы и как было с нами знали*

⁴⁹ Бобкова М.С. «Historia Pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.:ИВИ РАН, 2010. С. 16-17.

⁵⁰ О природе такого молчания см.: «Современные исследователи, однако, чаще склоняются к мнению, что молчание в СССР было не результатом травмы, а осознанной стратегией с политическим подтекстом: от способности скрывать свои тайны зависела успешность собственной карьеры и безопасность близких» (Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. С.455).

наши матери которые большинство рано ушли из жизни Вот теперь стали писать всю правду. Сейчас сидят, надо писать? А мы? Это же все прошло через нашу жизнь И как страшно стает Ни за что убить человека! А ведь стрелял не фашист, а свой советский (...) А многие писать не пишут вам, очень трудно все вспоминать столько лет прожить с таким клеймом»⁵¹.

Поляризация памяти и схоластической истории отражала еще и разрыв двух культурных традиций - письменной и устной, а также социальное деление и неравноправие. Устная история, основанная на личной или семейной памяти, зачастую содержала в себе свидетельства репрессий, былой общественной отверженности, социального изгойства. Очень отчетливо это выражено в следующем письме: «Я – дочь «врага народа» и жена инвалида войны считаю возможным говорить на равных с товарищами из Ангарска, которые считают кощунством выделение льгот реабилитированным и весьма оскорблены приравниванием последних к участникам войны. Товарищам Жукову, Тарасову и Лаврентьеву должно быть далеко за шестьдесят. Неправомерно ставить вопрос «как они остались нетронутыми в годы репрессии», но коль эти люди подвергли сомнению честь и достоинство погибших и пострадавших от репрессий, то заявляю: из моей деревеньки в 60 дворов за не полный 1938 год забрали самых лучших. Все они были людьми воинского возраста, крепко преданными Родине, делу партии. Потому, не признав себя врагами, все погибли от жестоких пыток на допросах, не умерли, а погибли стоя. Презрев смерть, сохранили честь! Не воевали, потому что к тому времени были физически уничтожены без суда и следствия. Все посмертно реабилитированы. У всех нет места захоронения. Послушайте, если вы не знаете этого, как переплелись в наших судьбах война и репрессии. (...) Хочу сказать об односельчанах. Их погибло 36 человек! Ни один из взятых не вернулся. Никогда ни от кого не было никакой весточки. Все расстреляны, потому что все они были честными людьми. Все посмертно реабилитированы. У всех нет места захоронения. (...)

Послушайте, как мы выжили в те годы. А они для нас хуже, чем война. После ареста отца нас привезли в родную Таловку Ольхонского района. Следом явилась милиция. Искали документы и наган. Матери дома не было. Вещи все что забрали, что раскидали. Сохранилась единственная фотография отца, где он сидит на 6 Всесоюзном съезде Советов рядом с М.И. Калининым, А. С. Енукидзе и Н.К. Крупской. Сломанная тогда пополам, она хранится у меня и по сей день как единственный свидетель деятельности моего отца. На работу мать не

⁵¹ Письмо Бойко А.Н. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

принимали. Постоянная угроза арестом. На каждый шорох соскакивали с узлами: у матери – с черным бельем, сшитым специально для тюрьмы, у нас – с утиками, сшитыми на вырост для детдома. Я должна была сразу хватать младших за руки, чтобы не разлучили нас по разным детдомам. Кормила нас вся деревня кто чем мог, но кто к нам зашел днем, тот исчезал ночью. Последний кусок хлеба, бутылка масла и котелок картошки был оставлен на пороге дома. Виден был след по первому снегу к нам, а от нас запутан. Потом был воз дров на зиму и все...Дальше: Сталин сказал свое хитрое «жена за мужа не отвечает» и моя мать пошла требовать работу, за что выгнали ее из комсомола (сколько было слез!) и отправили пасти зимой на снегу овец в заимку в 15 км от селения. Оставив волкам овец, мать в ночь бежала к нам, чтобы истопить печь и придумать еду. Утром должна была быть там, никто не должен был знать о ее набегах. И когда однажды пришли за ней, ее не оказалось дома!

Сейчас ей 79 лет. Полтора года она судится с председателем Куйбышевского райисполкома т. Гнатко по поводу жилья. Гнатко считает, что моя мать не имеет права на жилье, а Советская власть считает наоборот. Угрозы выкинуть на улицу с понятыми и с милицией не состоялись, но она полтора года живет без прописки, без талонов, без пенсии, без места лечения, не голосовала, не участвовала в переписи населения. А вы говорите не надо льгот. Да такие как Гнатко растопчут ведь остатки здоровья. Нужны льготы всем пострадавшим от сталинских репрессий! Прежде всего моральные. для души. Для покоя – живым. Как воздаяние за мученическую смерть – мертвым»⁵².

«Молчащая отверженность» посредством писем включалась в письменную традицию. Рассказ о пережитом осознавался многими рассказчиками как гражданский долг. Например, в письме, озаглавленном «Пятнадцатый пост Иркутской тюрьмы», автор именно так обосновал свои свидетельства: «Рассказать о той страшной кухне кровавого конвейера, на который чудом не угодил сам – мой гражданский долг.(...) Мне, по счастью, была уготована Колыма и ее тяжкий каторжный труд в золотых забоях. И об этом каторжном труде и о растоптанных там людях рассказываю я в своей повести «Пучина» запланированной к выпуску в свет на январь 1990 г.»⁵³.

Поскольку гласность устранила запретные темы в истории, постольку устная память могла претендовать на равные права, на реабилитацию в письменном историческом знании. Однако история оказывалась конфликтным полем. «Бои за историю» актуализировали социальное неравенство и отражали негласно существовав-

⁵² Письмо Мальского И.А. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

⁵³ Письмо Рычкова Л. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

шую иерархию исторической правды, выстроенную по формально-судебному принципу. В обществе сохранилась та разделяющая черта, которая была проведена почти полвека назад, в 1937-1939 годах, и вопрос о субъекте правды истории не был решен.

Такое столкновение ярко отразилось в отклике на публикацию газетой «Братский металлист» интервью полковника Евстигнеева, в прошлом – начальника спецлагеря. С его версией исторической правды не соглашался бывший заключенный «Озерлага», написавший письмо в «Восточно-Сибирскую правду»: *«Полковник Евстигнеев пытается представить свое руководство рабским трудом и уничтожение человеческой личности в несчастных людях чуть ли не гуманной миссией и приводит примеры своей благородной деятельности, так что получается идиллическая картина содержания заключенных. Мы, бывшие заключенные лагеря, помним иное: на наших глазах не раз стреляли в тех, кто, шатаясь от слабости, делал шаг в сторону...»*.

Но такая память вновь была обречена на молчание. Редакция так ответила на это письмо: *«Мы намеревались опубликовать Ваше письмо об Озерлаге. Но неожиданно столкнулись с такой этической проблемой: полковник в отставке Евстигнеев заявил, что в печати против него развернулась очернительная кампания, которую он считает незаслуженной. Пригрозил, как нам стало известно, что может даже свести счеты с жизнью.... С глубоким уважением ст. корр. ВСП Анатолий Иннокентьевич Семенов»*⁵⁴

В мемориальных образах истории, как правило, присутствовал какой-то момент перехода, который вдруг сломал судьбу. Чаще всего им оказывался арест родных, война. Такие мгновения запомнились навсегда и очень ярко. *«Отца моего забрали летом в июле месяце, воскресенье вечером, мне в то время было 9 лет, я хорошо помню как делали обыск, – и как говорили сотрудники НКВД ни чего нет документы все хорошие, мой отец тоже работал в органах. Где-то в августе увозили арестованных, передачу не принимали, на реке Киренге стояла деревянная шаланда туда во внутрь заводили наших отцов родных, я видела когда их вили, и видела директора школы Худоярова Я бежала и вслед кричала отца, но на меня направил всадник лошадь но лошадь оказалась умнее того сотрудника, детей откалала топтать»*⁵⁵.

Даже если они сами не присутствовали при этом, рассказчики вспоминали дату, детали и обстоятельства так, как им рассказали: *«Мой отец не был ни политическим деятелем, ни видным военачальником, он был обыкновенный советский человек, отец се-*

⁵⁴ Ответ редакции на письмо И.А. Мальского и Ю.Л. Фидельгольца.

⁵⁵ Письмо Нечасовой Т.Р. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

мейства. Дьячков Александр Ильич родился в 1906 году в г. Тулуне Иркутской области. Профессия – строитель. Его взяли в г. Тулуне в своей квартире с 7-го на 8-е марта 1938 года. Много, много раз мама рассказывала об аресте отца и этот рассказ я помню до слова. Когда его выводили из квартиры толкали в спину, он говорил маме: «не плачь Надюша, это все скоро должно проясниться, а если со мной что случится вырастут дети скажи им «Я ни перед Партией, ни перед Народом ни в чем не виноват!» На следующую ночь приехали с обыском, на вопрос бабушки «Что же искать то будете?» ответили «Переписку с заграницей» и нашли...девять облигаций и полевую сумку отца, объявив что «военная вещь в доме находиться не должна». Несколько месяцев отец содержался в Иркутской тюрьме, один раз удалось передать передачу, а в следующий ответ был – «выбыл». Куда выбывали заключенные никто объяснять не собирался. В 1939 году пришло единственное письмо от отца. Он писал, что находится на Колыме, что очень болеет и что очень беспокоится о нас»⁵⁶.

Моментом перехода мог оказаться случай, который вдруг спас от ужасной участи. Автор следующего письма был до войны геологом. В Великую Отечественную войну он прошел от Москвы до Кенигсберга, стал инвалидом, работать в геологических партиях больше не мог и поступил на службу в геолого-разведочный техникум на Урале. «Послевоенные годы были тяжелые, жили в подвалах, хлеб по карточкам 500 г на день на служащего, иждивенца 300 г Большие ничего. На рынке стакан плохой муки стоил 10 рублей, булка хлеба 150 рубл, ведро картошки 100 руб. Все дорого, а преподаватель получал 7 руб. за учебный час или на эти деньги 70 коп. ; со стажем до 10 лет 9 руб. или 90 коп , более 10 лет 11 руб. или 1 руб. 10 коп. Месячная зарплата исчислялась из расчета 1080 учебных часов, положенных на год, умноженная на стоимость часа и деленная на 12 месяцев, тем самым преподавателю приходилось свой отпуск отрабатывать учебными часами годовой нагрузки, а стоимость учебного часа еще снижалась».

Будучи председателем месткома, он направил письмо в Совет Министров о том, что надо пересмотреть условия расчета: делить не на 12, а на 10 месяцев. Это стало поводом для партийного разбирательства. Его вызвали на заседание горкома партии. Первый секретарь настаивал на его исключении, но начальник городского КГБ майор Ваницкий сказал, что автор письма: «... прошел большой боевой путь войны, инвалид, с мирными условиями жизни еще хорошо не ознакомился и т.д. Мое предложение – достаточно выговора. Все переглянулись. Ведь в то время Берия возглавлял

⁵⁶ Письмо Цибулько А.А.. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

КГБ, и власть можно сказать, перешла в руки работников КГБ, возражать было рискованно, проголосовали за выговор. Это еще не все. После этого заседания встретил 3-го секретаря ГК женщину у которой муж погиб на фронте. Она с уважением относилась к фронтовикам и рассказала вот что. За 2-3 дня до заседания ГК КПСС, Степанов созвал узкий круг членов ГК и решил со мной разделить в два приема, сделать сюрприз начальнику КГБ города.... Первое, это исключить меня из партии, во-вторых, внести предложение взять меня под стражу. На этом же узком заседании прокурор заготовил ордер об аресте. Рассчитывали на то, что майор Ваницкий на ГК их поддержит, ведь выжили «врага народа». Даже в ограде за сарайчиком стоял «черный ворон». Этот тайный сговор, на заседании ГК КПСС при присутствии майора Ваницкого провалился. Почему он смягчил обстановку?»⁵⁷

Недоумение, неспособность постичь логику поступков и событий, которые кажутся случайными проявлениями слепой судьбы, – все это было характерно для представлений о прошлом. Частные истории сохраняли множество деталей былого, например: цены на продукты, расценки оплаты труда. Такие мелочи жизни составляли структуру повседневности и могли оказаться как роковыми обстоятельствами, так и поводом для карьерного восхождения. Однако индивидуальная память признавалась в своем непонимании хода истории и тем самым оттеняла бессмысленную безжалостность объективного исторического процесса. Подробности субъективной непрофессиональной памяти сопротивлялись универсализму общеобразовательной схоластики и увеличивали разрыв между книжным и простонародным образом истории, как будто подтверждая обнаруженную исследователями закономерность: «Развитие историзма в русле «научной истории» углубило различие между элитарным (профессиональным) и обыденным (массовым) историческим сознанием»⁵⁸.

В письмах, рассказывавших о частных судьбах, как правило, не ставились под сомнение официально утвержденные «универсальные цели человечества»⁵⁹. Людям было важно ввести лич-

⁵⁷ Письмо Лагутина И.В. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

⁵⁸ Бобкова М.С. Комментарий исторического источника и историческая культура// Комментарий исторического источника: исследования и опыты. М.:ИВИ РАН, 2008. С. 54.

⁵⁹ «Задачей истории не может быть формулировка последних, окончательных и всеобщих целей человечества, которые ведь могли бы быть реализованы только в завершившейся и универсальной общности людей. Не может быть задачей и конструирование универсально-исторического процесса так, чтобы эта цель сама в нем проявилась. Задачей может быть всегда только выведение

50

ную память в общее историческое знание и культуру. Их образы истории обязательно содержали в себе авторскую эмоциональную оценку. Они были спонтанны, субъективны, единичны и индивидуальны. Но в такой стихии единичностей достаточно отчетливо проговаривалась тяга к обобщению, поиск какого-то желанного единства. Стремление быть услышанным, донести свой голос до предполагаемого большинства, включить личную правду жизни в подразумеваемую общую историю, – вот что заставляло авторов взяться за перо. Этот одномоментный акт самопровозглашения был свидетельством индивидуализации исторического сознания человека, что проявлялось в «усилении личностных ориентаций за счет ослабления групповых»⁶⁰.

Субъективные образы истории в читательских письмах позволяют полнее представить то множество фрагментов, из которых складывалось историческое знание в момент серьезных исторических перемен в обществе и которые в чем-то предопределяли результаты переживавшегося тогда перехода. Эти образы возникали по законам, скорее, художественного, чем научного творчества. В них можно найти многие элементы мифологического мышления. Описательность, ассоциативность преобладали в текстах таких писем.

Следует обратиться к письмам гуманитариев, чтобы выяснить, что волновало профессионалов. Среди историков существовало внутреннее знание о том, что советская история была сконструирована, но индивидуальные догадки передавались устно, сохранялись как своеобразный апокриф. В письме выпускника исторического факультета 1968 г. содержалось яркое свидетельство такой практики. *«Иркутский университет я закончил в 1968 г. – исторический факультет. И вот мне отчетливо вспоминается вот такой факт. Лекции по истории СССР проводил один из ведущих преподавателей (в 1968 г. он не был профессором – сейчас профессор). Он нам говорил – Вот вы молодежь ничего не знаете, знаете все понаслышке и т.д. А ведь штур-*

из собственной индивидуальной культурной сферы и ее развития культурного синтеза, который связывает ее воедино и продолжает ее формирование, причем этот синтез сам должен в соответствии с принятой предпосылкой быть чем-то исторически-индивидуальным. Насколько широко этот синтез способен охватить человечество, вопрос особый. Чем шире его охват, тем больше он будет внутренне разграничиваться на особые индивидуальные сферы, и даже заверщенное человеческое единство разделилось бы на подобные, очень индивидуально расчлененные сферы» (Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 167-168).

⁶⁰ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории»// История через личность: Историческая биография сегодня. М.: Квадрига, 2010. С. 66.

ма Зимнего (как показывают в кино) небыло, никто не бегал с винтовкой наперевес к Зимнему. Это-де потом (после 1917 г.) льстивые журналисты на словах «нарисовали» штурм Зимнего, а дальше пошло и поехало и к концу 20-х штурм Зимнего окончательно в официальных органах «созрел» и вошел в учебники истории. Как таковой!? Вот так! (...) Когда мы все это услышали (из уст преподавателя) тут же ему задали вопрос – А что же тогда было, коль небыло штурма Зимнего? – Он ответил – Никакой революции небыло – это просто... так... для воспитания Советских людей в духе коммунизма было сделано (...) Вот такие факты. Хотелось бы узнать мнение газеты по этим фактам. И не в отдельном письме к автору, а на страницах газеты»⁶¹.

Письмо в газету рассматривалось автором как возможность обнародовать это знание, добиться публичного провозглашения того, что в учебниках дана сфабрикованная версия. Тут был некий провоцирующий вызов, в котором отчетливо проявилась двойственность образа истории, несовпадение потаенного устного предания о прошлом и его письменной, схоластической интерпретации. Желание узнать мнение газеты отражало естественную для автора письма иерархию: предания о былом признавались историей только после официального подтверждения. Подлинность памяти провозглашалась сверху вниз, через газету в массы.

Избирательность и иерархичность исторического знания открывались в письме студентки исторического факультета, откликнувшейся на публикацию о том, что в Бурятии, поселке Баргузин, нашли могилу Ш.Петефи и М. Кюхельбекера. Девушка бывала там, на родине своих предков, и видела разрушенное кладбище. «Ну вот, прах Петефи вывезен, на вновь найденную могилу М.Кюхельбекера положены цветы. Что теперь? Значит, вскоре разрушат кладбище совсем? А ведь ему более 100 лет, и это уже интересно для археологов и этнографов. Да и история Баргузина, в 19 веке довольно-таки крупного города Восточной Сибири, очень любопытна и необычна. Жаль, что люди своими руками разрушают свою историю, а спохватившись бывает уже слишком поздно. И никто ничего не узнает»⁶². История оказалась избирательной: перед вечностью не все равны. Из небытия и забвения восстанавливалось то, что вдруг признавалось актуальным и важным для современности, тогда как остальное обрекалось на исчезновение, разрушение. Открывшееся равнодушие живущих людей к былому вызывало тревожное недоумение читательницы.

⁶¹ Письмо Оширова Л.Н. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

⁶² Письмо Лозовской Л.Я. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

Однако в профессиональном сообществе гуманитариев велись другие разговоры. Письма, имевшие подпись «кандидат исторических наук», «кандидат философских наук», разительно отличались от тех, в которых были горестные рассказы об индивидуальных судьбах людей, переживших репрессии, обреченных на молчание и социальное изгойство. Официально-догматизированная письменная традиция давала ощущение избранности и соответствующий социальный статус.

Чаще всего в таких корреспонденциях был представлен не рукописный, а машинописный текст, оформленный как научная или полемическая статья, которая имела заголовок, содержала цитаты из трудов В.И. Ленина и решений партии. В центре внимания профессионалов оказывалась, прежде всего, партийно-политическая тематика. Кроме того, в текстах заметно миссионерство, не подвергаемая сомнению уверенность в своем культурном предназначении публично говорить, разъяснять ведомые им истины. *«Надеюсь на публикацию присланного мною материала. Нас, обществоведов, пора начинать выдвигать на общее обозрение, т.к. мы многие в последнее время где-то затерялись, нас не слышно и не видно. А сказать нам общественности есть о чем»⁶³.*

Такие письма давали образцы интеллектуальной деятельности гуманитариев, для которых история оказывалась, прежде всего, спекулятивным риторическим действием. В ней не было места частной памяти. Всемирно-историческое движение, привычно мыслилось как общее, не расчленяемое на части и частности. Сосредоточенные на общеисторических закономерностях, авторы этих писем, кажется, проживали в ином, параллельном мире и никак не соприкасались с той историей, которая содержалась в семейных преданиях. Они были уверены в своем знании и оставались на уровне философских и политологических обобщений: *«На все нужно смотреть диалектически, в том числе и на политические партии. Конечная цель любых политических партий (буржуазных, социал-демократических, коммунистических, рабочих и других) – добиваться решающей роли в осуществлении государственной власти, влияния на все сферы и стороны жизни общества. Так было всегда и так будет еще довольно долго (...) Ныне перед партией ставятся еще более сложные задачи. Обновляющемуся обществу нужна и обновленная партия. Но какая именно? Что в ней необходимо прежде всего обновить? Первое. Надо принять закон о политических партиях в нашей стране. Это снимет многие вопросы, в том числе, и проблему 6 статьи Конституции СССР. Глубоко убежден, что КПСС нечего бояться политической конкуренции*

⁶³ Письмо Малых Г.И. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

в нашей стране. Несмотря на сталинско-брежневский период, в партии сохранились (и немало!) здоровые силы, ленинские традиции и определенные несомненные заслуги перед советским народом. Никакая справедливая и несправедливая(огульная) критика партии не может умалить ее значения в истории нашей страны и на международной арене. Так что конкурировать с КПСС кому-либо не так-то просто, если даже и возникнут в будущем новые политические партии»⁶⁴.

Профессиональные гуманитарии через газету вели полемику друг с другом. Накал споров, серьезность аргументации, твердость убеждений, – все в полной мере присутствовало в корреспонденциях. Их письма, казалось бы, можно расценивать как отклик на контакт с «Другим». «Проблема своего/другого располагается в поле напряжения между личной, социальной, культурной идентичностью и чем-то, находящимся вне ее границ – ненормальным, непринятым и т.п.»⁶⁵. Однако это были игры в одних и тех же границах. В них не оказывалось выхода за пределы привычных представлений и усвоенного научного языка. Даже если в письме высказывались сомнения, казавшиеся в то время слишком вольными, оно воспринималось как еще одно проявление партийно-политической ортодоксальности. Привычные фразы, словесные штампы, гуманитарный язык оказывались путями, от которых невозможно было освободиться.

Пример этого можно найти в письме, имевшем заголовок «Ленин и национальный вопрос». «*Перечитывая ленинские работы и другую современную ему литературу по национальному вопросу, невольно поражаешься, насколько она созвучна нынешним проблемам, как тесно переплетаются прошлое и настоящее. Создается впечатление, что многие десятилетия мы фактически топтались на месте, по-настоящему ничего не доделав до конца. Подобное ощущение испытываешь всякий раз, когда на страницах прессы читаешь о вспышках конфронтации на межнациональной почве то в одном, то в другом регионе страны, когда слушаешь выступления с высоких трибун народных депутатов (...)* В самом деле почему получилось так, что в течение семидесяти лет по поводу и без повода мы клялись в верности ленинизму, а по отношению к национальным языкам поступали в худших имперских традициях, когда все иные вытеснялись на обочину жизни? Почему на грани исчезновения оказались многие языки малых народов, в том числе проживающих на территории Сибири?»

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Яриц Г. Конструирование «себя» и «другого». Позднесредневековые визуальные образы и создание идентичностей // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: Кн 1. М.: Наука, 2003. С. 551.

Конечно, человеку, достаточно хорошо владеющему русским, удобно, разъезжая по стране, не сталкиваться с языковыми барьерами: что в Тбилиси, что в Риге, что в Душанбе – везде он чувствует себя хозяином положения. Этот момент как раз и выпячивают сторонники единой языковой политики, игнорируя обратную сторону медали (...) Многие просто представить себе не могут, чтобы во главе союзного государства встал таджик или латыш. Мы очень долго клеймили американскую буржуазную демократию за то, что она не позволяет выдвинуться на пост президента страны представителю негритянской части населения, аналогичные же собственные проблемы, похоже, нас вообще не волновали. (...) Думаю, что несколько не преувеличу, если скажу, что отношение к национальному вопросу в наше время – это тот оселок, на котором проверяется приверженность подлинному, а не эфемерному демократизму. Нежелание, неспособность отказаться от великодержавных амбиций нельзя оценивать иначе, как противовес новому мышлению, революционному преобразованию нашего общества»⁶⁶.

Образ истории, сформированный под влиянием официального знания, стал для многих естественным средством личной, социальной, культурной идентификации. Несогласие с оппонентом чаще всего было поводом для артикуляции давно найденных истин. В полемику вступали, как будто для того, чтобы показать знание, которое способно подтвердить профессиональный статус. Например, в письме, оформленном как статья под названием «Был ли Ленин конфедералистом?», автора особенно возмутила попытка оппонента «оправдать позицию конфедералистов ссылкой на В.И. Ленина, представить его самого сторонником конфедерации». Обратившись к статьям классика, он сделал вывод: «Таковы факты. Они убедительно свидетельствуют о том, что Ленин и партия принципиально отвергали конфедерацию и однозначно выступали за федеративное устройство Союза ССР, ибо только советская федерация создавала благоприятные условия как для ликвидации национального гнета и возрождения народов, так и для объединения их усилий в защите завоеваний революции, восстановлении народного хозяйства и строительстве новой жизни»⁶⁷.

Кроме рассмотренных выше двух групп читательских писем выделялась еще одна. В ней совмещалась индивидуальная память и схоластика. Такие корреспонденции особенно интересны, поскольку они являются свидетельством влияния официального исторического знания, транслировавшегося «простым гражданам» через систему пропаганды и образования.

⁶⁶ Письмо Каминского С. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

⁶⁷ Письмо Латышева А. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

В этих письмах очень кратко представлено или совсем отсутствует повествование о прожитой жизни. Их авторы, откликнувшись на какую-то газетную публикацию, вступают в спор, пытаются обобщать, сравнивают былые и текущие времена, например: «... *Якобы в Сталинские времена были, такие же очереди в магазинах. Это же ерунда (...)* Я рождения 1924 год. Прошел всю войну, с начала с немцем и в конце с Японией, демобилизовался в 1947 году. Первые два года было действительно туго, но последующие года все было в магазинах, селедки было 5 сортов, консервы и говяжея, лососевая свиная, мясо на выбор. Я сибиряк, омуль сдушков и свежий и соленый. Это после двух лет войны, а сейчас 44 года после войны. нетолько мяса или рыбы, капуста нет, Спрашивается где все?(...)Но я бы предложил взять сталинскую линию. Он правильно делал, попал в точку не ведущую по ленинской линии получиай по заслугам. Вот по этому я со Сталиным согласен. Он всю войну выиграл, а вы настоящие коммунисты привели страну в нищенское положение».⁶⁸

В тексте письма будничные слова совмещались с выражениями, характерными для официальной риторики: «сталинская линия», «ленинская линия», «настоящие коммунисты». Письменная речь вольно или невольно встраивалась в предполагаемый канон. Для того, чтобы сравнить мыслимые хронологические отрезки, автор персонифицировал время: Сталин олицетворял для него иное прошлое. Индивидуальная правда истории основывалась на воспоминаниях о былом изобилии и обосновывала суждения об эпохе.

Когда человек писал в газету об общественно-политических проблемах, он начинал говорить не своим голосом. В письмах отчетливо проявлялось отсутствие навыков и культуры личного письменного высказывания. Идеологические штампы воспроизводились и заполняли пустоты, возмещали недостатки индивидуальной речи. Такая «немочь языка» отражала переходность исторического сознания.

Образы истории формировались из произвольного совмещения разных риторических стилей, приобретали мифологические или пародийные черты. Например, автор следующего письма так представлял советскую историю страны: «*Сталин – вождь под предводительством которого страна построила социализм за 30 лет. Народ был в то время беден и неграмотен, большинство крестьян были настолько бедны, что едва перебивались от урожая до урожая. Сегодня средства массовой информации постоянно леут о Сталине. Они чернят нашу историю, вычеркивают миллионы людей строивших социализм в очень тяжелых условиях. Жизнь была не легкая, но каждый верил, что будет лучше, а уж будущие поколения будут жить совсем хорошо.*

⁶⁸ Письмо Гвоздкова И.А. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда».

Люди, у которых ничего не было, могли чего-то достичь. А что теперь? Все поотнимали, а что невозможно было отнять, ограничили. Есть ли сейчас вера народа в будущее? За 4 года перестройки вера рабочих людей пошатнулась, потому-что все прошлое оплевано, все что достигнуто в тяжелых условиях стараются потопить безвозвратно. Непредсказуемое будущее не может быть основой нормального рабочего состояния. (...) Советский народ за всю историю жизни по сей день устало подстраивается к жизни. (...) Нынешняя перестройка ведет к неменуемой пропасти гибели Советского народа»⁶⁹.

Таким образом, в читательских письмах отразились важные черты образов истории, исторического сознания времен перестройки и гласности. В них проявлялось недоверие к общеобразовательной версии советской истории или были представлены образцы «простонародной схоластики», сформировавшейся под влиянием официальной идеологической речи. Кроме того, письма читателей отчетливо обозначили герметичную замкнутость сообщества обществоведов-гуманитариев, разрыв между профессиональным и массовым историческим знанием. В высказываниях прежде молчавших народных масс присутствовала потребность в создании другого прошлого, вмещавшего в себя и отверженные прежде предания об индивидуальных судьбах.

Личная память оказалась вызовом официальной схоластике и выявила кризис исторического сознания⁷⁰, свойственный переходным моментам истории. «Любой достаточно глубокий разрыв преемственности и традиции может повести к возникновению прошлого – в том случае, когда после такого разрыва предпринимается попытка начать сначала. Обновление, возрождение, реставрация всегда выступают в форме обращения к прошлому. По мере того, как они осваивают будущее, они создают, воссоздают, открывают прошлое»⁷¹. Методологическая революция 1990-х годов преодолевала разрыв между устной памятью и книжной историей, создавая, воссоздавая и открывая прошлое.

⁶⁹ Письмо Белова Н.П. в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда». Целиком опубликовано в приложении к данной главе.

⁷⁰ М.С. Бобкова определяет кризис как столкновение «...исторического сознания с опытом не укладывающемся в рамки привычных исторических представлений» (Бобкова М.С. Комментарий исторического источника и историческая культура// Комментарий исторического источника: исследования и опыты. М.:ИВИ РАН, 2008. С. 52).

⁷¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004. С.33.

Сегодня мы печатаем часть писем, пришедших в редакцию после завершения дискуссии «ОБ «ОКОПИНОЙ ПРАВДЕ» И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ». Чтобы полностью понять суть дела, суть нашего разговора, необходимо обратиться к номерам «Советской молодежи» от 26. 11, 10 и 24. 12. 1987 г. и 12. 1. 1988 г.

ПОЗОРНЫЙ И ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ ЯРЛЫК

ПИСЬМО ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ*

Почему глубочайше жаль, что в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками?

В январе «Советская молодежь» на 13 номере за 1988 г., 26 в информационном письме писателя Дмитрия Сурганова «Кто же здесь, чтобы сказать правду?» (С. 202). Полагаю, что никто из вас не остался ни на кого гадать, кто из вас в начале 80-х годов в отношении оказался не на той стороне. Мысль о том, что в начале 80-х годов, великие надежды в отношении Сурганова.

Почему снова жаль, что в 1988 г. в информационном письме писателя Дмитрия Сурганова «Кто же здесь, чтобы сказать правду?» (С. 202). Полагаю, что никто из вас не остался ни на кого гадать, кто из вас в начале 80-х годов в отношении оказался не на той стороне. Мысль о том, что в начале 80-х годов, великие надежды в отношении Сурганова.

Почему снова жаль, что в 1988 г. в информационном письме писателя Дмитрия Сурганова «Кто же здесь, чтобы сказать правду?» (С. 202). Полагаю, что никто из вас не остался ни на кого гадать, кто из вас в начале 80-х годов в отношении оказался не на той стороне. Мысль о том, что в начале 80-х годов, великие надежды в отношении Сурганова.

ОТ РЕДАКЦИИ

Коротко, но жарко дискуссия «Об окопной правде» и ее толчок и ней» была завершена на страницах «СМ» 12 января. Однако, как справедливо было замечено в одном из писем, «кажется-то еще думать? Да и вы, прочитав, не скажете, не растеряетесь, что вот так сразу, по официальному объявлению, разговор и прекратится, оборвется. Ведь мысль, о которой сказано в редакционном сообщении, была следующая — «взбудить и динамичному взгляду на жизнь, прошлым и настоящим, побудить задуматься над тем, что в ней - было и есть».

Не могу не сказать...

Уважаемая редакция! Удивительный Иван Владимирович Димитров уже, конечно, не на ходу не только, что и нежно, заботливо, что, и неслыханно для нашей (тогда, тогда) нашей страны, Бельгийский диспетчер, но было очень много. Прочитав весь материал, касающийся его работы и отношения Бельгийского диспетчера Пьера во времена войны с немцами и в начале и до конца войны, я думаю, что неслыханно и очень интересно читать, как он работал. Там это не только Иван Владимирович Димитров, а Иван Владимирович Димитров.

* Иван Владимирович Димитров — автор письма «Кто же здесь, чтобы сказать правду?» (С. 202) 12 января 1988 г.

Память не отшибешь...

Всегда не только в памяти, но и в сердце, что и неслыханно для нашей (тогда, тогда) нашей страны, Бельгийский диспетчер, но было очень много. Прочитав весь материал, касающийся его работы и отношения Бельгийского диспетчера Пьера во времена войны с немцами и в начале и до конца войны, я думаю, что неслыханно и очень интересно читать, как он работал. Там это не только Иван Владимирович Димитров, а Иван Владимирович Димитров.

Согласен с каждым

Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками?

Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками? Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками? Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками?

Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками? Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками? Почему в начале 80-х годов, когда в стране были великие надежды, сразу же начали обрывать их обрывками?

К главе 2: письма из архива ЦНСИО

Письмо А. А. Цибулько в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»

В «Восточно-Сибирскую правду»
от дочери «врага народа»

Цибулько Агнии
Александровны
прожив.: г. Братск
Иркутской области
(полный адрес).

Как же долго мы молчали о репрессированных, безвинно расстрелянных и умерших в застенках и лагерях. Ведь оставшиеся в живых – бывшие узники такие старенькие, а они многое могли бы рассказать нам – детям погибших.

Пишу в газету с надеждой – может чья-то память воскресит былое и я что-то узнаю о своем отце. Мой отец не был ни политическим деятелем, ни видным военачальником, он был обыкновенный советский человек, отец семейства.

Дьячков Александр Ильич родился в 1906 году в г. Тулуне Иркутской области. Профессия – строитель. Его взяли в г. Тулуне в своей квартире с 7-го на 8-ое марта 1938 года. Много, много раз мама рассказывала об аресте отца и этот рассказ я помню до слова. Когда его выводя из квартиры толкали в спину, он говорил маме: «Не плачь Надюша, это все скоро должно проясниться, а если со мной что случится вырастут дети скажи им “Я ни перед Партией, ни перед Народом ни в чем не виноват!”». На следующую ночь приехали с обыском, на вопрос бабушки «Что же искать то будете?» ответили «Переписку с заграницей».

И нашли... девять облигаций и полевую сумку отца, объяснив что «военная вещь в доме находиться не должна». Несколько месяцев отец содержался в Иркутской тюрьме, один раз удалось передать передачу, а следующий ответ был – «выбыл». Куда выбывали заключенные никто объяснять не собирался. В 1939 году пришло единственное письмо от отца. Он писал что находится на Колыме, что очень болен и что очень беспокоится о нас. А еще писал, что переписка запрещена, и один добрый человек перешлет его письмо на «большую землю». Нам в детстве часто напоминали – лично говоря, что мы дети врага народа, но мама часто рассказывала об отце и мы знали что он человек честный.

Мы подрастая неоднократно пытались узнать вину и судьбу отца и вот на очередной запрос пришел ответ: «Постановление тройки УЕКВД по Иркутской области от 5/VI – 1938 г. которым Дьячков Александр Ильич 1906 г. рождения был осужден к 10 годам лишения свободы, постановлением Иркутского областного суда от 17/I – 1959 г. отменено за отсутствием состава преступления. Дьячкова А.И. считать реабилитированным» и выдали справку о смерти. А как от чего умер 32 летний мужчина, через 1 год после ареста???

Легко сказать – из-за отсутствия состава преступления. Загублена жизнь отца, в страданиях и нужде прожила мама, а мы дети – из-за нужды старались быть в тени, выросли черезчур скромные даже застенчивые, но мама смогла вырастить четверых детей, все мы получили среднее образование, хотя жили в невероятно трудных условиях.

О своем детстве помню – холод, голод и труд. Трудилась вся семья чтобы не умереть с голоду. Старшие хоть и остались маленькими, но отца помнят, а я не знала его и никогда никого не называла – папа. Я родилась через 5 месяцев после его ареста.

В 1950 году нас постигло еще страшное несчастье – при исполнении служебных обязанностей проходя службу в рядах советской армии погиб брат – Дьячков Вениамин Александрович. Спасая утопающих при наводнении погиб сын «врага народа».

Передо мной фотографии двух молодых людей – моего отца и моего брата.

И еще извещение о гибели брата и справка – маленькая бумажка о реабилитации отца. И еще его единственное письмо с Кольмы из лагеря, письмо с наполовину стертыми буквами и обведенные буквы рукой мамы – видимо адрес лагеря:

А.В.К. Бухта Нагаева

З.Г.П.У.Берелёх

Мама, несмотря ни на что, ждала его до последних своих дней.

А мне очень и очень хочется бы хоть, что-нибудь узнать о своем отце которого я никогда не видела.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»

Мой отец был арестован 1938 г. Жили мы в гор. Киренске Иркут.обл. по Ленрабочих № 74.

Отца моего забрали летом, в июле мце, воскресенье вечером, мне в то время было 9 лет, я хорошо помню как делали обыск, – и как говорили сотрудники НКВД. ни чего нет документы все хорошие. Мой отец тоже работал в органах. Где-то в августе увозили арестованных, передачу не принимали, на реке Киренге стояла деревян.шаланда туда во внутрь заводили наших отцов родных, я видела когда их вили, и видела директора школы Худоярова Я бежала и всед кричала отца, но на меня направил всадник лошадь но лошадь оказалась умнее того сотрудника, детей отказалась топтать.

Потом мы уехали с Киренска нас везде считали врагами а в Киренске в тот год кадую ночь вечер по ул. раздовался плачь забирали отцов у нас детей.

1937 г. Бодайбо прииск Артемуск забран был дядя брат отца Клещинский Григорий Иосипович. Семью его зимой с годовалым сыном выбросили на улицу, взяли сестру отца Клещинскую Марию Иосиовну ей было 70 л.

Родители моих родителей были ссыльные с Польши, умерли похороненные в Бодайбо.

О своем отце Роберте Иосиповиче Клещинском я писала в Иркутск в Москву но ответа нет Что стало с ним с моим родным не знаю Уже прошло 51 год. Может кто видел их знает напишите мне про них по адресу:

678100 Якутская обл.

г. Олекминск (полный адрес)

Нечаевой Тамаре Робертовне.

Прошу напечатать может кто вернулся с того ада и видел отца мне напишут правду.

Родителей нет умерли мать и старшая сестра они тоже сидели но их нет уже.

Письмо в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда»

т. редактор

Я прочитала в вашей газете статью «Наш долг» от 20 апреля

В нашей семье погибло при репрессии 3-ое Дядя Федосеев Павел Иванович член партии большевиков с 1905 г. один из организаторов становления советской власти на южном Урале был 2 раза у Ленина в 1919 г.

На одном из совещаний сказал все что он думал и что ему не нравилось в руководстве сказал правду.

Это был 1937 после этого мы о нем ничего не знаем. Там же на этом совещании его забрали

Наш отец Бойко Николай Алексеевич 1893 г. рож. в прошлом артист цирка. когда за ним пришли из НИКВД в 1938 21 июня сказал маме – «Я сейчас вернусь. Какое-то недоразумение» И вот через 50 лет мне сказали, что его приговорили без суда в 1938 г. к ВМН как врага народа, а в 1958 оправдали как невиновного.

Еще одного дядю Федосеева Владимира Ефимовича так же в 1938 г. забрали и тоже не вернулся живым.

Наша мама Бойко Елизавета Ивановна участница революции на южном Урале. Ее в работы сняли как жену «врага» народа. Она работала заведующей школой побросав все с одними нами ребятами а нас 5 Брат Алексей поехал работать. А с нами 4 уехала в Бодайбо где жил ее еще один брат. Мы дети «врагов» народа выросли с этим клеймом. Когда мы росли то много ребят было без отцов, то сидели как «враги» народа то погибли на фронте

А как росли мы и как было с нами знали наши матери Которые большинство ушли из жизни.

Вот теперь стали писать, всю правду. Сейчас сидят надо ли писать? А мы? Это же все прошло через нашу жизнь

И как страшно стает

Ни за что убить человека!

А ведь стрелял не фашист, а свой советский И не только в наших отцов Но и в нас ребят

Бойко А.Н.

п.Мама

А много писать не пишут вам, очень трудно все вспоминать столько лет прожить с таким клеймом.

Надеялась узнать что-то про отца И вдруг такая жестокость высшая мера наказания. Как это страшно. И не только я, все хотят узнать, где то место где лежит мой отец и каждый про своего родного. Кто нам скажет? А посадили моих родных в Челябинской области

У вас там записывают погибших при репрессии вот и моих родных прошу записать.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
04.09.1989 г.

Здравствуйте!

С большим волнением я прочитала статью об обнаружении на кладбище города Баргузина праха Шандора Петефи и М. Кюхельбекера. Но вот что удивило: почему корреспондент не рассказал о том, в каком плачевном состоянии находится это кладбище!

Когда-то (до 1925 г.) в Баргузине жили мои предки. И прошлым летом я и мой отец решили съездить туда и найти их могилы.

Я конечно знала, что кладбища, тем более старые, содержатся, подчас, очень плохо, но то, что увидела там меня поразило. На старом кладбище в Баргузине раньше было 2 участка: еврейский и русский. несколько лет назад началось варварское разрушение еврейских могил, т.к. кто-то выдумал, что после революции люди замуровывали в могилы драгоценности. В итоге – кладбище разрушено, почти все могилы срыты. И понятно, почему археологи так долго искали Петефи и Кюхельбекера, ведь памятники на их могилах срыты. И очень стыдно представить, как были неприятно удивлены зарубежные археологи – ведь по представлениям многих народов – кладбище – святое место (И парков на месте кладбищ там не делают)

Что касается нас, то памятник одной родственницы мы нашли – он очень прочный и разбить его не так просто. А могилу другой родственницы найти не удалось – ее памятник был из красивого черного камня, и люди сказали, что кто-то снял его с могилы и поставил к кому-то на могилу на новое кладбище. И вот еще что поразило в Баргузине: довольно таки большое пространство огорожено заборами, а в середине стоит памятная доска: «На этом месте стояли дома братьев Кюхельбекеров» Старожилы рассказали, что еще 10 лет назад дома стояли. Зачем же их было ломать? Чтобы затем огородить и поставить памятную доску!

Ну вот, прах Петефи вывезен, на вновь найденную могилу М.Кюхельбекера положены цветы. Что теперь? Значит вскоре разрушат кладбище совсем? А ведь ему более 100 лет, и это уже интересно для археологов и этнографов. Да и история Баргузина, в 19 веке довольно таки крупного города Восточной Сибири очень любопытна и необычна. Жаль, что люди своими руками разрушают свою историю, а спохватившись бывает уже слишком поздно. И никто ничего не узнает.

С уважением. Лозовская Лиля.

Студентка исторического факультета ИГУ. 4.9.89 г.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
02.09.1989 г.

Уважаемая редакция!

Товарищ заведующий отделом писем! (извините не знаю Ваших инициалов и подпись к сожалению, как у многих неразборчива)

Ранее, еще живя по старому месту жительства (664043. г. Ирк. мкр-н Маркова, 2-77) я Вам писал (просил) помочь выяснить вопрос по поводу незаконной сейчас репрессии в отношении моего отца 1912 г. р., отбывавшим по анонимке бухгалтера Коренева Ивана Даниловича долгий срок на Колыме спец. зона прииск «Туманный». 1939 сентябрь на Нижнем Туряхе. новый в то время прииск «Максим Горький» 1940 г. в Туманном и по 1945 г. работал у бригадира Иван Платонович Яцек, нач. зоны Какоурин, нач. приискового участка Синицын. В общем с 1938 по 1946 г. ст.58 п.6 было место репрессии.

В общем всё на месте я не в состоянии описать, для этого мне нужна жизнь, поэтому прошу редакцию газеты «Вост.Сиб правда» командировать лит сотрудника или кого-нибудь из общества «Мемориал», компетентного в этих вопросах. Надо, необходимо надо! ковать железо пока горячее, ведь «Их» мало осталось – живых свидетелей казней.

Приезжайте, пока ещё жив отец, а ведь он старенький, слышит только с аппаратом (без его плохо), да и больной, но пока ещё ходит сам, да и по дому, по хозяйству помаленьку, как он говорит шебуршится. Высылаю три фотографии отца в разное время. Сейчас я временно живу с ним. Вот наш адрес: 666320 Иркутская обл. Осинский р-н (полный адрес) Мы долго уговаривали его совершить этот шаг, согласиться на гласность, но в недоверчивой душе было много смятения и потом он скромно о многом молчал, говорит, что я один такой? Очень прошу Вас откликнуться – на деле.

С/н. сын Горбунова Ефима Петровича. Сергей.

Ждем Вас очень!
02.09.89.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
25.04.1989 г.

Уважаемая Редакция!

Иркутский Госуниверситет я закончил в 1968 г. – истор. факультет.

И вот мне отчетливо вспоминается вот такой факт.

Лекции по истории СССР проводил один из ведущих преподавателей (в 1968г. он небыл профессором – сейчас профессор).

Он нам говорил – Вот Вы молодежь ничего не заете, знаете все понаслышке и т.д. А ведь ШТУРМА ЗИМНЕГО (как показывают в кино) небыло, никто не бегал с винтовкой наперевес к Зимнему.

Это-де потом (после 1917 г.) льстивые журналисты на словах «нарисовали» штурм Зимнего, а дальше пошло и поехало и к концу 20-х годов штурм Зимнего окончательно в официальных органах «созрел» и вошел в учебники истории. Как таковой!?!.. Вот так!

Далее – все мы – школьники знаем из школьных учебников что Керенский А.Ф. (глава Временного Правительства) в 1917 г. сбежал из Зимнего – переодевшись в женское платье (Повидимому и сейчас такое преподносится школьникам)

А в Университете нам преподнесли (тот-же преподаватель) – Керенский А.Ф. никогда не переодевался в женское платье. А вот в матросскую форму он переодевался.

Когда мы все это услышали (из уст преподавателя) тут – же ему задали вопрос – А что-же тогда было, коль небыло штурма Зимнего?

Он ответил – Никакой революции небыло – это просто... так... для воспитания Советских людей в духе коммунизма было сделано.

Или вот такой факт – что Брестская крепость (на советско-польской границе) до 1939 г. находилась в Польше. В 1939 г. наши войска вошли в Брест и захватили крепость вместе с Польским гарнизоном (11 тысяч поляков, или 11 батальонов)

Вплоть до 1941 г. все эти 11 тысяч находились в плену.

И когда началась война (а поляки были враждебно настроены к СССР) их в срочном порядке вывезли в Катынский (Хатынский) лес и всех расстреляли. И «сперли» всю эту акцию на немцев.

Это говорили многие участники войны, еще тогда в 1945 г. – т.е. по «горячим следам».

Или вот такие факты. Помню с 1945 г.

Многие фронтовики рассказывали и бахвалились о том как они насиловали немецких женщин.

– Наставишь на нее автомат и говоришь – «Ком нах хауз цу фик-фик» (Пойдем к тебе домой на половое сношение)

А потом заведешь ее за угол и...

Или вот еще такие факты. Многие фронтовики тоже рассказывали.

– А которые командиры – крикливые – смотришь от своей же пули летит.

Вот такие факты.

Хотелось бы узнать мнение газеты по этим фактам.

И не в отдельном письме к автору, а на страницах газеты.

(Адрес)

Оширов Л.Н.

25/IV- 89 г.

Письмо в редакцию газеты

«Восточно-Сибирская правда»

24.10.1989

Гвоздков Иван Андреевич г. Зима (полный адрес).

Я прочитал статью в газете Восточно-Сибирская правда за 24/Х-89 г. в которой пишет тов. Гинкулов.

Якобы в Сталинские времена были, такие же очереди в магазинах.

Ето-же ерунда и он болтун.

Я рождения 1924 года.

Прошел всю войну, с начала с немцем и вконец с Японией, демобилизовался в 1947 году.

Первые два года было действительно туго, Но последующие года всё было в магазинах, селедки было 5 сортов, консервы и говяжья, лососевая свиная, мясо на выбор.

Я сибиряк Омуль сдушков и свежи и соленый.

Ето после 2^х лет войны.

а сейчас 44 года после войны

Нетолько мяса или рыбы, капусты нет. Спрашивается где это всё?

Вопщем я так понимаю демократия, а для чего она привела, забастовки, Вооруженные столкновения, спекуляция, мафия, проституция, коперация.

В магазине закупают сельдь Иваси по цене 1р.20к берут по 10 ящичков и потом привозят эту же сельдь иваси в копченом виде по стоимости 3р.80коп. Вот это кооперация.

Простой рабочий зарабатывает в месяц самое большое 250,- 300 руб.

а кооператор 1500 ру в месяц.

Ну а как-же жить пенсионеру получающему 70-120 р в месяц. Когда с великим трудом еслив возмеш брюки оне стоят 100 руб.

Как вы думаете на 20 руб. можно прожить м-ц? Это же просто в голове не укладывается 44 года после войны. А еслив и дальше что будет, может быть я не доживу до того времени, но я-бы предложил взять сталинскую линию.

Он правильно делал, попал в точку
не ведущую по ленинской линии получай по заслугам.

Вот по этому я со Сталиным согласен.

Он всю войну выиграл, а вы настоящие коммунисты привели страну в нищенское Положение

24/Х- 89

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
07.09.1989

Уважаемый
товарищ редактор!

Прочитав в газете о предлагаемом месте установления памятника жертвам репрессий,

Я хочу высказать свое мнение, т.к. это касается и памяти моего отца Морецкого Василия Августовича репрессированного в 1937 г. и расстреляного в Иркутске в 1938 году.

Отец был зам. председателя облисполкома г. Иркутска.

Установку памятника предлагаю место стрелки улиц 3 июля и Седова т.к. это самое людное место города. Каждый день люди на автобусах и трамваях будут проезжать мимо памятника. Старые люди, если памятник установить на горе, подниматься бу-

дет трудно, а на площади у дворца Культуры это не самое людное место

Еще раз прошу учесть мое мнение.
Морецкий Виктор Васильевич
инвалид Великой отечественной войны
Кавалер орденов:
Октябрьской Революции
Отечественной войны I с.
Знак Почета
Слава III с (боевой)
и
много медалей.
7/IX. 89

Анонимное письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»

Послушай политич...простит...когда вы перестаните мыть кости Любимому Вождю И. В. Сталину. ведь вы настоящие враги народа начиная с Хруща Брежнева Горбача и вас полит. простинок и таких как вы в стране миллионы и придет время мы рабочий класс будем вас давить особенно за Сталина.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
10.09.1989 г.

Прочитав статью А. Семенова «Исходя из гражданской позиции» в ВСП от 1.9.89 года не могу не высказать своего отношения к вопросу о льготах реабилитированным.

Я – дочь «врага народа» и жена инвалида войны считаю возможным говорить на равных с товарищами из Ангарска, которые считают кощунством выделение льгот реабилитированным и весьма оскорблены приравниванием последних к участникам войны.

Товарищам Жукову, Тарасову и Лаврентьеву должно быть далеко за шестьдесят. Неправомерно ставить вопрос «как они остались не тронутыми в годы репрессии», но коль эти люди подвергли сомнению честь и достоинство погибших и пострадавших от репрессии, то заявляю: из моей деревеньки в 60 дворов за не полный 1938 год забрали самых лучших! Все они были

людьми воинского возраста, крепко преданными Родине, делу партии. Потому, не признав себя врагами, все погибли от жестоких пыток на допросах, не умерли, а погибли стоя. Презрев смерть, сохранили честь! Не воевали, потому что к тому времени были физически уничтожены без суда и следствия. все посмертно реабилитированы. У всех нет места захоронения.

Послушайте, если вы не знаете этого, как переплелись в наших судьбах война и репрессия.

Мой муж ушел на войну в 18 лет. Вернулся живым, покорив четыре державы. Его старший брат был обвинен в участии в контрреволюционном заговоре и репрессирован в 1938 году в возрасте 23 лет. Прошел через горнило Иркутской тюрьмы. Отбыл 17 лет на Колыме, вернулся домой больным и старым в 49 лет умер. Второй брат погиб на войне.

Моему отцу Бураеву Олзону Петровичу было 32 года, когда обвинив в организации контрреволюционного заговора, репрессировали в 1937 году. Член ВКП/б/ с 1927 года, член БурЦИК. он всю свою сознательную жизнь строил Советскую власть в Бурятии. В момент ареста – председатель Аларского аймака. Умер не известно когда в Иркутской тюрьме от жесточайших изощренных побоев на допросах, которым подвергался в течение года. В народе ходили легенды о его стойкости и мужестве во время пыток. Знаю не по наслышке, а от его двоюродного брата, который вышел из Тюрьмы, но умер от последствий допроса дома.

При моем запросе в 1948 году о судьбе отца было отвечено, что он погиб на этапе. При посмертной реабилитации в 1957 году – что расстрелян 8 марта 1938 года. Но я знаю, что и это не правда, поэтому сделала запрос в 1989 году и получила ответ, что он умер 23 апреля 1938 года. Однако, я знаю, что был он жив еще в июне 1938 года. Причина смерти – открытый пневмоторакс = это же самое заключение. Хочу спросить у ангарских товарищей: какова такая смерть? Скажите мне, не пошел бы на врага мой отец, будь он жив к тому времени?

Это скажет вам каждый оставшийся живой и все наследники тех, кто ушел из жизни, не признав себя врагом собственного народа.

Хочу сказать о моих односельчанах. Их погибло 36 человек! Ни один из взятых не вернулся. Никогда ни от кого не было никакой весточки. все расстреляны, потому что все они были честными людьми. Все посмертно реабилитированы. У всех нет места захоронения. Считать их удобно по расположению их домов:

Тохтоевы дед Сафрон и его два сына Николай и Матвей. Младший Василий погиб на войне.

Осодоев Кирилл. Оставшийся младший брат Трофим вернулся с войны инвалидом и умер.

Халтакшинов Иван Х. Было у него 3 сына. Один воевал на востоке, второй сбежал из концлагеря в Люблино, вернулся домой безнадежно больным и умер через зиму от кровохарканья. Два извещения о его смерти. От укусов собак и розг после первого неудачного побега не было на его теле живого места. От лечения категорически отказался, потому что в паспорте по диагнозу стояла толстая синяя полоса. Он говорил: одно дело, когда тебя пытает фашист, другое, когда тебе не верят свои.

Вдумайтесь товарищи из Ангарска, в эти слова!

Третий – Андрей кончил войну в Австрии.

Асалханов Василий. У него был единственный сын Кирилл. На войну ушел первым, извещение тоже было первым. Погиб в 18 лет.

Дальше идут дома Халюева, Борголова, Бухаева, Семенова, Николаева, Шогноева, Имеевых, Шипхунеева, Дмитриева, Астунаева, Перхановых Александра, Матвея, Василия и Проккопия. Остались не тронутыми Заяхаевы и Алагуевы – их дома стояли далеко на отшибе. Заяхаевские все погибли на войне, Алагуевы все вернулись при орденах и медалях. Выходит, мы не хуже вас и вправе гордиться и теми, кто воевал, и теми, кому не пришлось. А вы ответьте мне на вопрос: кто из них не пошел бы в бой «За Родину! За Сталина»?

Я могу поставить тех, кто погиб в тюремных застенках в годы репрессии только рядом с декабристами!

Расскажу о своей матери – жене врага №1.

Проданная за небольшой калым, при отце постоянно устраивала бунты с угрозой бросить нас. Овдовев в 26 лет, больше замуж не вышла, одна нас вырастила, выучила, теперь у моего отца 8 достойных его внуков и 8 правнуков. Есть у нас врачи, учителя, юристы, экономисты, инженеры, студенты и ученые. Выходит, как плохо ни было, а Советская власть всегда существовала. Она и сейчас не даст нас в обиду и амбиции ваши бесперспективны, те, кому не понравилось решение облисполкома.

Послушайте, как мы выжили в те годы. А они для нас были хуже, чем война.

После ареста отца нас привезли в родную Таловку Олхонского района. Следом явилась милиция. Искали документы и наган. Матери дома не было. Вещи все что забрали, что раскидали. Сохранилась единственная фотография отца, где сидит он на 6

Всесоюзном съезде Советов рядом с М.И. Калининым, А. С. Енукидзе и Н.К. Крупской. Сломанная тогда пополам, она хранится у меня и по сей день как единственный свидетель деятельности моего отца. На работу мать не принимали. Постоянная угроза арестом. На каждый шорох соскакивали с узлами: у матери – с черным бельем, сшитым специально для тюрьмы, у нас – с унитиками, сшитыми на вырост для детдома. Я должна была сразу хватать младших за руки, чтобы не разлучили нас по разным детдомам. Кормила нас вся деревня кто чем мог, но кто к нам зашел днем, тот исчезал ночью. Последний кусок хлеба, бутылка масла и котелок картошки был оставлен на пороге дома. Виден был след по первому снегу к нам, а от нас запутан. Потом был воз дров на зиму и все... Дальше: Сталин сказал свое хитрое «жена за мужа не отвечает» и моя мать пошла требовать работу, за что выгнали ее из комсомола (сколько было слез!) и отправили пасти зимой на снегу овец в заимку в 15 км от селения. Оставив волкам овец, мать в ночь бежала к нам, чтобы истопить печь и придумать еду. Утром должна была быть там, никто не должен был знать о ее набегах. И когда однажды пришли за ней, ее не оказалось дома!

Сейчас ей 79 лет. Полтора года она судится с председателем Куйбышевского райисполкома т. Гнатко по поводу жилья. Гнатко считает, что моя мать не имеет права на жилье, а Советская власть считает наоборот. Угрозы выкинуть на улицу с понятиями и с милицией не состоялись, но она полтора года живет без прописки, без талонов, без пенсии, без места лечения, не голосовала, не участвовала в переписи населения. А вы говорите не надо льгот. Да такие как Гнатко растопчут ведь остатки здоровья. Нужны льготы всем пострадавшим от сталинских репрессий! Прежде всего моральные. для души. Для покоя – живым. Как воздаяние за мученическую смерть – мертвым.

Зурмаева Роза Олзоновна, врач, ветеран труда, пенсионерка
(полный адрес).
10.9.89.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
04.09.1989 г.

Шестой номер журнала «Знамя» за 1989 год обратился к читателям с просьбой «рассказать правду об Озерлаге» в связи с

опубликованными в последнее время материалами, связанными с деятельностью бывшего начальника спецозерлага полковника Евстигнеева.

Имеющиеся у нас данные публикации газеты «Братский металлист» /г.Братск/ в рубрике «Мемориал» и интервью журналистам, которые дал полковник Евстигнеев, а также статья З. Ибрагимовой «Не образумлюсь, виноват» / «Огонек», № 31, 1989 г./ заставили нас, бывших заключенных «Озерлага», взяться за перо.

Для нас, очевидцев трагических событий, совершенно очевидно, что, выгораживая себя и себе подобных, бывший нач. спецлагеря пытается представить сталинскую систему лагерей райскими куштами, где заключенные и охранники жили по-родственному: заключенные старательно работали и имели вследствие этого «хорошие материальные и моральные условия», забывая о том, что пулеметы на вышках и колючая проволока вряд ли способствовали улучшению «моральных условий».

Полковник Евстигнеев пытается представить свое руководство рабским трудом и уничтожение человеческой личности в несчастных людях чуть ли не гуманной миссией и приводит примеры своей благородной деятельности, так что получается идиллическая картина содержания заключенных. Мы, бывшие заключенные лагеря, помним иное: на наших глазах не раз стреляли в тех, кто, шатаясь от слабости, делал шаг с сторону. Утверждение полк. Евстигнеева о том, что в его «хозяйстве» было много бывших полицаев, власовцев, а не только невинно репрессированные, лживо, т.к. основную массу заключенных составляли достойные и честные люди, часто это были специалисты высокой квалификации, много было рабочих и крестьян. отбывая заключение в «Озерлаг» в 1948-1951 гг., мы помним и свидетельствуем следующие вопиющие факты, раскрывающие истину о «райской жизни» за колючей проволокой:

1. В 1948 г. в старый лагерь на 185 км от г. Тайшет были пригнаны по этапу заключенные. В результате нехватки продовольствия половина из них за короткий срок превратилась в «доходяг» или заболели пеллагрой и дистрофией. Несмотря на крайнее истощение, их выгоняли на тяжелые работы, и нач. лагпункта майор Касимов и начальник режима Гусев издевались над заключенными: так людей впрягали в сани, на которых возили обед, а лошадь стояла в это время в конюшне.

2. Врачебная комиссия, проходящая весной и осенью, проводилась так: если при ощупывании ягодиц кость не прощупывалась, то направляли на работу.

3. Техника безопасности не соблюдалась вовсе. В лагпункте, где начальствовал капитан Климович, было много травм и даже жертв; связано это было с уменьшением зоны оцепления, где валяли лес, и деревья зачастую в тесноте падали на людей, убивая или калеча их. При трелёвке леса использовался даже ночью человеческий труд. «Хлысты» / стволы без веток/ поднимались при загрузке вагонов с высокими бортами на вытянутых руках ослабленных людей и падали им на головы, ломали руки и ноги.

4. При конвоировании часто допускались прямые издевательства над уставшими после работы, ослабевшими людьми: быстро сменялись команды: «встать!», «лечь!», «бежать!», а потом спускали обученных собак, и те рвали одежду, кусали за ноги тех, кто отставал от остальных.

5. Во главе бригады ставили физически сильного человека, который, обладая властью, был волен увеличить паёк, выдать дополнительную кашу, натравливая людей друг на друга, сам «казнил» и «миловал». раздача одежды 1-го, 2-го и даже 3-го срока годности раздавалась тоже по капризу и желанию «начальства». Трудно сейчас представить, как униженно выглядел человек в одежде 3-го срока, сплошь из заплат и дыр.

6. Питание и снабжение продуктами лагпунктов проводилось плохо, продукты разворовывались, качество их было крайне низким, хлеб, как правило, несъедобен. Овощи, фрукты и масло, о которых вспоминает Евстигнеев, относятся, скорее всего, к области его сновидений, а норма хлеба была в 2 раза меньше, чем он указывал в интервью.

Естественно, что процветали дистрофия и авитаминоз, а врач Мальский лагеря однажды пошел на конфликт с нач. лагеря Алексеенко, который хотел пустить в пищу заведомо прогнущее мясо.

7. Лагерная служба из заключенных часто состояла из уголовных элементов; она грабила остальных с поощрения администрации лагеря.

8. Техника, облегчающая тяжелый труд, злонамеренно не использовалась; заключенных сознательно превращали в рабочую скотину, клейменую личным номером.

9. На «образцовом» лагпункте при авторемонтном заводе регулярно проводились незаконные, оскорбительные обыски, особенно инженерно-технического состава, которые иногда заканчивались жестокими наказаниями: отменялся день отдыха; без всякого повода, а только по капризу начальства отправляли в БУР /барак усиленного режима/, который представлял собой

подземную, холодную зарешетченную клетку. Иногда туда набивалось столько наказанных, что можно было только стоять. так однажды было наказано сразу 20 специалистов, работающих на заводе, пьяным оперуполномоченным только за то, что они позволили себе лежать в свой выходной день /за что, кстати, он даже в те времена получил от п/бюро управления взыскание!/, но и после продолжал работать и издеваться над заключенными.

10. Абсолютно не соответствует истине утверждение Евстигнеева о прекрасно налаженной культмассовой работе в лагере. Действительно, в 1950 г. была организована культбригада, куда входили известные актеры, певцы, музыканты /например, Русланова/, но она, по замыслу начальства, должна была ублажать и развлекать избранных: руководителей Управления и членов их семей.

11. Применялась жестокая расправа по отношению к тем, кто сопротивлялся. Одного беглеца привели в лагерь с веревкой на шее /Виноградов/, он шел согнувшись пополам, а его тянули, как собаку. Вся одежда была в крови, лицо изуродовано. Расстрелянных за побег или неповиновение надолго выставляли на обзор в лагере – трупы несколько дней не убирались в назидание другим.

Однажды одного из нас /Фидельгольца Ю.Л./ посадили в карцер, в котором двое суток находился труп человека.

Этот перечень способов унижения человека, превращения его в животное можно еще продолжать. мы приводим самые яркие факты для того, чтобы опровергнуть миф, создаваемый Евстигнеевым о лагерях, где все было «по закону» и «на вполне человеческом уровне».

Мы обращаемся ко всем бывшим заключенным «Озерлага» поддержать нас в следующих предложениях:

1. Гор. Братску Иркутской области публично осудить поведение Евстигнеева и его лживое интервью.

2. Принести публичное извинение перед бывшими заключенными Озерлага и лично Закопырину и Жигулину.

3. Опубликовать наше письмо в газетах Иркутской обл. и г. Братска /без купюр/

4. Донести до сведения писателя Жигулина и т. Закопырина содержание этого письма.

5. Оставляем за собой право обратиться в Центральные партийные органы для дальнейшего решения вопроса о пребывании сталинского прислужника в рядах КПСС.

Мальский Иосиф Аркадьевич, 1920 г. ветеран труда, инв. ВОВ, врач, двенадцать правительственных наград. Бывший заключенный «Озерлага», работавший фельдшером «образцового» лагпункта при авторемзаводе в г. Тайшет с 1949 по 1951 г. Адрес: 1031 055 Москва, К- 55 ул. Палиха, д.7/9, кор.3, кв.11 тел 972-06-27

Фидельгольц Юрий Львович, 1927 г. ветеран труда, архитектор. Бывший заключенный Озерлага с 1948 по 1951 г., постоянно находившийся на тяжелых физических работах различных лагпунктов Трасы Тайшет-Братск. (Адрес).

P.S. О принятых редакцией мерах, просьба уведомить.
4.09.1989

Ответ редакции газеты
«Восточно-Сибирская правда»
на письмо И. А. Мальского и Ю.Л. Фидельгольца
04.12.1989 г.

Уважаемый Иосиф Абрамович!

Мы намеревались опубликовать Ваше письмо об Озерлаге. Но неожиданно столкнулись с такой этической проблемой: полковник в отставке Евстигнеев заявил, что в печати против него развернулась очернительная кампания, которую он считает незаслуженной. Пригрозил, как нам стало известно, что может даже свести счеты с жизнью.

Сообщаю Вам, что в начале августа наша газета напечатала интервью с Юрием Львовичем Фидельгольцем «Правда об Озерлаге». Публикация эта была очень хорошо встречена читателями, пришли отклики. В ней, в частности, говорилось и о роли Евстигнеева. Кроме того, об этом же писали и ряд газет г. Братска и Братского района.

Желаю Вам и Юрию Львовичу доброго здоровья и успехов в общественной работе по «Мемориалу».

В Иркутске, как вы знаете из печати и передач ЦТ, 11 ноября открыто мемориальное кладбище жертвам сталинских репрессий, обнаруженных у с. Пивовариха. Это вызвало большой общественный резонанс.

С глубоким уважением
ст. корр. ВСП Анатолий Иннокентьевич Семенов.

Письмо в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда» и рассказ «Так было»

Уважаемая редакция!

В «ВСП» иногда пишут очень кратко о репрессиях в период культа личности Сталина, без примеров лиц пострадавших. Я описал случай, который произошел со мной в 1947 году. Это было при Сталине.

В Иркутске сохранилась небольшая скульптура Сталина. Если смотреть на фасад управления ВСЖД, то над карнизом изображены лица передовиков транспорта, среди них есть «голова» Сталина. Пусть повнимательнее посмотрят работники управления. Может быть подводит зрение. С уважением Лагутин Иван Васильевич. Иркутск (полный адрес).

Так было

До Отечественной войны я работал в геологических партиях, по образованию – геолог. Началась война, Мобилизовали под Москву (оборона Москвы). Затем прошел боевой путь от г. Москвы до гор. Кенигсберга, где был вторично тяжело ранен, выскисал из госпиталя в ноябре месяца 1945 года. Стал инвалидом ОВ и в геологических партиях работать больше не мог.

Поступил работать в геологический техникум на Урале в качестве преподавателя геологоразведочных дисциплин. Послевоенные годы были тяжелые, жили в подвалах, хлеб по карточкам 500 гр на день на служащего, иждивенца 300 гр. Больше ничего. На рынке стакан плохой муки стоил 10 рубл, булка хлеба 150 рубл, ведро картошки 100 руб. Все дорого, а преподаватель получал 7 руб. за учебный час или на эти деньги 70 коп. со стажем до 10 лет 9 руб. или 90 коп, более 10 лет 11 руб. или 1 руб.10 коп. Месячная з/плата исчислялась из расчета 1080 уч. часов, положенных на год, умноженная на стоимость часа и деленная на 12 месяцев, тем самым преподавателю приходилось свой отпуск отрабатывать учебными часами годовой нагрузки, а стоимость учебного часа еще снижалась.

Данная сетка оплаты была предусмотрена в Инструкции, выпущенной Советом Министров СССР. В техникуме меня выбрали председателем месткома. Я решил изложить свою точку зрения на оплату труда преподавателям, т.е. расчет делить не на 12, а на 10 месяцев, а за отпуск оплачивать как администрации и всем служащим. Составил текст письма, отпечатал в 3-х экз., подписал, попросил подписать секретаря партбюро т. Игошева

и отправил в Москву в Совет Министров СССР с просьбой об изменении оплаты. Как дальше развивались события. Из Москвы один экземпляр вернулся в городской комитет КПСС с резолюцией « что за ревизия документов Постановления Совета Министров СССР». Подпись непомню. Первый секретарь ГК КПСС т. Степанов вызывает меня и секретаря партбюро т. Игошева в горком и ставит вопрос ребром: Вы знаете кто подписывает документы? Сталин! Высказал еще несколько обвинительных слов. Игошев сразу спосовал и отказался от своей подписи, заявив, что ее подделали. Пришлось все взять на себя. Впоследствии выяснилось, что Игошев на многих писал кляузы, он умер.

Степанов назначил день когда мне явиться на заседание ГК. Состоялось заседание ГК, на нем присутствовали все секретари, председатель горисполкома, судья, прокурор, начальник КГБ города майор Ваницкий и др. лица. Первый выступил 1-й секретарь ГК КПСС т. Степанов.

Зачитал мое письмо, обвинил меня в ревизии документов Совета Министров СССР опять сослался на Сталина и вынес предложение исключить меня из рядов КПСС. Некоторые присутствующие подрежали его.

Выступает начальник КГБ города майор Ваницкий: «Лагутин прошел большой боевой путь войны, инвалид, с мирными условиями жизни еще хорошо не ознакомился и т.д. Мое предложение – достаточно выговора». Все переглянулись. Ведь в то время Берия возглавлял КГБ, и власть можно сказать, перешла в руки работников КГБ, возражать было рискованно, проголосовали за выговор. Это еще не все. после этого заседания встретил 3-го секретаря ГК женщину у которой муж погиб на фронте. Она с уважением относилась к фронтовикам и рассказала вот что? За 2-3 дня до заседания ГК КПСС, Степанов созвал узкий круг членов ГК и решил со мной разделаться в два приема, сделать сюрприз начальнику КГБ города Ваницкому. Первое, это исключить меня из партии, во-вторых, внести предложение взять меня под стражу. На этом же узком заседании прокурор заготовил ордер об аресте. Рассчитывали на то, что майор Ваницкий на ГК их поддержит, ведь выявили «врага народа».

Даже в ограде за сарайчиком стоял «черный ворон». Этот тайный сговор, на заедании ГК КПСС при присутствии майора Ваницкого провалился. Почему Ваницкий смягчил обстановку? Могли быть два обстоятельства. Сын Ваницкого учился у меня в классе, где я был классным руководителем. Это способный, спокойный, добродушный юноша. всегда о детях судят по родите-

лям, а здесь наверно можно судить наоборот. Если был бы более агрессивный начальник КГБ, то меня мог «черный ворон» увезти в неизвестном направлении. Почва была подготовлена Видимо и сам Степанов не был гарантирован от таких случайностей и под него могли сделать «подкоп». Вот и судите, кто виноват?

Если Сталин уничтожал людей вокруг себя в центре при помощи угодников и подхалимов, а один он ничего не мог бы сделать. Поэтому вину в репрессиях надо разложить и на других, которые ради подхалимства шли на все.

После смерти Сталина при Хрущеве вышла инструкция о расчете зарплат по моему предложению делить не на 12 а на 10 месяцев, как указано в тексте.

Если письмо будет опубликовано, то гонорар перечислить в фонд пострадавших при репрессиях.

Лагутин Иван Васильевич 17/IV- 89 г.

Письмо в газету
«Восточно-Сибирская правда»

ИЗ ТЯЖКИХ ВОСПОМИНАНИЙ (зачеркнуто)
ПЯТНАДЦАТЫЙ ПОСТ ИРКУТСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Во дворе Иркутской тюрьмы в двадцати-двадцати пяти метрах от въездных ворот, в те годы стоял бревенчатый дом – пятистенок, очевидно предназначавшийся для караульного помещения или какой-то тюремной мастерской. Летом же 1938 года в нем содержались «враги народа» и особо опасные рецидивисты, чьи дела следствием были уже закончены и они ожидали решения своей судьбы. Вот в эту огромную камеру на 350 человек привели и меня в середине июля 1938 года. Следствие мое, как я догадывался, было закончено, правда, протокола об его окончании я не подписывал и до привода на пятнадцатый пост, сидел без вызова на новые допросы в одиночном корпусе особо строгого режима, носившем зловещее название КРАСНЫЙ. Он и в самом деле был красным, сложенным из красного кирпича.

Во время в нем содержались самые матери «враги народа» – бывшие еще недавно самыми уважаемыми людьми Восточно-Сибирского края, руководящими работниками партийных, Советских, профсоюзных, комсомольских органов, видные представители научно-технической интеллигенции, культуры, просвещения и искусства, руководители сельского хозяйства,

промышленных предприятий, транспорта и связи. До сих пор не пойму, как меня, двадцатидвухлетнего парня, по роду своей деятельности ничем, кроме лыжных гонок не занимавшегося, удостоили такой чести! Четыре месяца я просидел в одной камере с бывшим политкаторжанином и руководителем контрольной комиссии крайкома партии /Фамилия его, имя и отчество к сожалению не удержались в моей памяти/. Но очень хорошо помню бывшего члена бюро крайкома Исидора Борисовича Маймина, работавшего до ареста председателем крайплана. Бывшего секретаря крайкома ВЛКСМ Виктора Жука, работавшего перед арестом секретарем Сталинского райкома ВКП/б/ г. Иркутска. Профессора Штамова организатора и первого главного врача ФТИ /ныне курорта «Ангара»/. Всего с этой «одиночке» сидело нас тринадцать человек. Судьбы их покрыты мраком неизвестности. память об этих замечательных людях, истинных коммунистов, ленинцах, я сохранил на всю жизнь. Это им я обязан своим становлением, своей верой в торжество Ленинских идей, ставших для меня целью жизни. Память об этих людях, без сомнения уничтоженных сталинскими опричниками, заставляет меня рассказать о них правду, наконец, полным голосом. Уходя из той камеры, я ПОКЛЯЛСЯ им, если останусь жить, расскажу людям правду о чудовищном произволе, иезуитских пытках, творившихся в ежовских застенках, о людях, подвергшихся им, но не потерявшим веру с торжеством правды и справедливости, не отрехшихся от ленинских идей построения коммунистического общества и никогда не предававших своего народа. Я свидетельствую это и утверждаю.

Долгие годы мне не удавалось полным голосом рассказать о том страшном времени людям. Болие двадцати лет моя рукопись о пережитом в виде романа путешествовала из редакции в редакцию. И только в 1988 г. Восточно-Сибирское издательство решилось включить в план издания на 1990 г. безбожно обкромсанную повесть, в которой Иркутск мной назван Присоянском, а имена и фамилии истинных героев заменены вымышленными. В годы написания рукописи иначе поступить было просто нельзя. Но не о повести «ПУЧИНА» сейчас идет речь. Стесненный газетной полосой я обязан рассказать скупыми словами о тысячах загубленных жизней Иркутскими палачами, чей прах удалось обнаружить в урочище с экзотическим названием: «Дача лунного короля». рассказать о той страшной кухне кровавого конвеера, на который чудом не угодил сам – мой гражданский долг.

За семьдесят двое суток, что я провел в этой камере в ожидании решения своей судьбы, через нее, как через приемный бункер прошло свыше десяти тысяч бывших партийных, Советских, комсомольских и профсоюзных работников всех рангов, научных и инженерно-технических, наиболее передовых рабочих и колхозников. Все они, как документально установлено по архивным документам Иркутского УКГБ, не подвергались отправке в лагерь НКВД без права переписки /как сообщалось родственникам/, а были уничтожены палачами. Среди этих невинных жертв были и мои два двоюродных брата /Анатолий и Георгий Агофоновы/, коллеги по работе в спортивных организациях: Александр Саночкин, братья Витковские, Николай Кальницкий, Аркадий Кульпин, Борис Светлицкий и многие другие, кого увезли с пятнадцатого поста под ночным покровом вместе с вещами. На производимых раскопках в районе деревни Пивовариха /Урочище «Дача лунного короля»/ обнаружены вместе с останками несчастных и их личные вещи /зубная щетка, сгнивший портфель, перо от рассыпавшейся подушки, эмалированная кружка и другие/.

Каждую ночь, проведенную мной на пятнадцатом посту, с наступлением темноты, в плотную к крыльцу подходили закрытые машины, прозванные в народе «Черный ворон». В камеру входил начальник конвоя и держа в руках список командовал:

– Кого вызову, быстро выходи с вещами.

За ночь «воронки» успевали сделать по два-три оборота. 80-120 человек. Днем камеры вновь наполнялись переведенными с других постов. Кровавый конвейер работал без перебойно. Но мы – сидевшие на пятнадцатом не догадывались, наивно предполагая отправку в лагерь и завидовали счастливым. Как? По какой причине минула меня эта кровавая чаша, до сего времени не могу понять. Видно в рубашке родился.

О том, что пятнадцатый пост был бункером того страшного конвейера, мне сказал в тюремной бане мой бывший товарищ Миша Баба-Оглы отбывавший там свой срок за драку в кинотеатре.

– Ты знаешь, с какого поста тебя привели? – я назвал его номер

– При первой возможности беги. Там все обреченные. Каждую ночь оттуда на расстрел увозят. Точно знаю. Только ни гу-гу! Дознаются и меня вместе с тобой шлепнут.

Но меня на пятнадцатый пост не вернули. Мне по счастью была уготовлена Колыма и ее тяжкий, каторжный труд в золотых забоях. И об этом каторжном труде и о растоптанных там

людях рассказываю я в своей повести «Пучина» запланированной к выпуску в свет на январь 1990 года.

Как уже сообщалось в Восточно-Сибирской правде комиссией облисполкома по восстановлению прав и доброго имени жертвам Сталинских репрессий возбуждено ходатайство о превращении обнаруженного места массовых захоронений в мемориальное кладбище для поклонений жертвам репрессий. На заседании комиссии обсуждался и вопрос об установлении скульптурного памятника в одном из наиболее доступных для повседневного обозрения города. Была и предложена обществ. «Мемориал» конкретная фигура известного спутника. Однако окончательного решения этого вопроса не принято. Я и мои товарищи по несчастью считаем, что установление такого памятника в Иркутске необходимо не только как дань и увековечивание памяти тысячам невинно загубленных, но и как постоянное напоминание грядущим поколениям об опасности повторения культа личности и кошмара его последствий.

Таким местом мы считаем мог бы стать круговой газон /его нижняя часть/ на развязке дорог ул. Байкальская – плотина Иркутской ГЭС – пр-т Карл-Маркс-Штадт – Листвянский тракт – дорога на Аэропорт. и опора ЛЭП, установленная в северной части кругообразного газона памятнику не помеха.

К нашему мнению присоединяются и многие члены семей погибших. Мы ждем ваших мнений и поддержки. Погибшие зовут к вам. Они не увенчаны славой героев Великой Отечественной войны, но память о них надо чтить так же вечно.

Член комиссии облисполкома и
областного Совета ИПО «Мемориал»
ныне реабилитированный «враг народа»

Л. Рычков

Журналу "Наука и жизнь" № 1, 1989 г.

Ответ на статью А.Цинко "Истоки сталинизма"

Читая эти гнусные обвинения псевдоученых и поражаешься их обезчеловеческой тупости. Не укладывается в голове, как можно называться ученым и быть безмозглой тупицей. Изливать свои презрительную сущность и безнаказанно поспирать и глумиться над сотнями миллионов своих соотечественников.

Я глубоко уверен в том, что таких, как Цинко, всегда будут уничтожать.

Их есть за что уничтожать — за измену и предательство, за муки, которые мы терпим от нашей фашистской пропаганды.

Не думаю, что народ пойдет за безмозглыми и безответственными людьми, чья патологическая ненависть к социализму и коммунизму приобрели форму государственной политики.

Нас, простых советских тружеников, превращают в безмозглый скот, над нами глумятся, издеваются, ставят над нами эксперименты, как фашисты в концлагерях. Наша боль и наше здоровье греет места. Да, мы должны отомстить за нас и наших детей, которых, как и родителей, превращают в серую массу, лишают их будущего, лишают простого земного счастья.

Мы должны отомстить и отомстим за Сталина И.В.!

Мы отомстим за всех большевиков!

Мы отомстим за Ленина В.И. и за Великий Октябрь!

Таких, как Цинко, надо не судить, а расстреливать на месте, без суда и следствия.

Если бы эти фашисты в 1956 году и теперь вновь не подняли

ГЛАВА 3. Место памяти – советская деревня

Сергей Карнаухов

Письма в редакцию – важный исторический источник, оно «содержит в себе сведения о самой личности автора, о её внутреннем мире и объективном положении в обществе, оно является важнейшим для редакции источником сведений об аудитории печатного органа и выполняет функцию обратной связи. Если прямая связь печати с аудиторией заключается в процессе одновременной передачи одинаковой информации от одного источника сразу к значительной массе членов общества, то письма в редакцию передают разнородную информацию от множества источников и в обратном направлении – от аудитории к источнику массовой информации»⁷². Отношение к письму как к источнику информации, пишет далее А. Верховская, больше похоже на идеализацию ситуации, стремление выдать желаемое за действительное.

Е. Зубкова рассматривает внимание к письмам граждан со стороны редакций газет и журналов и незамедлительное решение вопросов местной властью, указанных в них, как пропагандистскую меру. В доказательство она приводит отрывок из письма матроса А Забелкина: *«Я на практике убедился (...) что вы уделяете такое внимание голосу «маленького человека». Это возможно только у нас, в стране победившего социализма»*. Е.А. Зубкова справедливо полагает, что именно «на подобную реакцию со стороны «маленького человека» и была рассчитана так называемая работа с письмами трудящихся»⁷³.

Обращаясь в газету с жалобой или просьбой помочь, советский читатель надеялся, что с помощью газеты его проблемы или проблемы локального сообщества будут решены. Газету рассматривали «как своего рода образец одного из наиболее распространённых каналов выражения общественного мнения, практически единственного способа коммуникации между народом и властью»⁷⁴.

⁷² Верховская А.И. Письмо в газету и его автор как объект социологического исследования. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1968. С.8

⁷³ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 181.

⁷⁴ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 171

В советский период в каждой газете были рубрики «По письмам читателей» или «Вы нам писали», в которых публиковались или гневные письма читателей по поводу «отдельных недостатков», или, написанные как по заказу, письма с отзывами на последние постановления и указы партии и правительства. Во время перестройки и гласности причины обращения в редакцию несколько изменились: появляются письма, которые критикуют редакционную политику, авторов статей, несмотря на то, что эти статьи опубликованы в партийном органе печати.

С начала перестройки особое место в публицистике, посвящённой проблемам и результатам экономического развития страны, отводилось деревенской теме. Одна из характерных в этом смысле публикаций – программная и объёмная работа Александра Ципко, вышедшая в 1988-1989 годах в журнале «Наука и жизнь». В ней исторический опыт СССР критикуется, прежде всего, за насилие над «простым человеком», а судьба деревни и отношение к крестьянскому труду служат доказательством несостоятельности «реального социализма», именуемого «сталинизмом». Один из тезисов автора – негативное отношение Сталина к любым проявлениям капитализма: «Сталин – ярый, смертельный враг частной собственности»⁷⁵. Если учесть, что самым значительным слоем частных собственников были крестьяне, то можно предположить, что Сталин являлся яростным врагом и крестьянства в том числе.

Уже позднее, в эпоху интернета, А. Ципко выложил статью на своём сайте в более развёрнутом варианте, подробно разъясняя этот тезис: «В главном вопросе всех русских революций – в отношении к крестьянству – Сталин был типичный «левый», типичный крестьяноненавистник. Думаю, что глубокая затаенная суть сталинизма и сталинщины как разновидности русского «левого» экстремизма как раз и состояла во враждебном отношении к крестьянину, ко всему деревенскому укладу жизни»⁷⁶. Коллективизация в целом признавалась трагической ошибкой, уничтожением крестьянства как социального слоя.

Эта позиция Ципко задела за живое многих. В анализе сталинизма читатели, независимо от того, с одобрением или осуждением они отнеслись к публикации, увидели радикальную критику основ советского строя. Статья расколола читателей «Науки и жизни» на два лагеря: сторонников Ципко и его яростных противников, а отношение к советской деревне стало своего

⁷⁵ Ципко А. «Истоки сталинизма». Наука и жизнь. №11, 1988, с.52

⁷⁶ Режим доступа: <http://tsipko.ru/2010/01/18>.

рода маркером, отделявшим сталинистов от антисталинистов, демократов от ретроградов.

При этом обе стороны обращаются к деревне как к месту памяти, апеллируют к собственному опыту.

«Мне было лет 15 и вот мужика облажили не посильным налогом. Считали что он мол зажиточный и гнули в бараний рог. А эти крестьяне самые были труженики. При В.И. Ленине такого не было. А при Сталине даже последнюю коровёнку отбирали. Вот стех пор из деревень всеми силами старались перебраться в город. <...> У нас в депо забрали 20 чел. так называемых врагов народа»⁷⁷.

«А я помню, когда колхозы получали конные плуги и готовились к пахоте, то гаечные ключи шедшие вместе с плугами не подходили ни к одной гайке, это что не вредительство, или может это Сталин давал такую установку? Нет конечно. 1936 год хлеба было полные амбары, лучше стало жить нам на Руси. Мой брат в этот год получил на трудодни 36 центнеров пшеницы и так до начала войны. <...> Я более 30 лет изучал краткий курс людей пропагандировал»⁷⁸. Впрочем, последняя фраза объясняет многое: и «полные амбары» и «36 центнеров».

Прослеживаются несколько причин, почему читатели газет и журналов стали активно писать письма в СМИ в этот период. Одна из главных – отзыв на критику Сталина и его действий. Часть авторов встают на защиту сталинизма, другие поддерживают авторов статей. Аргументы первых просты: *«Магазины начинают пустовать, как при Хрущёве. А ведь при Сталине мясо шло до 1 р. 60 к. за кг и сейчас оно было бы бесплатно»⁷⁹.* Руководство партии, страны и чиновники всех уровней были примером скромности: *«При Сталине секретари обкомов и горкомов были настоящие партийцы, скромные, от народа не отрывались. Особыми привилегиями не пользовались»⁸⁰.*

Такую реакцию на критику сталинских времён можно объяснить следующим: на 1930-1950-е годы у большинства авторов пришлись годы молодости, а они, чаще всего, запоминаются, как безоблачные. *«Я человек старшего поколения. В своё время 29-30 г. в комсомоле проходили всякие мероприятия и нам было весело. Из наших комсомольцев постарше в то время посылали в деревню на раскулачивание и один наш комсомолец погиб убили кулаки»⁸¹.*

⁷⁷ Письмо Лаврентьева В. в журнал «Наука и жизнь», 18.01.1988

⁷⁸ Письмо Иловайского в газету «Советская молодёжь», без даты

⁷⁹ Письмо Кирилленко в журнал «Наука и жизнь» 18.04.1989

⁸⁰ Письмо Волковой в газету «Восточно-Сибирская правда», без даты

⁸¹ Письмо Воробьёва В. в газету «Советская молодёжь», 3.01.1987

Парадоксально, но более молодое – послевоенное – поколение оперирует словами в духе лозунга «Жить стало лучше, жить стало веселее», выдавая эмоции за аргументы: «Сталин у советского народа пользовался большим уважением, любовью и доверием. Сталин много делал для своего народа, и народ делал для страны и Сталина»⁸². Подкреплением служила ссылка на «достоверные и надёжные» источники: «Со слов отцов наших раньше вся страна жила радостями трудовых героев. Строили не жалея сил, себя, чтобы мы жили в достатке»⁸³.

Ещё один «достоверный» источник, на который ссылались и приводили в пример – советские фильмы: «Посмотришь фильмы старые, как люди работали все вместе. Трудно было. Но было всё в магазинах, было больше»⁸⁴. Идеализации прошлого способствовала и сложная экономическая ситуация перед перестройкой и в начале её, казалось, что прошлое – это время изобилия, счастья и правильных решений.

Ещё одна группа противников критики сталинизма, которые обращались к теме деревни в поисках аргументации своих положений – люди, работавшие в различных, часто карательных, органах власти и их потомки. Для них рушилась не только и не столько история страны, а личные идеалы, появился страх, что жизнь прожита как-то неправильно: «Я хорошо знаю что такое чекист, у меня отец всю жизнь был чекистом, 25 лет прослужил в органах НКВД и после пенсии служил, но негласно и до гробовой доски я да и все не слышали от него грубого слова, был честен, никогда не оскорблял даже людей, зависящих от него»⁸⁵.

Против «антисталинистов» выстраивалась система защиты, подыскивались аргументы в духе политических процессов 1930-х годов, исторические факты часто искажались: «Мы это знаем из истории, они [Бухарин, Зиновьев – С.К.] за перманентную революцию стояли вместе с Троцким, они выдали план вооруж. восстания, они были за реформистск. революцию так ведь они шли в разрез ленинской линии»⁸⁶. Народ, а не Сталин, представлялся творцом истории, приводились «надёжные» свидетельства: «При статье 58 репрессирование, которую ввёл народ под руководством Ленина, люди сами друг другу суд устраивали, это всё было в нашей истории наше

⁸² Письмо Аникеева В. в журнал «Наука и жизнь», 20.02.1989

⁸³ Письмо Вилкова Н. в газету «Советская молодёжь» 11.09.1987

⁸⁴ Письмо Вилкова Н. в газету «Советская молодёжь» 11.09.1987

⁸⁵ Письмо Деревянкиной Г. в газету «Советская молодёжь», 11.08.1988

⁸⁶ Письмо без подписи газету «Советская молодёжь».

поколение на факте помнит, а бухаринцы не признавали Ленинскую политику, доходило до того, что на съезде стрельбищу устраивали, эти бухаринские святые люди. Всё это было в истории и не ложь, мой дядя родной, сам был на съезде и очевидец и мне всё рассказывал»⁸⁷

Язык революции не изжил себя, он еще долго и активно использовался, транслировался через кино- и телефильмы. Например, один из персонажей фильма «Старый новый год» (1980 г.) говорит об исчезновении старых революционных идеалов и утверждении частнособственнических.

На рубеже 1970-1980-х годов происходит реабилитация культа личности И. Сталина на обывательском уровне, как отклик на «реабилитацию сверху»: был снят ряд фильмов, рассказывающих о решающем вкладе Сталина в победу («Освобождение: битва за Берлин» (1971), «Битва за Москву» (1985) и др.). Появляются фотопортреты генералиссимуса на лобовом стекле автомобилей, а попытки при В. Андропове «навести порядок в стране» ассоциируются со сталинскими временами.

Реабилитация И. Сталина проходила на фоне экономических проблем страны, идеологического тупика, многие пытались найти опору в прошлом, во времена, когда анекдоты о лидере государства были невозможны. Когда были построены основные промышленные мощности, полностью изменяется ландшафт деревни. Из сытых, но погрязших в «вещизме» 1980-х времена 1930-1950-х годов казались чем-то идеальным.

Перестройка и начавшаяся гласность представлялись не историческим процессом обновления общества, а поисками врагов. Многие авторы обращаются к прошлому, ища там идеологическую опору: *«Голодовка была потому что хлеб уничтожили враги народа они не хотели Советской власти. А теперь их дети все грамотные кандидаты исторических наук писатели профессора, чтобы выгородить своих отцов, что они предали Советской власти и пишут всякую чепуху. При Сталине жили хорошо. Из колхоза никто не убежал, все честно работали и всё было не так как сейчас. <...> Почему только дети репрессированных пишут о своих честных родителях, а о комсомольцах, которые их родители уничтожали, которым было 16-17 лет о них молчат, родители их были неграмотные и их в живых нету.»⁸⁸ Для них прошлое – это будущее, а то, что они видели и к чему стремилась страна – это дореволюционное, мрачное прошлое.*

Причину тяжёлого экономического положения в 1920-1930-е годы видели во внешних причинах: поиски врагов советской

⁸⁷ Письмо Иловайского в газету «Советская молодёжь», 23.08.1988

⁸⁸ Письмо без подписи в газету «Советская молодёжь», 1988

власти за рубежом. Верили, что впереди ждёт светлое будущее: «Заполнилось на всю жизнь, когда мать посылала меня отнести последние 10 яиц и курёнка в «заготовку», я, плакал, жаль курёнка, а держали его мои худые, тонкие, синюшные ручонки. Мать прикрикнула «Неси». Вчера на сходке сказали, что «у нас будут свои трактора, автомашины, сеялки». Потом всё это стало, выйдя из разрухи, отсталости, страна стала сверхдержавой, кругом враги США, Англия, Франция и др. мечтали задушить нас, мешали внутренние и внешние враги»⁸⁹. Автор гордится внесённым вкладом в индустриализацию и коллективизацию страны, именно он – активный участник «светлого прошлого», которое очерняют на страницах уважаемого журнала.

Другие корреспонденты искали причину репрессий, экономических трудностей не в самом режиме, а в его внутренних врагах, находя аргументы в свою поддержку в деревне: «Он [Ципко – С.К.] стыдливо умалчивает, что произошло в 1927-28 годах когда окрепшие кулаки потребовали от Советской власти такие цены за сельхозпродукцию, какие наше государство не в состоянии было уплатить, и когда оно предложило меньшие цены, объявили бойкот Советской власти, стали прятать и гноить сельхозпродукты, чтобы они не достались трудящимся. Горожане голодали в то время, как в стране в те годы был получен хороший урожай»⁹⁰.

Кулак в их идеологических конструкциях был главным, наряду с белогвардейцами, врагом Советской власти: «В то время в стране насчитывалось около двух миллионов кулацких хозяйств. Они составляли главную опору внутренней контрреволюции и иностранных империалистов. Кулаки ненавидели Советскую власть»⁹¹. В таких условиях государство вынуждено было перевоспитывать кулаков, но не репрессиями, а силой убеждения: «Никто в колхоз силой, как в плен, не загонял, вступали под нажимом агитации (было, помню много сходок), но всё-же добровольно, единоличники у нас были ещё в 35-м году. Правда, их ущемляли повышенными налогами и в землепользовании. Раскулачивание происходило бескровно, две или три (не больше) семьи зажиточных, которые по меркам того времени попадали под раскулачивание, сами, может быть предчувствуя недоброе, оставили колхозу недвижимое имущество, инвентарь, лишний скот и без конвоя разъехались кто-куда.»⁹² Автор не видит трагедии в том, что несколько семей «добровольно» бежали из деревни.

⁸⁹ Письмо Аникеева В. в журнал «Наука и жизнь», 20.02.1989

⁹⁰ Письмо без подписи в журнал «Наука и жизнь», 1.03.1989

⁹¹ Письмо Кирилленко В. в журнал «Наука и жизнь», 18.04.1989

⁹² Письмо без подписи в газету «Советская молодёжь», 26.06.1988

Казалось бы, автор ссылается на личный опыт. Но иногда бывает, что происходят aberrации памяти: «*Сам я родился в апреле 1944 года. Помню как в 1947 году были отменены хлебные карточки. <...> Отлично помню как в 6-7 лет ходил на рынок за углём и продуктами. В магазинах были продукты полного ассортимента*»⁹³. Трудно поверить, что ребёнок трех-семи лет помнит о снижении цен или рыночном изобилии.

Многочисленные статьи по истории СССР в газетах и журналах в период гласности, публикация ранее запрещённых произведений в период перестройки создавали впечатление, что официальная история, изложенная в учебниках, искажена: «*И когда я смотрю такие фильмы, как «Освобождение», «Укрощение огня», «Особо важное задание», «Легенда о крыльях» и др. я горжусь своей Родиной и счастлива, что родилась в СССР. А ведь в наших учебниках всё приукрашено, о негативных фактах ни слова*»⁹⁴.

Итак, первая группа респондентов, обращавшаяся к деревне, как к месту памяти, защищает сталинизм. Анализ писем даёт ответ на вопрос «откуда они?»: почти все были горожанами или же ещё в детстве переехавшими в город. Они писали письма в газеты и журналы, пытаясь защитить своё представление о прошлом, о своём детстве и юности, видели в авторах критических статей потомков белогвардейцев и кулаков, которые очерняют прошлое и его героев. Авторам писем казалось, что разрушается страна, её история, а не происходит попытка разобраться в прошлом и написать настоящую историю.

Часть сторонников сталинизма писали письма в редакции газет и журналов не ради защиты Родины и её истории, а с целью восстановления доброго имени родных и близких, которые были замешаны в репрессиях. Ведь если раньше они были уважаемыми людьми, а теперь представлялись пособниками режима.

В своих письмах читатели – противники Ципко – как правило не используют идиоматические обороты, которые внедряются в речь и публицистику во времена перестройки. Они обращаются к языку прошлого, языку «Краткого курса» и А.Вышинского.

Сторонники Сталина находили объяснение статьям, критикующим сталинизм и письмам, поддерживающим такие статьи, в том же «Кратком курсе»: «*Взгляды защитников сталинизма ныне крайне малочисленны. Гораздо поучительнее представления, выражаемые современной советской буржуазией, потомками меньшевиков, эсеров и т.п., занимающих ныне немало доходных мест, крановых позиций и носящих*

⁹³ Письмо Тонких В. в газету «Советская молодёжь», 22.04.1988

⁹⁴ Письмо Тонких В. в газету «Советская молодёжь», 22.04.1988

в своих карманах, сердцах и головах ключи от множества замков и запоров хозяйственных кладовых и духовных храмов, успешно понасозданных ими за послесталинское время.»⁹⁵ Конспирология положена в основу следующего письма: «Вот уже начинают помаленьку возвращаться белогвардейцы на ТВ и печать, начинают их оправдывать»⁹⁶.

Деревня для них двулика: с одной стороны она полна врагов Советской власти, которые борются с ней, саботируют её решения, а с другой – жизнь в деревне изобильна и счастлива, крестьяне добровольно трудятся в колхозах на благо государства.

Сторонников же А. Ципко объединяет не официальная история страны и партии, а личный, часто трагический, опыт. Для них деревня в 1920-1930-е годы место страданий и ужаса: *«Я помню жизнь ещё до колхозов. Как в этот период гнула крестьянина в бараний рог. У меня в памяти до сих пор. Была сходка (собрание) т.к. я в то время жил в деревне. Отца у меня не было он умер. Мне было лет 15 и вот мужика облажили не посильным налогом. Считали что он мол зажиточный и гнули в бараний рог. А эти крестьяне самые были труженики. При В.И. Ленине такого не было. А при сталине даже последнюю коровёнку отбирали»⁹⁷.*

Авторы рассказывают о прошлом уже не на кухнях, а открыто со страниц крупных газет и журналов. Если раньше о Голодоморе в Украине, родственниках-зэках, строивших Беломорканал было стыдно или нежелательно рассказывать, то теперь появилась возможность быть услышанным: *«Как началась голодовка на Украине я не помню – мне тогда было семь лет. Но никогда не забуду её разгара. Отец опух и вскоре умер. Стали опухать и его дети. Ходили в поле собирать гнилой картофель. Мать вперемешку с желудями и лесной травянистой землёй пекла какие-то лепёшки. Мы кушали эту, по существу, землю, искали своё спасение. <...> Мой свояк за семь кг пшеницы получил 15 лет и строил Норильск, а двоюродный брат тоже получил 15 лет и строил Волго-Дон»⁹⁸.*

Для тех, кто жил в детстве или юности в сельской местности, советская деревня была местом, где приходилось много работать, ничего за это не получая или получая крохи: *«В 1936 году мой отец и мать на 640 трудодней, а в нашем колхозе больше одного трудодня в день не заработаешь, так вот на 640 трудодней получили 32 кг ржи и больше ни-че-го»⁹⁹.*

⁹⁵ Письмо Осадечко К. в газету «Восточно-Сибирская правда», 29.04.1988

⁹⁶ Письмо Волковой в газету «Восточно-Сибирская правда», без даты

⁹⁷ Письмо Андреева Н. в журнал «Наука и жизнь», 9.01.1988

⁹⁸ Письмо Лаврентьева О. в журнал «Наука и жизнь», 18.01.1988

⁹⁹ Письмо Лаврентьева О. в журнал «Наука и жизнь», 18.01.1988

Это не единственное письмо о заработках колхозников, информация о которых почерпнута не из пропагандистских статей и книг, а из собственного опыта. Другой респондент сообщает: *«Отец вырабатывал с помощью нас ежегодно до 3-х – 3,5 тысяч трудодней. Но при отчётном годе колхоз, видимо, не мог рассчитываться с колхозниками за труд, как положено, а выдавал зерна, муки, мяса и др. продуктов лишь в мизерных количествах. Госпоставки, мне кажется сейчас, поглощали почти всё. И получалось так, что колхозники работали в последние годы почти бесплатно»*¹⁰⁰.

Одна из главных причин, почему респонденты – противники сталинизма – писали в газеты, было желание быть услышанными, желанием рассказать о том, о чём ранее было рассказывать запрещено. Деревня для них становится местом памяти, о котором вспоминать больно, но необходимо.

Большинство авторов писем не видят в деревенской жизни чего-то необычного, деревня обыденна и обыкновенна, ничем не отличается от города, а сами они не отличаются от горожан. Только один автор бравирует своим происхождением, местом жительства и образованием: *«Владимирский крестьянин просит слова с трибуны учёных. Не посчитайте дерзостью, что я хочу выступить с этой трибуны как простой смертный, а не как Титулованный учёный. Никаких титулов не имею и представьте – рад этому. <...> Ну а что сделал д.ф. Ципко? Он же отбросил основу основ – строительного дела. Как исследование и анализ залегающих под основанием дома геодезических пластов (теории предшествующие строительству, а они начинаются с «Города Солнца» Джованни Кампанелла, от Жан Жака Руссо, Сен Симона, Фейербаха и Гегеля. И только потом уже от Маркса и Энгельса. Вот до каких пластов нужно бурить по образу мышления Ципко) Я же пока ухожу от этого, посмотрю как будут бурить за круглым столом «Вопросов философии»»*¹⁰¹.

Интересен язык писем. Те, кто жил или живёт в деревне, описывают свою деревенскую жизнь в подробностях, письма скорее напоминают мемуары, а не отклики на полемические статьи. Язык этих писем безыскусен и подчас трагичен: *«У меня до сих пор в бессонные ночи (я перенёс два инфаркта) стоит в ушах душераздирающий плач женщин и детей так называемых раскулаченных. Днём и ночью на подводах их везли (взрослые пешком) к железнодорож-*

¹⁰⁰ Письмо в Комитет памяти (г. Чита), 4.01.1989

¹⁰¹ Письмо В. Митина в журнал «Наука и жизнь», 1989

ной станции, чтобы, как скотину, погрузить в вагоны-товарняки и отправить на верную смерть в Соловки»¹⁰².

Письма тех, кто имел небольшой опыт деревенской жизни или старался его забыть, пронизан конструкциями и клише из газетных статей, лекций политagitаторов, «Краткого курса ВКП(б)»: «В то время в стране насчитывалось около двух миллионов кулацких хозяйств. Они составляли главную опору внутренней контрреволюции и иностранных империалистов. Кулаки ненавидели Советскую власть»¹⁰³ Другой автор переносит язык «Краткого курса» в современность: «Не на ленинские принципы вы опираетесь, а на лево-эссеровские»¹⁰⁴.

Советская деревня стала местом памяти для нескольких поколений советских людей. Одни – сторонники Сталина – обращались к ней, чтобы подкрепить свои идеологические конструкции, оправдать собственные действия или действия своих родных. Их противниками двигало желание наконец-то рассказать о том, о чём ранее рассказывать было нежелательно или запрещено. Рассказать о том, что входило в противоречие с официальной историей, с общепринятыми идеологическими парадигмами. У первой группы историческая память формировалась на основе советских учебников, фильмов, художественной литературы. Историческая память второй группы – личностный опыт и\или рассказы близких людей.

Деревня как место исторической памяти была актуальна в период перестройки. С наступлением новейшего периода российской истории и отечественной журналистики тема деревни была вытеснена как со страниц периодических изданий, в целом, так и из тематического поля публикаций об истории.

¹⁰² Письмо без подписи в журнал «Наука и жизнь», 3.01.1988

¹⁰³ Письмо Кирилленко В. в журнал «Наука и жизнь», 18.01.1989

¹⁰⁴ Письмо Волковой в газету «Восточно-Сибирская правда», без даты

К главе 3: письма из архива ЦНСИО

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»

Вы меня т. Редакция извините

Я просто, вам как бы сказать в своем письме не все вам описал, а коротко И все через пень колоду, прошу извинить. Меня возмущает одно, что эти бывшие политические сейчас поднимают голову клеветуют на все и вся и что НКВД изверги, и т.д. давайте свами разберемся.

1. Поэт Жигулин пишет после войны, окончил техникум, изучал немецкую философию, прислал в Правду и его арестовали ст. 58 на 10 лет, неверно. Видите ли он философствовал, ему немецка философия понравилась, тогда когда у них философия одна САДИЗМ насилие истребление наций народностей, а он видите – ли рассуливал.

2. Сейчас пишут Сталин за колоски в тюрьму, сажали, да был такой закон указ от 1947 г. м-ц не помню уже. Кого сажали? а того кто подвидом колосков собирать, стригли снопы в поле, вытрясали колоски с сумки а там ножницы выпадали что овец стригут, вот как было дело, они не собирали а расхищали, всячески ухищренными методами, был голод разруха. вот вам пожалуйста, а сейчас пишут за колоски 10 лет дескать. Это вранье все, что НКВД не люди, как пишут, изверги И все это воспринимается народом в искаженном виде. Хотя я вам уже об этом говорил, что были нарушения соц законности причем грубо попирались права все верно ведь и время то было какое, или Жить Стране Советов, или впасть порабощение Со всех сторон окружены недругами, они спали и видели чтобы задушить в зародыше Страну Советов. посути после 1917 г. небыло продыху от войн, блокад экономич. политич. и т.д. Особо после войны. Я скажу одно кто неболтал того никто нетрогал ни какие НКВД.

3. в 1970 г. в комсомольск. газете была статья на бывшего председателя Иркутского горисполкома Салацкого выдали с его разрешения досаф нарезное оружие браконьерам его брату и еще одному. они без лицензии, завалили двух (2 х) сахарах а когда стало известно гласности. о задержании их участковым и охотоведом Салацкий позвонил прокурору тут-же суд, участковому 3 года, охотоведу 2,5 г. и в тюрьму. И только когда собрались все адвокаты в облсуде и потребовали разобраться освободили их. а мы говорим Сталин, НКВД, ОН не браконьеров осудил, а кто их разоблачил.он же нечесть этот Салацкий не получил даже взы-

скания, да и сейчас кажется в обкоме КПСС работает если не на пенсии вот вам факт, я просто сопоставил тогда 30х 40х годов и 70-80 годов, а сколько таких фактов которые мы знаем из печати и не знаем, что творили Рашидовы Кунаевы вместе с Брежневым. так где-же были, сегодняшние руководители, правильно говорил т. Ельцин на XIX конференции.

И о Черненко Лигачеве да тот-же Громыко Никонов пора их давно уже на пенсию они уже шамкают по бумажке два слова связать немогут без бумажки! Они и есть сами тормоз перестройки, какая от них помощь Горбачеву? обсолютно никакой плетутся в хвосте событий поддакивают голосуют. А на площадях городов страны, Москве бастуют. Полный развал разгул реакции подстрекателей ка на морозовской фабрике.

А что если охватит всю страну что будет? будем митинговать как в Польше. Н.С. Хрущевым много сделано было в вопросе демократии амнистии, разобл. культя, укреплена соц. законность. Правда требовалась доработка без всякого ажиотажа вокруг Сталина. потому как И.В. Сталин Какой бы он небыл деспот и монарх а его народ любил действительно он был ВОЖДЬ (обведено рамочкой – прим ред.), Сам он себя сделал или как но он был вождь от него неотнимеш этого, даже и Н.С. Хрущев как ни грозился, Кузькину мать показывал а в войне заслуги Сталина не умолял Так что историю не переделывать надо а дополнять её еще многими неизвестными народу деяния. А то видите-ли Н.С. Хрущев встречал с космоса Ю.А. Гагарина, нет его показывают Брежнева, а теперь переделать историю на Горбачева или Лигачева, выходит так.

Я считаю самый толковый был в ЦК Ю.В. Андропов. постепенно но твердо основательно без ажиотажа культя, повел борьбу с врагами нашей партии и народа, с расхитителями соц. Собственности взяточничеством, мошенничеством бюрократизмом, приписками и т.д. упорядочил и закрепил законом о дисциплине на производстве

Снизил даже цены на некачественну водку и е ее сокращения постепенно а выпускать только высококачественне вино водочн. изделия. вот стого и нужно было начали продолжать убирать, смещать с постов скомпрометировавших руководителей довести до конца как говорится со здать верные надежные кадры во всех отраслях народного хоз-ва обновить административный аппарат госуд-ва базис настройку. За крепить тылы и вперед засучив рукава.

А начали борьбу с народом пьянкой занялись, ве ками травилились пили запивались, а теперь за год два все решить должны обозлили народ развили, самогоноварение, Спекуляции. не

стало сахара ну и т.д. Я уже писал об этом, Как пили так и пьют удерживают только штрафы боятся попадаться. дома пьют гонят спекулирует народ, молчит да и будут молчать если нет государства он всегда возьмет на черном рынке

Я писал в ЦК КПСС, в отношении этого что нужно создать изобилие вин виноградных до 15⁰ крепости, Шампонско рислинги сухие вина от которых человек не может стать алкоголиком, Чтобы продавать в магазинах ресторан кафе и т.д. с 10 часов утра, ато пиво с 2х часов. Создать лечебные препараты такие которые бы не влияли на организм человека отрицательно, потребовать от Минздрава Эффективного лечения. все выше сказанное через года может человечество привести к снижению алкоголизма, за-болевание организма если не нашего поколения то наших детей внуков. Заканчивая скажу, обидно становится 70 лет сов. власти строили, боролись, энтузиазм, патриотизм и все неправильно зачем шли в бой за Сталина, за Родину зачем за него воевать, но ведь это все было и радости и горечи и слезы, народ ведь История, жизнь, общество и её развитие нужно брать не свысоких материй критерии, а снизу что хочет общество направлять общество, возможно такими невидимыми нитями сцементировать общество под ходу обычаям нравственным устремления и духовному потребности Человечества, отвечать его духу чаяниям, а не считая в отрываясь от масс теряя связь с массами. Это поражение.

Букреев. тел 3-30-18

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»

14.02.1989 г.

Волгоградская обл.

История.

Историю пишут так, как богомаз пишет икону то есть в угоду либо политику, либо что требует поп. История ВКП(б); ее истина историка и натуральная жизнь крестьянская в марксизме при сталинизме (Джугашвилищине в натуре) Крестьян в 30их годах марксизм по вкусу Джугашвилищины на почве ленинизма производил коллективизацию. Историк на страницах истории записал: «Массовое вступление крестьян в колхозы, происходило не в порядке простого и мирного вступления в колхозы основных масс крестьянства, а в порядке массовой борьбы крестьян против кулачества». А в самом деле? Добровольно ли, мирно ли вступали, о каком кулачестве историк ведет историческое описание для поздних

поколений. Историк в овечьей шкуре писал историю ВКП(б) применяя машину манипуляции для новых поколений, как за великую правду говоря что массовое колхозное движение добровольного, не насильственного, стремясь избавиться от кулаков. Крестьяне шли в колхозы якобы не единицами, а массами, как будто не только семьями, но и целыми дедовскими селами, деревнями. Историк постоянно связывает с кулачеством, если не кулаки, наверно бы крестьянам бы не зачем идти в колхоз. Колхоз это для крестьян являлся неким марксистским спасительным раем от кулака и помещика. История ВКП(б) есть история свержения царизма, свержения власти помещиков и капиталистов, история построения Советского государства и социалистического общества в нашей стране.

История ВКП(б) обогащает опытом борьбы рабочих и крестьян нашей страны за социализм. В этом историк прав. Мы только и боремся за социализм так как приучила история ВКП(б) Этой традицией и перестройщики сегодня имеют в своей политике стандарт за социализм за построение социализма. Перестройка окрысилась на сталинизм, как факт раскрестьянивания крестьян путем борьбы за социализм, борьбы с кулачеством, отучив крестьян от земли, быть научили борцом за социализм отрафировали быть хозяином на земле командуя им как что делать на земле и т.д.т.п.

На подобную тему, и пишет уже сегодняшней историк перестройщик, сталинизма который якобы тем самым и окрестьянил крестьян. 1953 году И.Джугашвили испустил дух отдал душу – кому? С тех пор прошло до 1985 года 32 года. Это составляет две половины разницы 4 мя днями общества под марксизмом. Начало второй половины после Сталина, для крестьян была половина повторения начала первой половины в совершенно новом порыве крестьян в ленинизм, уже в коллективном обществе, супротив после революционного времени наших дедов, которые освобождаясь от феодализма работая на своем клочке земли с упоением получить в досталь хлеба и наестся его сколотить копейку. Наше поколения 30 и 40.. Освободившийся от Джугашвильских тяжелейших налогов, о чем историк ни слова в писании истории ВКП(б)

Н.С. Хрущев первый секретарь ЦК и председател Сов Наркома т. Маленков крестьянину дали воздуха сорвав петлю Джугашвили с шеи крестьянской. Перешагнули вес опыт сталинизма по ленински с.х. поставили на тот путь развития нашими руками молодежи 30-40, которые оставили то свет марксизма, которого и перестройщики боятся.

И историк об этом периоде правду не напишет. Он будет карпеть над сталинизмом, мельчая в собственном психозе, в котором подлю извратит тот отрезок с 1953-63. Свалит в одну кучу прикроя уже тем мусором и гнилью из которого сам вылез 1963-83. и 85 годы. Сегодня мы о них ничего не слышим отправдивистов перестройки. Молчат о себе как они с Брежневым на научном коммунизме уничтожили крестьянство сваливая на половину Советов сталинизма.

Каким путем им удалось более прогрессивнее чем сталинизм расправиться с марксизмом. Да так, что от него весь мир отвернулся не говоря об обществе, в котором он еще процветал. Сдесь просто Брежневская машина узурпировала марксизм на научной основе, в в вели мощную машину манипуляции на более прогрессивных разработках.

Сманить крестьянина в город применив наглядную манипуляцию через теле. Применить метод одурачивания через алкоголь, наркоманию и т.п. Общество сделать полживотным, которым как угодно можно управлять. Спроси его для чего живешь и он не сможет ответить для чего. Разлажить общество через теле манипулируя молодеж спекуляцией любви – что привело к проститутстве. Эта глупость, еще живет и сегодня.

В этом особенно усердствовало кино и теле. Даже дошли до того, что начали манипулировать разложением семей. Появились два типа. В одном артистка говорила зачем мне семья. другой уже 5-6 девиц объединяясь дали слово не обзаводиться семьями. историк перестройщик и философ Ципко об этом не говорит. Ведь вся вторая половина без 10ка лет лежит на Вашей совести. И это не удивительно что подлость многолика, она очень ловко с манипулирует свою подлость на историю ранних лет и даже веков что и делается. Давай подумаем мой дорогой друг журнал «Наука и жизнь» что есть природа А. Ципко, и ему подобные. Изучая природу Сталина это не его природа, а природа марксизма. как во что горазд каждый художник, – верховод марксизм намалюет. Вот суть в чем есть природа и Сталина. Хрущева и Брежнева и Горбачева. Все картины марксизма совершенно разные по художеству, одинаковы в форме марксизма-ленинизма. Прообраз этому всему есть религия изображения Иисуса Христа и его идиологию. Разве сдесь нет чудес ужаса, мракобесия и наглости? Вот вся и природа и для религии и для марксизма.

Николай Киреев Х. Заталовский

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»

Уважаемая редакция!

Прочел в Вашей газете различные мнения о Сталине и его роли в нашей истории, мнения людей воевавших и только слышавших о войне. Часто эти письма, напечатанные на одной полосе, совершенно разные. Многие довоенные и послевоенные успехи и даже Победу объясняют «талантливостью, умом, железной волей, принципиальностью» «великого отца народного» И.В. Сталина. И, что по-моему самое страшное, подразумевают под Сталиным – партию, а под партией – Сталина, не больше, не меньше.

Есть такие, которые предлагают вообще не шевелить историю, кабы дурно не запахло. Вдруг молодое поколение де неправильно поймет, да сделает неправильные выводы.

Можно, конечно, понять старшее поколение – нелегко признавать, что жили и работали при таком «социализме». но поймите и поверьте, нам, молодым, нужна настоящая, без прикрас, правда. мы не должны и не хотим повторять Ваши ошибки, нам одинаково не нужны ни «Сталинизм», ни руководство «в духе застоя».

Что касается «Окопной правды», то, спасибо судьбе, мы живем во II-ой половине 80 х и уже видели «Покаяние», «Холодное лето 53-го», читаем газеты и журналы и понимаем, какое это было «замечательное, счастливое, беззаботное» время – время властвования по другому не скажешь И.В. Сталина.

Валерий Труфанов
27 лет, начальник цеха п/о «Радиян»
Иркутск (адрес).

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»

21.01.1989 г.

Владимирский крестьянин, 31.01.89 г., В.М

Главному Редактору ж. Наука и жизнь
Лаговскому.

Владимирский Крестьянин просит слова с трибуны ученых. Не посчитайте дерзостью, что я хочу выступить с этой трибуны как простой смертный, а не как Титулованный ученый. Никаких титулов не имею, и представьте – рад этому. Но очевидно настала пора, сверить координаты, кто идет наиболее верным курсом. Наука или Жизнь.

Наука в лице доктора философии А.Ципко пытается затопить нас в такую трясиину, из которой нам не выбраться в ближайшие сто лет! Посмотрите, когда он приближается к жизненным примерам, сразу видно, как далек доктор от жизни. Пытаясь навязать нам пример из строительной практики /пример с трещиной в новом доме/. Как можно браться за анализ истоков и путей Сталинской мысли, если путаться в трех соснах такого простого примера. Вместо того, чтобы сослаться на серьезную экспертную комиссию, я бы посоветовал ему обратиться за консультацией к простому технику-строителю, а его авторитетную комиссию я бы отправил копать землю под котлован нового здания. Так, когда-то поступал ныне покойный генерал-лейтенант Царевский /Начальник ядерных строек Сибири и Крайнего Севера. /Кстати, пример достойный для подражания некоторым современным руководителям строек. /А ведь он Сталинец, сам видел у него фотографию, где Он, Сталин и Курчатov – вместе/.

Ну, а что сделал д.ф.Ципко? Он же отбросил основу основ строительного дела. Как исследование и анализ залегающих под основанием дома геодезических пластов /теории предшествующие строительству, а они начинаются с «Города солнца» Джованни Кампанелла, от Жан Жака Руссо, Сен-Симона, Фейербаха и Гегеля. И только потом уже от Маркса и Энгельса. Вот до каких пластов нужно бурить /по образу мышления Ципко/. Я же пока ухажу от этого, посмотрю, как будут бурить за круглым столом «Вопросов Философии». Ципко хорошо сказал о «консерватизме мышления». Я как раз собирался писать об этом статью, но решил отложить до лучших времен. Не стал ждать выхода четвертого очерка так как узнал о чем дальше пойдет речь, ну а конец известен.

Хочу предложить вашему журналу статью или очерк- это на ваше усмотрение. Статья, основанная на образе рабоче-крестьянского мышления и восприятия, как событий нашего времени, а также и событий не столь уж далекого прошлого из нашей страны.

Этой статьей я хочу остановить затянувшийся спор Защитников Сталинских идей и противников. Думаю, написанного в ней достаточно для этого. Ведь у сторонников Сталинизма, одна твердая точка опоры – механизм Сталинского снижения цен, и пряник который они ждали, но который им так и не пришлось съесть. Я выбиваю у них эту опору, без которой они уже не смогут стоять.

Не побойтесь, Лаговский? Если да, то жаль! Хочется поддержать вывеску вашего журнала. Как бы плюрализмом мнений, связать воедино Науку и Жизнь! Думаю, что игра стоит сожженных свеч?

Вначале хотел назвать статью «Тройственность мышления Сталина».

Это, опять, на ваше усмотрение, думаю, в откликах скажут больше.

С уважением к вашему журналу: В.Митин 31.01.89 г.

Письмо в Комитет памяти (Чита)

Без даты.

Председателю секции безвинно репрессированных при комитете памяти т. Ф. Дармороз.

В 1937-м году в февраля м-це Мефодия Егоровича в с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл. где он был председателем колхоза. В апреле м-це этого же года арестовали его сына Казакова Петра Мефодьевича, который был первым шофёром Знаменского колхоза. Он был 1918 г. рождения, холост и как бывший член Знаменского работал в своём колхозе, а отца с семьёй перевели в с. Беломестново.

Когда их арестовали мама осталась с 5-ю малыми детьми одна, слабая от случившейся трагедии. Я жила в В-Дарасуна Шилкинского района. У меня был муж и двое сыновей 1) 2-х лет и 2) 8-ми месяцев. Мы только начали обживатьсья и такой удар.

Я забрала маму к себе и помогла вырастить всех детей старшему из них было 13 лет. Он был взят в 1943-м году в армию и потерялся без вести.

Мне хочется увековечить отца и братьев. Я собрала все документы на отца и брата и есть фотографии, есть справки о реабилитации их, а куда их посылать не знаю. Если можете навестите меня, я не могу приехать. Мне 77 лет доходит. А документы доверить ни кому не могу. Я их с трудом достала. А о потерявшемся брате Павле Мефодьевиче 1922 г. рождения нет документов. Ещё не успела запросить.

С уважением и просьбой Казакова Павла Мефодьев.

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
11.04.1989 г.

Редакции журнала «Наука и жизнь».

Прочитав в журнале № 2 за 1989 г. статью доктора философских наук А.Ципко, считаю статья в основном правильная

и своевременна, но рассуждения о деревне и крестьянстве описание слишком предвзятое, неверное и вредное. Так, Ципко пишет, что безграмотность и безкультурие «бородатого мужика» способствовало утверждению диктатуры Сталина. Это сущая чепуха. Несмотря на то, что сельское население страны было в основном бесграмотно, оно уже в 1927 году мечтало о коллективном труде как труде более производительном, но оно имело в виду не принудительный труд, а свободный, чтобы крестьянин сам был хозяином в своем коллективе, чтобы доходы коллектива распределялись самими членами коллектива был заинтересован в увеличении продукции, в экономическом расходовании средств и материалов и т.п. Я если был крестьянином и хорошо помню эти сельские сходки, где это все высказывалось вслух. В нашей деревне колхоз был создан добровольно еще в 29 году, после разгрома банд, пришедших из Манчжурии. Кстати, этот колхоз был сильнейшим в области, но в 1937 году был разгромлен сталинскими бандами и с тех пор перестал существовать, а жители села из 760 дворов остались все 120 дворов. Вот что сделала сталинская диктатура, так что надо винить не бородатого мужика, а Сталина и в целом верхушку партии, так называемую гвардию. Это она, эта гвардия, повела себя так пассивно, что Сталину не стоило больших трудов, чтобы захватить власть в свои руки, а потом, как и всякий подлец, он занимался больше подлостью, чем делом государственных масштабов. Обстановка в стране стала не лучше, чем у Гитлера в Германии, а если Гитлер уничтожил своих людей 4 миллиона, то Сталин уничтожил 5 миллионов, многие из коих лежат рядами в вечной мерзлоте Магаданской области расстрелянные из пулеметов, по приказу Сталина за то, что отказались босиком идти на работу.

Вообще же, Сталин подбирал себе людишек, умеющих писать лживые доносы и клевету на тех, коих указывал Сталин. Поэтому наше правительство допустило такое преступление, как обезоружить страны, плохая организованность армии.

Армия оказалась плохо обученной, плохо организованной да еще и под палкой Сталина, настолько боявшегося Гитлера, что отправлял ему хлеба больше, чем оставил своим людям. По приказу Гитлера приказал взорвать все укрепления по старой границе, а когда грянула война, он растерялся, как бандит, попавший в окружение, и если бы не Жуков, то, пожалуй, он бы сбежал из Москвы.

Но несмотря на все его преступления, вина за его преступность лежит на партии в целом. Кроме того, надо отметить, что

наша партия привыкла хлопать ладошами и ушами, а голосовать ногами. А потому у нас в ее голове очутился проходимец Брежнев, размноживший воров, взяточников, племянников и других преступников в партии.

Надо заменить, что и сейчас партия наша не на высоте. Судя по материалам газет видно, что процентов 60 руководителей обкомов, крайкомов воняют брежневщиной и сталинщиной, а ведь партия должна была перестроиться, жить по-новому первой, но не тут-то было. И главное, их наказывают за торможение перестройки: повышением должности, усиленной персональной пенсией или же выговором. За то они загоняют в гроб тех, кто борется за перестройку. У нас сейчас по сути нет верховной власти в государстве, она существует на бумаге и по радио, но легче было добиться с жалобой к царю, чем к нашим гос.руководителям. У нас отсутствует контроль за властью на местах, и они, что хотят, то и делают, а ведь это внутренняя политика, которая оказывает определённое влияние на людей.

На веру людей в справедливость, в советские законы. Кстати, они, законы советские, искажаются, нарушаются, обходятся вышестоящими органами, как кому вздумается. Кому верить?

Где гарантия, что не повторится сталинщина или брежневщина? Ее нет.

Во всем этом виновата партия, не имеющая способность вести страну правильным курсом.

К сему Вялков Николай Наумович, 1918 г.р., коммунист с 1950 г. Прошу извинить за стиль, качество писанины, т.к. за жизнь, причем очень трудную, нервы расшатались основательно.

г. Владивосток (адрес).

ГЛАВА 4. Предсмертное рождение советской субъектности. «Уважаемая редакция, прошу простить мне мою смелость»

Сергей Шмидт

Робкая, вкрадчивая просьба о том, чтобы влиятельные и всезнающие люди простили смелость просящего – выражает одну из ведущих интонаций читательских писем недолгого периода «расцвета перестройки, которыми в конце 1980-х щедро поделили с редакции ряда газет и журналов с участниками исследовательской группы молодых иркутских историков.

Микроцитата из обращения читательницы к редакции вынесена в заголовок этого текста не случайно. Она завораживает своей «абсурдностью». О прощении за смелость обычно не просят, ведь «смелость города берет». Просят простить слабость, нерешительность, трусость. Здесь же речь идет о совершенно реальной смелости, но при этом не опирающейся на какую-либо статусную, интеллектуальную или даже эмоциональную уверенность. Причем о смелости, не столько не уверенной в самой себе, сколько не уверенной в праве на саму себя.

Читатели – авторы писем – совершают необычный для себя поступок – скорее всего, они впервые пишут в СМИ. И уж точно (в абсолютном большинстве случаев) впервые пишут в СМИ об истории собственной страны, выказываются для широкой публики на прежде замалчиваемую общественно-политическую тему.

Они пишут об истории и политике не в рамках привычной фальшиво-помпезной схемы, а от своего имени. И очень часто высказываются о судьбе страны от имени своей собственной судьбы. Такова главная особенность «писем перестройки»¹⁰⁵.

Мы знакомимся с уникальным, возможно, единственным в своем роде жанром, который появился в короткий период перестройки и затем исчез навсегда. Позднее люди «заговорили» как граждане, как субъекты различных прав, как жертвы, как обвинители или как свидетели. Но уже не использовали в таких масштабах в качестве аргументов свою судьбу.

¹⁰⁵ Далее это словосочетание будет использоваться без кавычек.

Нападать или защищать? Защищать или защищаться?

Четверть века спустя более всего в этих письмах обращает на себя внимание проявления сначала умеренного, а потом и радикально-критического отношения к системе советских ценностей, фактически становление антисоветского дискурса. Он формировался в конце 1980-х в сознании и высказываниях людей не только из профессионально-политической или диссидентской среды, но и у еще недавно аполитичных «простых советских граждан», у «маленького советского человека».

Авторы писем с недоверием или откровенным неприятием относившиеся к происходящим переменам тогда могли восприниматься как унылые консерваторы или ретрограды. Только с определенной исторической дистанции можно различить совершенно иные смыслы в их тогдашних действиях, почувствовать, как эти люди стремились защитить, отстоять советскую власть и декларируемые ею на протяжении десятилетий ценности, но уже без поддержки этой власти. Они были вынуждены включиться в разгоравшийся диалог, будучи лишенными привычной поддержки всегда десубъективированной власти («власти, не имеющей лица»), что обрекало их на необходимость каким-то образом действовать самостоятельно, формировать собственную субъектность¹⁰⁶.

Кто дал вам право говорить?

В письмах используются разные стратегии создания субъектности, и, прежде всего, интереснейшая стратегия обоснования собственного права на публичное высказывание.

Возможность высказаться для читателя удивительна и увлекательна сама по себе, но совершенно не очевидна в качестве права. Читатель чувствует потребность и даже обязанность предварить высказывание обоснованием собственного права на публичное высказывание. Обоснование, впрочем, может и завершать текст. Это происходит видимо тогда, когда автор бессознательно действует в логике «запоминания только последних слов», и ему важно, чтобы письмо не бросили в корзину, а всерьез обдумали и обсудили возможность его публикации. Те же, кто помещал обоснование права на высказывание в начало текста, скорее заботились, чтобы письмо вообще начали читать,

¹⁰⁶ Субъектность используется здесь как синоним «самостоятельности» – способности самостоятельно мыслить и оценивать окружающую действительность, конструировать и высказывать «авторские» суждения, совершать действия по собственному выбору.

а сделать это можно только доказав, что автор имеет право на публичное высказывание.

Зафиксируем эту особенность – большинство авторов не допускают, что могут высказывать собственную точку зрения, не обеспечивая ее доказательствами того, что имеют право ознакомиться с ней широкие круги других или «серьезных людей из редакции серьезного СМИ».

Консервативная трактовка «привилегий»

Аргументы, которые читатели используют для обоснования права на публичное высказывание, весьма разнообразны. Это могут быть жизненные успехи, карьерные достижения, объем и масштаб «пользы», принесенной читателем родной стране. Нередко перечисляемое выводится за рамки собственной судьбы и возвышается до уровня гипотетической «моей роли в истории». По большому счету речь идет о некоем перечне «заслуг перед отечеством». Так, корреспонденты часто считают наиболее сильным аргументом личное участие в событиях «большой истории». Во многих письмах человек, извинившись и посетовав на то, что уступает своим вероятным оппонентам в образованности и известности, подчеркивает, что располагает тем, о чем можно рассказать широкому кругу читателей СМИ, поскольку сам поучаствовал.

«Короче, по вашей очень интересной статье мне нужно было бы поговорить с кем-нибудь хорошо разбирающимся в истории, да и не только в ней. Не получилось! Я пишу вам, но не умею это все выразить кратко... К тому же, мне и сейчас остается непонятным, Сталин или сама система – источник стольких наших бед... Несколько слов о себе. Судя по моей биографии, нужно лучше разбираться во всей современной информации именно таким, как я. Я видел кое-что, а не только понаслышке имею представление о сталинизме. В 1937 г. в X классе, на последнем экзамене был арестован. 10 дней одиночки, 3 месяца в спецкорпусе политических, 6 месяцев до суда. Судил Верховный трибунал Харьковского военкруга при закрытых дверях. За что? Присутствовал, когда в классе мой товарищ из нашего класса сказал услышанную на пляже фразу из Анри Барбюса «Сталин»: «Гений смеется глазами, умный улыбается, а... (далее не по Барбюсу)... а товарищ Сталин ржет, как дурак. Арестовали 4 учеников, в том числе и меня. Видел кое-что в духе «Ивана Денисовича» Солженицына, но и там оставался сталинистом. И не я один, а очень многие. Помню, высчитывали, когда исполнится 15 лет, как Сталин генсек и должна

быть амнистия. Мы тогда считали, что «Великий» и «Мудрый» не знает, что делается в тюрьме. До сих пор храню истмат Бухарина 1924 года издания. Перечитываю словарь – политический – 1923 г. Эльцина, в котором ясно «кто есть кто». Есть словарь 1927 г. Малая Советская Энциклопедия 1930–31 гг., есть 16-ти томная Советская историческая энциклопедия. Есть II-е изд. БСЭ – 51 том. Есть ПСС Ленина с богатыми комментариями. Есть 13 из 16-ти томов Сталина. Есть «новый» Ник. Ив. Бухарин (избранное 1988 г.). Есть еще многое и многое. Оно читано и не один раз».

Знаниевый корпус впечатляет. И только после всей это массивной «отчетности» окончательная справка о себе: «Более 10 лет был председателем методического совета райкома партии, лектор, методист, много раз был на курсах при Сталинском обкоме партии (даже на месячных 1949, 1951 годы) и т.д. Член КПСС с 1947 г.»¹⁰⁷.

Многие авторы стремятся подчеркнуть, что связаны с большой историей своей образовательной компетентностью: «... я крайне возмущен и удивлен как ленинский коммунист с 1924 года! Я же окончил в 1927 году двухгодичную совпартишколу и был даже преподавателем политграмоты»¹⁰⁸.

В любом обществе существуют социальные группы «особых заслуг», члены которых должны получать от государства особые привилегии, толкуемые, правда, не столько как расширенные возможности политического участия (оказания влияния на управленческие практики власти), сколько как право на особую заботу со стороны власти. В социальной теории эта группа получила название «консервативной». Этим же термином мы обозначим и группу авторов писем, выстраивающих право на высказывание через обладание «заслугами». Право на публичное высказывание обозначается такими авторами именно как заслуженная привилегия, а не право на расширенное политическое участие. Они, впрочем, ощущают, что вступают не в обычную для советского человека борьбу за привилегии, а втягиваются в более серьезную игру, что называется, «с политическими последствиями». Очевидно поэтому многие стараются, утверждая себя и свое право на публичность своей точки зрения, «не перегнуть палку», не выйти за рамки. Иными словами, ни в коем случае не подняться до уровня «политического участия» с последующей ответственностью за него.

Подобная консервативная аргументация права на высказывание в письмах перестройки никого не должна удивлять. Кон-

¹⁰⁷ Письмо Венедиктова В.В. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

¹⁰⁸ Письмо Гринько Н. в редакцию журнала «Родина».

серватизм, в различных его изводах пронизывавший советское коллективное сознание на разных этапах истории государства, усилился в позднем СССР. Этот консерватизм особым образом мобилизовался перед лицом вызовов перестройки, официально объявленной первым лицом государства продолжением революции¹⁰⁹. Те, кто внутренне не принял перемены, ощущали острейший дискомфорт, поскольку обладали десятилетиями формирувавшейся сугубо консервативной привычкой принимать без лишнего вопросов практически все, что исходит от власти.

Интересно, что логика консерватизма – логика воздаяния за особые заслуги – начала проявляться и в «перевернутом виде», в сознании и речении тех, кто как раз поддерживал решительные, почти революционные перемены. И в этом случае право на публичное высказывание обосновывалось либо страданиями, которые довелось вынести от власти (фактически это перевернутая логика особых заслуг), либо прежней обидной недооцененностью властью реальных заслуг.

Привилегированная простота

Интересна аргументация «от противного»: поскольку советское государство было создано для «простых людей» и призвано отстаивать их интересы, некоторые авторы обосновывают свое право на публичное высказывание как раз отсутствием формальных заслуг, собственной простотой и незаметностью. Иными словами, они предполагают, что в «государстве рабочих и крестьян» («государстве трудящихся») простота и незаметность, отсутствие начальственных регалий и заслуг могут служить основанием исключительного статуса, позволяющего помещать собственную точку зрения в публичное пространство.

«... вы хотите запачкать нашего любимого, гениального и незабвенного В.И. Ленина. Я, старая женщина, простая работница, не политик и не коммунист, но я никогда не поверю вашему утверждению в том, что В.И. Ленин хотел быть диктатором и властелином. Я высказываю вам свое неуважение и прошу вас чтобы вы написали опровержение своей статьи»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Доклад М.С. Горбачева на совместном, торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года (один из программных текстов перестройки) был назван «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

¹¹⁰ Письмо Зарубина В. в редакцию журнала «Родина».

Здесь обращает на себя внимание не только то, что к обычному советскому «человеку труда» и «члену партии» автор добавляет то ли достаточно архаичное для себя (что-то из времен революции или даже предреволюционных лет), то ли, наоборот, инновационно-перестроечное – «политик». В финале смысловой целостности высказывания автор не удерживается в избранной стилистике и к «простой работнице» добавляет: «ветеран труда, работающий пенсионер». Классическая консервативная логика «особых заслуг» все-таки берет вверх над «авангардным консерватизмом» советской идеологии, предполагающей, что простота трудящегося человека выше любых званий, чинов и регалий.

Роль личности в истории

Другой вариант – соединение аргументов «простоты и незаметности» и «образованности» с аргументом о собственной общественной значимости и даже роли в воспроизводстве систем взаимодействия власти и общества.

«Уважаемый доктор философских наук А. Ципко! К вам обращается машинист холодильной установки Новосазовской заготконторы Венедиктов В.В. Прочитав в № 11 «Истоки сталинизма», я почувствовал какого-то отличие вашей статьи, ваших мыслей от множества других печатаемых сегодня. Я – агитатор. Много приходится спорить. Все разделились на «сталинистов» и их противников. Читаю на эту тему все, что только попадается. Много выписываю («Правда», «Известия», «Труд», «ЛГ», «Комсомолку», один год получал «Московскую правду», бюллетень «Век XX и мир», «Дружбу народов», «Москву», «Науку и жизнь», «Аргументы и факты», «Неву» и др., систематически покупаю все номера «Недели» и «Московских новостей»). Сейчас выписал «Парламентский вестник» и «Известия КПСС» и т.д. Короче, все, где ожидается что-нибудь по теме о сталинизме. Получаю еще и «Юность». Конечно, читаю только то, что относится к теме. Остальное – не успеваю. Еще, забыл, получено «Политическое образование». В нем рассматривается вопрос о построении социализма и встречается в каждом номере много интересного по «моему» вопросу...»¹¹¹.

Этот «список кораблей» действительно впечатляет. Автор добивается эффекта. Но тут важно уточнение – «по “моему” вопросу». Это вопрос о сталинизме. Для автора – уже его собственный (кавычки здесь указывают на это «присвоение»), но дело даже не в личной заинтересованности, а в том, что автор является агитато-

¹¹¹ Письмо Венедиктова В.В. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

ром, активистом, ему много приходится спорить, от его риторического мастерства зависит, как на «его вопрос» посмотрят другие люди, как он сможет повлиять на их представления.

Наивный интеллектуализм

Встречаются и достаточно экстравагантно-индивидуалистические обоснования права на публичное высказывание.

«Мне, простому человеку, за много лет самостоятельного труда удалось создать, как об этом еще только мечтают, единую теорию мира, теорию преобразования материи и мышления, вместе с тем мне удалось показать полный круговорот, циклы преобразования, проходящий через звездные, атомные и доатомные формы существования материи. Иными словами, повторилось колумбово открытие второй неизвестной еще половины, но уже бесконечной вселенной – это материи и мышления»¹¹².

Автор критикует статью Ципко «Истоки сталинизма» за то, что в ней «не показано историческое происхождение форм мышления и сама геометрия этих форм, что не менее важно». Заверив Ципко в том, что при его согласии он пришлет свою «скромную работу» про все это, а также «ответит на любой вопрос», автор подписывается так: «Дедушка Лысков Григорий Тимофеевич».

Этот, если так можно выразиться, «наивный интеллектуализм» – вообще представляет из себя отдельный феномен советской жизни. Он знаком каждому, кто жил в СССР в сознательном возрасте, он описан во множестве советских литературных и кинематографических произведений. Разумеется, перестройка придала ему дополнительное измерение.

Эмоция – главное оружие честности

Другой ресурс самоподдержки, явно используемый в ситуации, когда автор ощущает свою слабость в плане аргументации права на публичное высказывание – стилиевой. Это попытки усиления пафосности текста, которые корнями уходят в традиции «зажигательных речей» революционных деятелей, литературных красотей, псевдохудожественности и нередко очень удачной имитации искреннего чувства. Вот типичный пример.

«Я не согласен с Солоухиным... но эти три пропидора, эти гнусные рабы, «растленные рабы, целующие за зарплату крест и оковы» мне просто омерзительны, вызывают крайнее чувство гадливости.

¹¹² Письмо Лыскова Г.Т. в редакцию журнала «Наука и жизнь»

Прочтя статью, я почувствовал себя так будто сожрал жабу. Интересно, этих высокооплачиваемых проституток, охотников до журнальной драки, разводящих опиум чернил слюною бешеной собаки, можно до их совести, до элементной порядочности достучаться? Или может быть это можно сделать только прикладом пулемета?... Хотя я, пожалуй, несколько увлекаюсь, страсть без разума толкает человека на слепую дерзость. Эти «ученые» за 70 лет столько яда на наши головы вылили, что дальше уже некуда и им видимо за это неплохо платят, за то что они отравляют сознание толпы?

Отрядом книг оставил полку

Читал, читал а все без толку

Там скука там обман и бред

В том совести, в том смысла нет

«Зарыться бы в свежем бурьяне, забыться бы сном навсегда, топчите проклятые книги, я вас не читал никогда».

Или они ждут эти «ученые», когда их вместе с их «трудами» бросят на костры?

Книги – на костры! Зиг – Хайль! Передайте этим «ученым» если можно эти слова»¹¹³.

Вот еще один пример литературных красотостей, призванных то ли усилить аргументацию автора, то ли заменить собой эту аргументацию: *«И все-таки, без твердой сталинской дисциплины, без привитой им людям ответственности за порученное дело, наша страна все глубже и глубже будет проваливаться в экономическую яму, которую, в конце концов, над нами захлопнет та капиталистическая страна, которая посеет на нашей земле экономическую от себя зависимость... Народная память о Сталине будет излучать свет надежды, как «гордое сердце Данко». И этот свет, в конце концов, нам вновь осветит, забытый нами путь к коммунизму. Я верю в это»¹¹⁴.*

Попутно заметим, что тексты писем отличает явная избыточность восклицательных и вопросительных знаков, порожденная не только накалом эмоций в обществе того времени, но и сознательно используемых авторами для демонстрации бурления собственных чувств.

Установка на то, что «искреннее чувство» само по себе может придать высказыванию «силу истинности», обнаруживается во многих письмах. Здесь проявляется скрытый романтический потенциал советской цивилизации – доверие к чувствам, уверен-

¹¹³ Бурбыгин В. Г. (Армавир, Краснодарский край), письмо в редакцию журнала «Родина», 22 марта 1990 г.

¹¹⁴ Аникеев В.Д. (Орел). Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», 20 февраля 1989 г.

ность в том, что мысли могут лгать, но чувства лгать не могут. Авторы прикладывают максимум усилий для того, чтобы передать эту повышенную эмоциональность, полагая, что она сможет переломить предполагаемое равнодушие сотрудников редакции.

История как союзник

Авторы писем, ввязавшись в «бои за историю» и не ощущая серьезной поддержки со стороны действующей власти, лишённые возможности аргументировать свою позицию ссылками на актуальные документы КПСС, апеллируют к «большой истории». Видно, что для них это самостоятельный выбор, явно не предписанный ни официальным дискурсом, ни тематическим репертуаром тогдашних научных и общественных дискуссий о революции, Сталине, Великой Отечественной войне и дальнейшей истории советской государственности. Вот несколько примеров.

Автор начинает с классической для разговоров о Сталине и сталинизме темы Великой Отечественной войны, однако поднимается до более масштабного исторического охвата: «... если бы не он (Сталин), то многие бы пошли навстречу Гитлеру с поднятыми руками сдаваться еще бы до начала войны. В то время «плюрализм» был недопустим, поэтому и не было беспорядков во всем, пьянства, воровства и т.д. Да, Сталин был жесток. А какими были Ив. Грозный, Петр Первый? Что-то мы их не ругаем, а больше хвалим. Если бы не Сталин, нам бы не выиграть коллективизацию, индустриализацию, а в конечном итоге и Великую Отечественную войну. Сегодня мы настолько сильны, что можем любого поставить на колени: пусть когда-то и летели щепки при рубке леса, без этого в крупном деле (в т. числе и в перестройке, я думаю) не обойтись»¹¹⁵.

Как мы видим, Петр I и его преобразования – обязательный сюжет для сравнения со сталинской коллективизацией и тесно связанной с нею индустриализацией, а также с победой в Великой Отечественной войне.

«При Петре, за 20-30 лет, промышленность России выросла в 7-10 раз, зато прямые и косвенные налоги возросли в 5,5 раза, погублено людей в процентном отношении больше, чем в ВОВ 1941-45 гг. Напоминается аналогия с 30-40 годами в нашей стране: за счет разорения деревни и истребления миллионов людей страна пробежала длинный путь от лапотной до индустриальной державы»¹¹⁶.

¹¹⁵ Письмо Соколова В.С. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

¹¹⁶ Письмо Таранца А.В. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

Вот еще один интересный аргументационный ход: *«Вы все тычете в Сталина ежовщиной и бериевщиной, называя это сталинщиной. Вы забыли, что вещи следует называть своими именами. Но все это не столько вина Сталина, сколько его беда. Чиня «суд» над Сталиным, не мешает вспомнить Екатерину Великую, которая в подобных рассуждала так, что исторических лиц надо судить, примеряя их действия не ко временам будущим, а к условиям времени, в котором они жили»¹¹⁷*. Так и Екатерина Великая становится важным авторитетом в деле утверждения принципа историзма в оценке деяний деятелей прошлого.

За систему против системы

Чтение писем перестройки позволяет ощутить болезненную дилемму, перед лицом которой оказываются большинство авторов с консервативной реакцией на происходящие перемены. Корреспонденты словно решают для себя, следует ли ограничиться гневными выпадами против автора не понравившегося им текста (Щипко, Солоухина и других), выразить негодование редакции СМИ, которое позволило такому тексту появиться на своих страницах, или же стоит начать критиковать уже всю систему власти, одобрявшей и одобряющей творящееся «недопустимое»?

Последнее требует определенного мужества. К мысли о том, что власть может ошибаться в отдельных вопросах, читатель в принципе приучен самой властью, более того, представление об этом стало в перестройку вполне нормативным. Однако усомниться в советской системе в целом, критиковать ее фронтально, фундаментально, начиная с самых ее основ – еще не стало правилом. Но отдельные авторы решаются на это.

Вот фрагмент достаточно типичного письма: *«Здравствуйте, уважаемая редакция! Разрешить вас спросить: Что же это такое? Плюрализм плюрализму рознь и никому по нынешним временам не запрещается. Но! Замахнуться на «Святая Святых» всего мирового пролетариата?! Что это конец света? Или гражданин Солоухин решил начать новую межнациональную войну? Ведь он же тычет пальцем в лицо Нашей Средней Азии, дескать: «Вас колонизовали большевики во главе с В.Л. Лениным, а вы покорно это приняли?» Вы считаете, что Вам позволительно убивать нашу веру в лучшую жизнь, в перестройку? Не надейтесь на это! Порядочные люди на такое не пойдут. На ваши грязные «наветы» и «ярлыки» на В.И. Ленина клю-*

¹¹⁷ Письмо Федоровой Т. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

нут самые низкообразованные людишки, как например: бомжи, спекулянты, экстремисты и тому подобные»¹¹⁸.

Примечателен, конечно, список предполагаемых «врагов» – бомжи в одном ряду со спекулянтами. Но примечательно и то, что автор пафосно именуется свое письмо «Открытым письмом к Солоухину». Чувствуется, что он стремится воспользоваться счастливой возможностью атаковать врагов в лице Солоухина и сотрудников редакции «Родины», допустившей публикацию антиленинского текста. Счастливой эту возможность можно назвать потому, что автор избавлен от необходимости нападать на саму власть. И это притом, что он не может не ощущать (все-таки уже 1990-й год!), что без одобрения власти такая публикация не могла бы случиться, что власть каким-то образом, если и не иницирует, то одобряет происходящее «недопустимое». Однако на выпад против власти у автора не хватает храбрости, не случайно он упоминает и «перестройку» в числе святых, оскорбляемых Солоухиным. Это своего рода сигнал власти, что он (читатель) на ее стороне, ведь именно перестройку он заставляет себя воспринимать в качестве истинного намерения властей, даже при неоднозначности в 1990 году связи власти и перестройки.

Прочитав выдержки из письма, в котором автор включает сказочно-рациональную аргументацию в защиту Сталина, а потом отваживается и на решительный выпад.

«Ведь чтобы судить Сталина, на это могут только решиться подонки, которые не любят свой народ и страну. Это отщепенцы, враги народа недобитые. Дочь Жукова хочет писать мемуары, а я спрошу, что плохого она в жизни видела, жила в масле. Я про нее хочу сказать, только проститутки советской власти против советского народа...».

Далее следует уникальный аргумент в защиту Сталина: «У Сталина все было в руках, забрать казну и уйти восвояси, но он этого не сделал ради народа». Ну и наконец, разворачивается серия совершенно невинных по нынешним временам, но невероятно отважных для советского человека выпадов: «А сейчас коммунистическая партия развела такую помойку, что молодежь не верит ни в старое, ни в новое, отняли веру в будущее и нет настоящего... Что такое война – это понять молодежь не может, это надо пережить – голод, вши, разруха, кругом пепел, и все восстановить – это чудо, что сделал народ под руководством партии большевиков. А что сделали вы, коммунисты, развалили то, что, Сталин собирал крохами, разворовывали ворами. И все борются за мир. Сталин – за мир, Хрущев – за мир, Брежнев – за

¹¹⁸ Обросова Клавдия Николаевна, ветеран труда, работающий пенсионер, 1921 г.р. (г. Свердловск), письмо в редакцию журнала «Родина», 1990 г.

мир, а Горбачев тоже за мир, одно и то же, но Горбачев делает много гастролой с Раей за рубеж, на народные деньги, что же вы не опубликуете, что кушает Горбачев и сколько стоят гастролы за рубеж, а денюжки народные. И почему из вас никто не получил похоронку из Афганистана, вы обманываете народ и сидите на его шее. А Сталин сына отдал фашистам, кто бы вы это сделали, да никто, я верю в этом, гибли дети колхозников и крестьян, а генеральские сыны катаются на мерседесах и вольвах да волгах. Зачем вы молодежи не говорите правду, как живут ваши дети и наши. А Сталин, он продолжатель ленинских идей, воплощая их в действие. Так что много вы болтаете, а толку нет и не будет, одни болтуны. Съезды, пленумы, конгрессы и сплетни. А дел-то нету, развели Америку, СПИД, наркоманию, воровство, проституции., убийства, черт знает что, а при Сталине болтовни не было...»¹¹⁹.

Заметим, что письмо написано 23 февраля, то есть в День Советской Армии, что наверняка способствовало авторской экспрессии.

Обратим внимание на знаковое для автора противопоставление большевиков и коммунистов. Для него это принципиальные маркеры, обозначающие вехи общей траектории деградации и упадка изначально правильной «системы».

Кроме того, в письме появляется тема межпоколенческой разницы, упадка коммунистической идеи, предательства революционно-коммунистических ценностей, святейших ценностей Великой Отечественной войны в транспоколенческой перспективе, что выразилось и как в «плохой молодежи», так и в неправильных «коммунистах», сменивших правильных «большевиков». Как обычно происходит в абсолютном большинстве такого рода суждений (в условном «дискурсе испорченной молодежи»), автор совершенно не ставит вопросы о причинах этой порчи, о том, кто и почему несет за это ответственность. Из его миропонимания выпадает вроде бы логичное представление о том, что молодежь воспитана старшими поколениями, росла в окружении старших поколений и без определенной «гнильцы старших» невозможна возмущающая его «разрушенность молодых».

Свои и чужие

Очень интересна риторическая игра, которую затевают корреспонденты на тему коллективных идентичностей – конструируя и переконструируя «большие группы своих и чужих». Одиночество противостояния вызовам и опасностям, возникшим в

¹¹⁹ Письмо Сидорова И. И. в редакцию журнала «Наука и жизнь».

связи с «сотрясением основ», для авторов практически невыносимо. Авторы совершают множество риторических усилий для того, чтобы образовать и предъявить сомневающимся некий «коллективный фронт» сопротивления.

«И только одному трудовому народу, как и до революции окажется тяжело. Вот почему народ не перестает возвращаться к сравнениями ко времени Сталина. Смерть Сталина честный трудовой народ воспринял крайне трагически, очевидно чувствуя, что кто-то другой «сыграет» с ним «злую шутку». Вот почему мы, честные трудовые люди, все еще помним Сталина и продолжаем скорбеть о нем»¹²⁰.

При этом читатели не отказывают своим соперникам в том, что и те являются грозной коллективной силой. Читатели уже не воображают их отщепенцами, маргиналами, случайными отступниками. Враги – это плотная и чуть ли не организованная социальная сила. Противостояние им переходит с уровня формальных действий власти, призванной заботиться о безопасности советской государственности и чистоте коммунистической идеи, на уровень самоорганизующегося противостояния.

Простое государство – сложное общество

В письмах перестройки мы наблюдаем своеобразный процесс «упрощения советского общества», быстрого изживания его прежней сложности и полифрагментарности. Согласно расхожим представлениям, СССР был как бы моноструктурен, моностилистичен, везде и все в нем было одинаково, как вкус котлет во всех советских столовых и как улица Ленина во всех советских городах. Однако мы не сможем понять позднюю «Советскую Атлантиду» до тех пор, пока будем считать, что внутри скорлупы «тоталитарного государства» в СССР существовало «тоталитарное общество».

Одно из главных качеств советского мира заключалось как раз в том, что это было общество социально-контекстуальной множественности. Ошибочность некоторых социологических, социокультурных и антропологических интерпретаций заключается в стремлении найти некие «моноструктуры», с помощью которых можно было бы объяснить ВСЁ в советском мире и ВСЁ в советском человеке. Так конструируют, например, «гомо советикуса». А, между тем, совершенно бесполезно искать цельного «человека советского общества». Сказать «гомо советикус», не уточнив, в каком именно контексте он «сейчас» находится – в семье, на партийном ли собрании, в санатории, в НИИ на работе, в колхозе

¹²⁰ Федорова Тамара, работник соцкультбыта (Москва). Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», 28 марта 1989 г.

как колхозник или в колхозе как работник НИИ, в туристическом походе, перед экраном телевизора за просмотром фильма «Тот самый Мюнхгаузен» – значит не сказать о нем ничего.

Советский мир состоит из разных контекстов существования, а не разных социальных групп. Конечно, во всех сложных обществах (модерна) людям приходится вести себя по-разному в зависимости от социального контекста – например, на работе и дома, однако позднесоветское общество было уникально в том смысле, что эта «разница в поведении» не связывалась ни какой-либо общей логикой, ни хотя бы частичной представленностью в общем публичном пространстве.

В «открытом обществе» даже самые казались бы изолированные «локусы существования», вроде интимной жизни, молодежных банд, коррупции, межэтнических отношений и т.п., как-то представлены в публичной сфере. Присутствуют в кино, книгах, в «общественных дискуссиях», в политике, в прессе и т.п. Пестрое многообразие хоть как-то связано, хоть как-то представлено в публичном пространстве. В позднем СССР существование советских граждан происходит вне такого пространства. И от того социальность там как бы разъята (не имеет общей основы, что бы там не говорили теоретики тоталитаризма), а сам советский человек отчасти пизоиден. Он не «собирается» ни собственной личностью, ни какой-то совокупностью общественных отношений, ибо реальные общественные отношения (в которые он вступает, независимо от или по своей воле) за неимением публичного пространства, в котором они могли бы образовать условную целостность, принципиальной связности лишены.

Политическая система СССР действительно была крайне централизована и «едина», а вот сам советский социум был лишен каких-либо соединительных «конструкций» и связующих отдельные его части «магистралей». Этим он принципиально отличался от так называемого «открытого общества», в котором есть не только диверсифицированная, внутренне конкурентная политическая система, но и достаточно «связное» (несмотря на любой уровень сложности) общество.

На путях к субъектности

Стремительное превращение позднесоветского общества в общество более простое и связное – отличительная черта перестройки. И воплощается это в играх в конструирование больших групп «своих» и «чужих», что и попадает на страницы писем в

перестроечные СМИ. Противостояние этих групп оказывается некой «матрицей-драмой», определяющей истолкование действительности человеком и собственного места в ней.

В этом противостоянии «маленький советский человек» получает возможность не только обрести свои собственные экзистенциальные смыслы, но и вложить эти смыслы через свое участие в происходящем в само происходящее. Субъектность теперь творится не через закрытую от внешних глаз «игру с самим собой», а через участие в процессе, через подключение к действительности, что происходит через такой пассивный, с точки зрения современного человека, вид деятельности, как написание письма в СМИ.

Приведенные примеры несогласия с опубликованными мнениями авторитетных авторов публикаций это не примеры классических доносов властям с просьбой «разобраться». Это не «сигналы с мест», предполагающие, что от простого гражданина требуется только ликвидировать «недогляд» со стороны власти, а все окончательные решения (по осуждению, наказанию, помилованию, расстановке точек над *i*, объявлению истины) должны принимать иные – властные инстанции. Это именно практики вступления в дискуссию – правда, при почти полном неумении ее вести, незнании ее «цивилизованных» правил. И это участие в дискуссии в качестве самостоятельного субъекта, готового защищать «систему» от своего собственного имени (или, как было сказано вначале, от имени собственной судьбы), без апелляции к вспомогательной мощи самой этой системы.

В панораму развернувшегося в перестройку многообразия практик индивидуализации, обретения субъектности мы должны включать не только (а быть может и не столько!) тех, кто поддерживал перестроечные начинания, кто был готов не только к решительной радикализации курса перемен, но и даже требовал этой радикализации. Сюда же мы должны включать и тех, кто противился всему этому, кто нередко наивно, еще чаще с плохо контролируемой злобой решался выступить в защиту распадающейся «системы». Тех, кому хватило решительности делать это с собственных, индивидуальных позиций, но не хватило мужества и отчаяния признать, что «система» своих добровольных защитников фактически предала.

Привет "Тюккерка"! Расскажи мне о Сталине. Все его ругают. Почему всё свалили на Сталина? Он не мог сделать столько ужасного (зверского, унизительного) сам? Кто это выполнял? Кто ему помогал? Расскажи о Берес. Кто этот человек и что он сделал? Когда началась репрессии, почему были репрессированы жёны и дети этих людей? Почему их утопили на корабле? Кто это сделал? Зачем? Где держали репрессированных? В каких условиях? В тюрьмах над ними издевались ухолобниками и убийцами. Потом ухолобников отпустили, почему? Почему народ не встал?

Аришмева Айна.

ГЛАВА 5. Психологические защитные механизмы в читательских отзывах на публикации об истории

Елена Иванова

«Никто не стоит вне истории, и больше всех поработен ею тот, кому кажется, что наш век – не один из веков, а высокий помост, откуда можно, наконец, объективно рассмотреть все и вся»

Клайв Стейплз Льюис

На протяжении всей жизни, осознает это сам человек или нет – он стремится к определенности. Ситуация неопределённости вызывает у него состояние тревожности. Создать определенность помогает стереотип. Любое неожиданное действие «разрывает» стереотип, разрушает прогнозируемую определенность, и человек на какое-то время остается без привычной психологической защиты.

Перестройка стала периодом масштабного, всепоглощающего разрыва стереотипов идентификаций, жизненных стратегий, ролей, долженствований, установок, принесла с собой чувство тревоги и естественное желание избежать его. Среди читательских писем 1988-1989 гг., хранящихся в архиве ЦН-СиО, мало таких, которые можно было бы назвать эмоционально нейтральными. Потребность написать в редакцию их была вызвана не только разумом, но и бессознательным желанием снизить уровень страхов, тревог, душевного дискомфорта. Этим можно объяснить присутствие в письмах психологических защитных механизмов, таких как: отрицание, рационализация, изоляция (отсутствие) аффекта, идеализация, девальвация (обесценивание), смещение агрессии и других.

Мотив для защиты – всегда избегание боли, сама **психологическая защита** – неосознаваемый психический процесс, направленный на уменьшение действия психического напряжения, дискомфорта, травмы, тревоги¹²¹. Непосредственная причина

¹²¹ Термин «защита» впервые появился в 1894 г. в работах З. Фрейда и был определен как специальный психологический механизм защиты, ограждающий сознание человека от неприятных, травмирующих переживаний. То, что мы называем защитами, не что иное, как глобальные, закономерные, здоровые, адаптивные способы переживания мира (Мак-Вильямс Н. Психоналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе <http://bpaonline.ru/>)

защиты – бессознательное желание избежать или выдержать какой-то болезненный аффект, дезорганизирующие эмоциональные переживания, в том числе чувство вины или стыда, потерю самоуважения¹²². Включая защитный механизм, человек испытывает субъективное ощущение облегчения – снятия некоторого напряжения. Люди выбирают разные защиты, для одних это может быть отрицание, идеализация, для других – девальвация, рационализация, смещение агрессии.

Ситуация в стране 1988-1989 годов – это ситуация исчезновения привычной стабильности, неопределенности в настоящем, неизвестности в будущем. И то, что тогда называли «непредсказуемым прошлым» – появление в прессе невозможных ранее публикаций, покушавшихся на привычные оценки и мнения. В месяцы, когда писались письма, собранные сейчас в архиве ЦН-СИО, была пройдена «точка невозврата» в исторических разоблачениях и «стирании белых пятен». В письмах прочитывается, что авторам не под силу осознать и принять нарастающие как снежный ком и уже ставшие неизбежными перемены, отказаться от прошлого, увидеть будущие последствия этих перемен. В данной ситуации включаются различные психологические защиты, в качестве которой может выступать даже отрицание самого факта изменений как временный иллюзорный способ избежать чувства страха и боли от осознания происходящего.

Психологическая защита «отрицание» – это попытка игнорировать реальное событие, которое беспокоит личность. Способность неправильно (искаженно, не верно) вспоминать событие – также форма отрицания¹²³.

«...Практика (критерий истины) сегодняшних дней с огромнейшей силой подтвердила гениальный тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму, что мы со всей

¹²² Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа. Воронеж, НПО «МОДЭК», 1994.

¹²³ Способ справляться с неприятностями — отказ принять их существование. Все мы автоматически отвечаем таким отрицанием на любую катастрофу «Нет!». Эта реакция — тот звук архаического процесса, уходящего корнями в детский эгоцентризм, когда познанием управляет дологическая убежденность! «Если я не признаю этого, значит, это не случилось.... Человек, для которого отрицание является фундаментальной защитой, всегда настаивает на том, что «все прекрасно и все к лучшему (Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе <http://braonline.ru/>)

очевидностью сейчас и наблюдаем. Это и смыкание верхушки нашего руководства с наиболее реакционной верхушкой Запада, это попытка размывания основы социализма – общественной собственности на средства производства, это – попытка внедрения капиталистической акционерной формы собственности, это – попытка разрушения коллективизма, основной силы трудящегося крестьянства, путем пресловутой «аренды» – видоизмененной формы капиталистического закабаления крестьянства, это – искусственное культивирование мафии, как исполнительницы грязных дел, это развращение молодежи западной масс культурой и, наконец, острая идеологическая классовая борьба в средствах массовой информации, которая несмотря на внешнее неравенство сил – в конце концов приведет к победе социалистической точки зрения как наиболее близкой подавляющему большинству трудящихся (рабочих, крестьян, интеллигенции)»¹²⁴.

Комментируя актуальную обстановку в стране, автор письма подбирает подходящую цитату из работ Сталина, которая четко, по пунктам «описывает» происходящее и при этом обосновывает вывод (о «продвижении к коммунизму»), с этим происходящим несовместимый. Находя опору в словах «гениального Сталина», автор как бы уговаривает себя – все к лучшему, тьма сгущается перед рассветом и в итоге чудесным образом «...обострение классовой борьбы приведет к коммунизму...к победе социалистической точки зрения...»¹²⁵.

В своих ожиданиях «торжества коммунизма несмотря ни на что» автор процитированного письма не одинок. В следующем письме нет такого четкого описания происходящего в стране, но звучит уверенность, что происходит что-то значимое, и ради этих целей, как и раньше, необходимо потерпеть:

«...В то время было так много патриотизма, веры в светлое будущее, идеалы коммунизма. Материально жили очень бедно, но вера в это будущее скрашивала трудности жизни и давала новые силы для укрепления своей страны. В настоящий момент мы переживаем очень сложный период, период перестройки, демократизации и гласности – народовластия. Задачи очень большие, и потребуются от всего народа максимум усилий, напряженного труда, и непременно восторжествуют идеалы коммунизма, к которому мы стремились всю жизнь...»¹²⁶.

¹²⁴ Бурдейный Н.М. (Ворошиловградская обл. с. Кобеляки), Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь», 21.03.89 г.

¹²⁵ Здесь, помимо «отрицания», мы наблюдаем проявление способа защиты «идеализация» (идеализируется Сталин).

¹²⁶ Школьное сочинение Кавецкого Д. (дословные воспоминания бабушки от первого лица включены в сочинение).

Перестройка видится как новый «сложный период», очередной виток борьбы за идеалы коммунизма. Не звучавшие ранее слова «гласность», «перестройка», «демократизация» – о чем они? Не имея для автора определенного смысла, эти новые три слова объединяются в одно, и как бы «пристраиваются», приравняются к старому – понятному, с закрепленным в памяти положительным смыслом – «народовластие». И перестройка, и гласность, и демократизация – все это для того, чтобы восторжествовал неизбежный коммунизм, к которому «стремились всю жизнь».

Отрицание как психологическая защита характерна для большинства авторов писем, реагирующих на публикации, касающиеся вины и ответственности Сталина.

Как правило, в таких письмах вина Сталина за преступления (связанные с его именем) отрицается и переключается на тех, кто «видел, знал» или был близок к вождю.

«...А то, что Берия и горкомы, райсполкомы чудили, Сталин не виноват»¹²⁷.

«Сталин вскормил и вспоил на основе марксизма, а все его с 1937 г. отношу на счет его окружения»¹²⁸.

«Раз видели, что Сталин пошел не по тому пути в с/х, надо было сразу перестраиваться (не распускать деревни, а укреплять, создавать условия для их процветания)»¹²⁹.

Защита привычного мира, скрепленного верой в непогрешимость кумира, заставляет отрицать, что было возможно противодействовать воле Сталина.

Рационализация

Человек зависим от мнения окружающих, боится осуждения, отвержения, испытывает страх потерять любовь, самоуважение и т.д. Проживая свою историю, каждый из нас неизбежно вписан в общую историю своей страны, диктующую нравственные нормы и установки, передаваемые нам родителями и другими значимыми взрослыми, впитанные в детские годы, в период социализации. «Надо» и «должен» пожизненно сопровождают человека, и несоответствие этим долженствованиям и предполагаемым ожиданиям окружающих вызывает желание оправдаться, подать наши действия как социально приемлемые, одобряемые обществом. Исторически меняется предмет стыда. В одно время

¹²⁷ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь».

¹²⁸ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь».

¹²⁹ Письмо Полякова С.Н. в редакцию журнала «Наука и жизнь», 14.01.89 г.

«стыдно» быть богатым, в другое – бедным; в одно – дворянином, в другое – рабочим, репрессированным или обласканным властью. И этот стыд и чувство вины не оставляют даже тогда, когда официально отменен предмет вины. Интроекты «надо» и «должен», плотно сидящие в нас, не дают это сделать, и тогда включается защита рационализация, продолжая гасить не уходящую десятилетиями боль. **Рационализация** – психологическая защита через нахождение приемлемых причин или оснований для мыслей или действий, которые могут вызвать социальное неодобрение. Рационализация представляет мотивы наших действий так, чтобы сделать эти действия морально (социально) приемлемыми, помогая избежать чувства вины и стыда.

«Очень Вас прошу помогите мне, включите (Ф.И.О.). моего отца в списки погибших, ведь все односельчане спрашивают, а что нет в списках твоего отца, он что не реабилитирован, знаете как неудобно за это от людей, а докажи»¹³⁰.

Слова «неудобно за это от людей, а докажи» могут быть эпиграфом ко многим письмам репрессированных и их родственников в том фонде из архива ЦНСиО, где собраны письма в Комитет памяти, созданный при редакции газеты «Забайкальский комсомолец», позднее ставший отделением организации «Мемориал».

Во многих письмах бывших репрессированных, написанных в конце 1980-х годов нет прямого оправдания и эмоциональных фраз о невиновности, но практически всегда есть подробное повествование о своей трудовой жизни после реабилитации. Тема трудовых заслуг рефреном проходит и через письма родственников репрессированных. Как индикатор честности и невиновности человека выступают его трудолюбие и дисциплинированность («При Сталине была строгая дисциплина, точный учет и контроль»¹³¹). Логика повествования – представление доказательств (своеобразных оправданий), направленных не только в настоящее, но и в прошлое в форме отчета о добросовестности и трудовых заслугах:

«Я 20 лет пробыл на Калыме. Сколько земли перевернул, сколько золота добыл в 1955 реабилитирован, работал чабаном лет 20, много наград получил»¹³².

«После освобождения в 1944 работал... до ухода на пенсию в 1961 году. Но и после ухода на пенсию периодически трудился в цехах комби-

¹³⁰ Письмо в Комитет памяти г. Чита.

¹³¹ Письмо Полякова С.Н. в редакцию журнала «Наука и жизнь», 14.01.89 г.

¹³² Письмо в Комитет памяти г. Чита

ната до 1975 года. Весь период работы был активным рационализатором, благодаря чему комбинат имел значительную сумму экономии, за что много раз поощрялся. Награжден медалями «За доблестный труд в период Великой отечественной войны», «За доблестный труд в ознаменовании 100 летия со дня рождения В.И.Ленина и другими»¹³³.

«Всю жизнь прожил физическим трудом, трудился четко и справедливо и, имею некоторые гражданские поощрения 1) значек ударника социалистического соревнования коммунального хозяйства, 2) значек ударника ком. Труда, 3) медаль правительственная к 100-летию В.И.Ленина. Грамоты и денежные поощрения и т.д.....семью не нажил, да и никему было наживать потому, что с молодости здоровье подорвано, нервы все потрепаны в застенках много пережито и холода и голода и непосильного труда»¹³⁴.

«...Имею троих детей, внучат, доработал до пенсии, имею награды «Ветеран труда» и др. поощрения, премии»¹³⁵.

Очевидные признаки рационализации позволяют предположить, что чувство вины за несоответствие некоему эталону «правильности», несмотря на реабилитацию, пронесено через годы. Рационализация как защита продолжает использоваться, и это позволяет считать, что страх отвержения у авторов по-прежнему существует. Следы этого страха можно обнаружить и в письмах детей репрессированных:

«...Мы все 7 человек их детей отработали честно и не бегали, не искали больших денег все работали в одном месте в колхозах и совхозах по 40 лет отработали, все имеем правительственные награды ордена и медали, а так же все избирались в депутаты сельских советов и районных.....Если бы наши родители были врагами, то мы бы все не были такими,.... все мы отработали честно, пословица яблоко от яблони далеко не падает, и думаю что мы похожи на своих родителей»¹³⁶.

Оправдание родителей и здесь развернуто через тему добросовестного труда. Рационализация опирается на пословицу, которая как народная мудрость служит проводником истины и по определению лгать не может.

Многие письма репрессированных написаны как своеобразная компенсация и мотивированы только желанием рассказать, что «мы» не отверженные. Как пишет один из читателей: «Мы те-

¹³³ Письмо в Комитет памяти г. Чита, 26.01.90 г.

¹³⁴ Письмо в Комитет памяти г. Чита

¹³⁵ Письмо в Комитет памяти г. Чита

¹³⁶ Письмо в Комитет памяти г. Чита, 01.01.89 г.

*перь равны со всем народом»*¹³⁷. Рассказать о своей или родительской судьбе знакомым, соседям, друзьям может и важно, но оказывается недостаточным, не конгруэнтным вытесненному страху (и боли), и количеству внутреннего пожизненного напряжения.

Другая распространенная ситуация включения рационализации связана с тем, что стремительные изменения в официальной идеологии и в общественной атмосфере поставили как бы в позицию ответственных тех, кто поддерживал власть в эпоху «сталинизма». Один из полемических приемов в письмах читателей, протестующих против «клеветы на Сталина» – обоснование допустимости норм поведения (Сталина) в прошлом страны через социально-приемлемые нормы настоящего:

*«...Писали, что Сталин был властолюбив – 2 должности занимал. Тогда почему же Горбачев занял 2 должности?»*¹³⁸.

По сути выстроен силлогизм:

Сталин занимал две должности – он властолюбив.

Следовательно, тот, кто занимает две должности – властолюбив.

Горбачев занимает две должности – значит, он властолюбив.

И критикам Сталина предложен выбор: не согласившись с выводом, признать, что неверна посылка, либо обратить свою критику и на нынешнее руководство. Примерно таким же образом высказываются претензии к «нововведениям» и к их инициаторам, и в этой критике проступает рационализация, атака переплетена с защитой:

*«...Да и с кооперативами нелады. Но мы оправдываемся, мол, это новое начинание, поэтому ошибки не исключены. Но ведь коллективизация – это было тоже новое, но Сталину мы ошибок простить не можем. Вот такой парадокс!»*¹³⁹.

Выступая против двойных стандартов в оценке политических деятелей прошлого и настоящего, обвиняя в отсутствии логики в аргументации тех, кто осуждает Сталина, автор тем самым оправдывает Сталина и себя – его защитника.

Изоляция аффекта

При знакомстве с некоторыми письмами репрессированных бросается в глаза отсутствие эмоций при описании травмирующих событий. Это проявление защитного механизма – **изоляции (отсутствию) аффекта**, при котором происходит отделение

¹³⁷ Письмо в Комитет памяти г. Чита

¹³⁸ Письмо Полякова С.Н. в редакцию журнала «Наука и жизнь», 14.01.89 г.

¹³⁹ Письмо Полякова С.Н. в редакцию журнала «Наука и жизнь», 14.01.89 г.

вызывающей тревожность части ситуации от остальной душевной сферы. Такая психологическая защита выступает своеобразным «эмоциональным ступором»¹⁴⁰. Чувства дистанцируются от разума – человек подобным образом «спасается» от боли, которую невозможно выдержать.

«...Отец очень тяжело перенес времена культа личности Сталина, особенно 37 год. Я помню, поскольку было много арестов, он постоянно ждал, что вот-вот придут и за ним. Если стучался кто-то к нам в дверь, он говорил, что это за ним и прощался с детьми. Так продолжалось довольно долго, но к счастью, он не был арестован. Вскоре он умер от болезни. Мать моя была домохозяйкой и занималась нашим воспитанием...»¹⁴¹.

При описании болезненных, травмирующих событий нет упоминания о пережитых чувствах самого автора, рассказ нейтральный, большая часть письма – перечисление фактов. Эмоции не обозначены и это не выражение бесчувственности, а скорее, наоборот – свидетельство того, что боль слишком велика.

Примитивная идеализация и примитивная девальвация (обесценивание)

Защитный механизм **идеализации** проявляется в преувеличении силы и престижа другого человека, **девальвации** (обесценивание) – напротив, в умалении престижа выбранного «персонажа», в сведении его значения к минимуму вплоть до презрительного отношения.

Большинство людей имеют склонность к идеализации. Эта склонность – отголоски детства, остатки потребности приписывать особые достоинства и власть тем взрослым, от которых мы эмоционально зависим. Люди хотят надеяться, что кто-то благодетельный и всемогущий обеспечит защиту (даст уверенность и покой). Поэтому у многих из нас так сильна вера в то, что лица, стоящие у власти – «правлящие миром», отличаются от простых обывателей, они мудры, могущественны и менее подвержены ошибкам и слабостям. У некоторых людей потребность в идеализации гипертрофирована. И в ситуации внутренней паники уверенность в том, что кто-то, к кому они психологически привязаны, всемогущ,

¹⁴⁰ Терапевты, которые работали с людьми, пережившими Холокост, были поражены теми отстраненными «деревянными» описаниями зверств, неподдающихся обычному воображению... (Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе <http://bpaonline.ru/>).

¹⁴¹ Школьное сочинение Кавецкого Д., куда включены воспоминания бабушки. 1989 г.

всеведущ, бесконечно благосклонен, а психологическое слияние с этим «сверхчеловеком» обеспечивает им ощущение безопасности.

В письмах читателей, реагирующих на публикации об истории, объектами как идеализации, так и девальвации чаще становятся исторические деятели. По частоте упоминаний безусловным лидером является Сталин.

«...Если Сталин не велик как тогда назвать его. Ведь его именем шли в бой. И его именем бросались под танки...»¹⁴².

«...Нет худшего позора, чем неприязнь к великим, как и постыдная антипатия к ним. Даже на солнце есть темные пятна, даже солнце всем угодить не может. Пусть хоть один из руководителей достигнет такой любви к себе (даже слепой, как утверждает писатель Зверев)»¹⁴³.

«...Жили, трудились одной большой семьей на благо Родины. Имя Сталина нужно увековечить в граните, бронзе, даже в золоте»¹⁴⁴.

«... Был бы жив сейчас И.В.Сталин, то давно мы жили бы при коммунизме....А ведь при Сталине мясо дошло до 1р.60 к. за кг., и сейчас оно было бы бесплатно...»¹⁴⁵.

Объектами для идеализации могут быть и авторы статей, например, автор очерков «Истоки сталинизма» Александр Ципко: *«... Я глубоко, искренне считаю, что надо немедленно издать все 4 статьи философа А. Ципко. 20 миллионным тиражом или даже больше. Его брошюра после прочтения каждым грамотным человеком окажет гигантскую помощь в деле перестройки. Мы очутились на краю гибели как нация, мы оказались среди бездны глупости, дикости, заблуждений и выйти из этого состояния нам поможет А.Ципко. Надо организовать его выступления по телевидению, радио, надо печатать его мысли во всех центральных газетах. Хочется, чтобы вы поместили портрет этого человека. Рассказали о нем»¹⁴⁶.*

Один читатель видит Ципко едва ли не спасителем нации, другой – главой партии и выдающимся ученым: *«...Если бы вы, т. Ципко, руководили партией, я бы в нее вступил...А очерк ценен именно тем, что указывает путь развития на основе науки. Я не встречал другого такого труда, развивающего марксизм-ленинизм...Чтобы понять Эйнштейна, надо быть физиком. Чтобы постичь всю глубину марксизма и продолжать его развивать – надо быть ученым...»¹⁴⁷.*

¹⁴² Письмо пенсионерки Валентины Андреевны.

¹⁴³ Письмо пенсионерки Н.З.

¹⁴⁴ Письмо водителя К.И в редакцию газеты «Социалистическая индустрия», 20.02.89г

¹⁴⁵ Письмо Кириленко В.Д. в редакцию журнала «Наука и жизнь» 18.04.89 г.

¹⁴⁶ Письмо Черногорского И.П. в редакцию журнала «Наука и жизнь» 02.03.89 г.

¹⁴⁷ Письмо в Комитет памяти г. Чита.

Тревога от неуверенности в настоящем, потребность в опоре – поиск надежды, защиты, спасения сопровождается идеализацией «заметной» фигуры.

Примитивное обесценивание – оборотная сторона потребности в идеализации. Путем обесценивания можно снизить уровень страха перед человеком, чья фигура и чьи возможности кажутся пугающими. (В таком варианте девальвация может быть похожа на защиту отрицание.) Посредством девальвации значимости происходящего события, непосредственным участником (ответчиком) которого является человек, можно ослабить чувство вины за происходящее. Назначение «козла отпущения» так же вариант обесценивания (в случае, когда на него не переносятся агрессивные импульсы)¹⁴⁸.

И вновь автор очерков Ципко в центре «особого» внимания читателей. Ципко обесценивается как лично, так и в виде собирательного образа научного работника:

«...Почему получился застой, когда вас, научных работников, выросло после смерти Сталина в 3-4 раза. А застой. Ведь простая истина все ударились в науку, а в сфере маш.пр-ва не осталось рук. И сделанного этой наукой почти нет. Вот и носите теорию пустую. Да получаете незаработанные деньги. Не так ли? Да большие деньги. Вся работа – рыться в бумагах»¹⁴⁹. Ответственность за период застоя автор письма-отзыва возлагает на деятелей науки (напрямую не называя фамилию автора очерков Ципко), а саму научную деятельность, как таковую обесценивает до презрительного «рыться в бумагах».

Другой автор обесценивает самого Ципко и в его лице таких же «докторов» в кавычках, видя в них уже главное зло не прошлого застойного периода, а настоящего времени – перестройкеи «А Ципко ищет оправдание Брежневу и брежневцам, выгораживает их, дает возможность уйти от ответа. Таких «докторов»-приспособленцев ненавидит народ! И главное зло в перестройке – это подхалимство, лицемерие подобных Ципко»¹⁵⁰.

Политические деятели так же подвергаются обесцениванию (как и идеализации).

«Ведь всем известно, что и Хрущев и Брежнев и Черненко были людьми необразованными, ограниченными...»¹⁵¹.

¹⁴⁸ Психологическая защита девальвация (обесценивание) может быть спутником такого разрушительного чувства, как зависть, девальвация партнера, дает возможность сохранить высокую самооценку.

¹⁴⁹ Письмо Базова Н.Ф. в редакцию журнала «Наука и жизнь», 22.02.89 г.

¹⁵⁰ Письмо Светловой Е.П. в редакцию журнала «Наука и жизнь» 03.04.89г.

¹⁵¹ Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»

«...Кроме того, надо отметить, что наша партия привыкла хлопать ладошками и ушами, а голосовать ногами. А потому у нас в ее голове очутился проходимец Брежнев, размноживший воров, взяточников, племянников и других преступников в партии... надо заменить, что и сейчас партия наша не на высоте...»¹⁵².

Проявление высокого уровня агрессии по отношению к «назначенному козлу отпущения», может быть признаком присутствия в тексте уже не девальвации, а такого защитного механизма, как смещение агрессии.

Смещение агрессии

Публикации статей и очерков в газетах и журналах в 1988-1989 годах, затронувшие «болевые точки» истории, активизировали деструктивные чувства читателей. Но если в письмах репрессированных и их родственников в Комитет памяти еще звучит боль и обида, но уже нет ярко-выраженного проявления страха и агрессии (они пережиты ранее), то в письмах-отзывах читателей на серию очерков Ципко эти чувства присутствуют в подавляющем большинстве писем – агрессивные импульсы обострены, ищут выхода и разряжаются посредством защитного механизма «смещение». Чем же был обусловлен такой феномен?

Остановимся подробнее на этой публикации. Итак: в журнале «Наука и жизнь» №11;12 за 1988 г. и №1;2 за 1989 г. была опубликована серия очерков доктора философских наук А. Ципко под общим названием «Истоки сталинизма». Незамедлительной реакцией стали письма читателей в редакцию журнала. В архиве ЦНСиО находятся 70 таких писем. Их география писем обширна – от г. Петропавловска-Камчатского до Риги, Таллина и Одессы. В подавляющем большинстве из средней полосы России. Корреспонденты проживают в городах и сельской местности, 63 написаны мужчинами, большинство авторов – не моложе 50 лет.

Цель публикации Александр Ципко определил следующим образом: «Посмотреть на наше собственное социальное мышление со стороны, увидеть день сегодняшний в зеркале нашей истории. Отделить истины марксистской методологии, иерархию ценностей от устаревших представлений, не подтвердившихся практикой»¹⁵³. В статье были затронуты фигуры Ленина, Сталина, Троцкого, поднимался вопрос об истоках сталинизма. Эти темы, «покушавшиеся на основы», разрывающие стереотипы вызывали у читателей стресс.

¹⁵² Письмо Вялкова Н.Н. в редакцию журнала «Наука и жизнь» 11.04.89 г.

¹⁵³ Ципко А. Истоки сталинизма//Наука и жизнь.-1988,- №11. С.45-56.

Почему же именно защита «смещение агрессии» неосознанно использовалась авторами писем-отзывов? Можно предположить, что актуальная ситуация в стране, эмоциональное состояние читателей и особый характер публикации, вызвавший стресс, все это как нельзя лучше соответствовало условиям действия механизма смещения: присутствие напряжения, страха, тревоги – возникновения стрессового состояния – усиление страха, последующей за ним агрессии – потребность в разрядке, и как способ разрядки – смещение агрессии

Как известно, агрессия служит формой реагирования на физический или психический дискомфорт, стресс, фрустрацию. Поскольку конечные цели агрессии зачастую являются недостижимыми, одним из самых простых способов ее изменения может быть смещение агрессии на другие объекты.

Смещение (или замещение) – это защита от тревожащей или даже нестерпимой ситуации при помощи переадресации реакции (эмоции, поведения) с «недоступного» объекта на «доступный», смещение дает возможность справиться с гневом, который не может быть выражен прямо и безнаказанно. Иными словами – снятие напряжения осуществляется путем переноса агрессии с более сильного, значимого объекта (являющегося источником гнева) на более слабый и доступный объект или даже на самого себя¹⁵⁴. Большинство случаев смещения агрессии относится к агрессивному поведению, спровоцированному каким-то объектом, одновременно вызывающим страх.

Авторы писем-отзывов живут в тяжелый переходный для страны период времени, и сами пребывают в своеобразном переходном состоянии – вырванные из привычной идеологии, стабильности, «понятности», они испытывают различные жизненные трудности, находятся в напряженном тревожном состоянии.

«У меня шок от перестройки, а я все ждал светлого будущего»: «...в стране подходит голод и бедствия...идет перестройка, почему все хуже и хуже»; «...будет апокалипсис»; «...частное предпринимательство уже сегодняшнего дня привело к дегуманизации»; «Перестройка- старое болото, головокружительное падение страны. Де-

¹⁵⁴ Проявление смещения агрессии мы можем наблюдать в разных сферах социальной жизни человека, и в актуальных негативных культурных проявлениях, как расизм, сексизм, гетеросексизм. В громком обличение проблем общества группами, лишенными гражданских прав и имеющими слишком мало власти, чтобы отстоять свои права, так же усматривается значительный элемент смещения. Тенденция находить козла отпущения, что часто наблюдается в большинстве организаций и субкультур может свидетельствовать о присутствии механизма смещения (МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе <http://bpaonline.ru/>).

мократия, гласность, болтовня завуалируют это падение, создают приятное ощущение невесомости, не дают осознать, куда мы падаем»; «...наплодили кооперативы, спекулянтов, бюрократов»; «Куда делось все, что построил Ленин и Сталин? Куда падает Россия? Кругом мафия, грабеж, убийство, взяточничество, по сравнению со старой жизнью, жить стало в 10, а на некоторые товары в 300 раз хуже».

«...Куда падает Россия?... Магазины начинают пустовать, как при Хрущеве....Кругом недовольство на современную жизнь. Люди доходят до предела. Ведь не за горами третья революция, бросаются целые деревни на произвол судьбы».

Прочтение очерков Ципко у ряда читателей журнала «Наука и жизнь» вызвало стрессовое состояние.

«Прочел и понял, как воочию что-то перевернулось со мной, с моим разумом что-то произошло невероятное».

«Не мог читать подряд, ходил, приводил себя в порядок - мурашки».

«Прочла очерк и впала в крайнее смятение, которое хочу рассеять этим письмом в журнал».

«Меня глубоко взволновали ваши очерки».

«Нет сил читать о перестройке, искал крайнего и нашел».

«Читаю, делаю выписки, хочу сконцентрироваться».

«Прочел, и как будто споткнулся о порог и оказался совсем в другой комнате».

В результате полученного стресса и активизации страхов возросла агрессия и потребность в ее разрядке, которые прочитываются в большинстве писем – много чаще, чем стремление понять и обсудить прочитанное.

«Читаешь его и невольно думаешь: откуда он свалился – с Луны или Марса, выдает себя за ученого, да еще философа. Все его разглагольствования сводятся к одному – все 70 лет Советской власти -сплошной кошмар. Возможно, для самого Ципко это и был кошмар, поскольку он ненавидит ни наш строй, ни наших людей, которых он рисует безмозглыми овцами, которые безропотно подчинялись злему пастуху Сталину....в тупик нас привели вот такие «ученые», как А. Ципко, «великие экономисты», не умеющие применить учение Маркса и Ленина к конкретной практике. Так злобно, агрессивно оплевывает он свой (а свой ли?) народ, Коммунистическую партию, Октябрьскую революцию, советский строй, отрицает возможность построения не только коммунизма, но и социализма.

Пусть не рассчитывает, что журнал читают одни несмышлениши или дураки, которые не в состоянии разобраться, что к чему. Не мешало бы это знать и тем, кто дает дорогу писаниям антисоветчика на страницы журнала»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Письмо неизвестного мужчины в редакцию журнала «Наука и жизнь».

Состояние страны ощущается автором как тупиковое. Эмоциональный фон письма, преувеличение агрессивности прочитанной в журнале статьи говорят о том, что публикация явилась стрессовым фактором. Агрессивные импульсы смещаются на Ципко: автор называет его «антисоветчиком», «выдающим себя за ученого, да еще философа». Ответственность за происходящее в стране так же возлагается на Ципко: «...в тупик нас привели вот такие «ученые», как А. Ципко, «великие экономисты», не умеющие применить учение Маркса и Ленина к конкретной практике».

Нахождение «козла отпущения» – один из признаков смещения агрессии. Судя по тексту письма, его автор как бы не замечает реального содержания статьи, «вычитав» в ней тезисы, ровно противоположные опубликованным:

«Он [Ципко]...отрицает возможность построения не только коммунизма, но и социализма».

Сравним с текстом статьи: «Раз мы действительно убеждены, что социализм – это наш выбор, и мы хотим совершенствовать наше общество, раз мечтаем о гуманном социализме, надо начать с проекта, с наших теоретических основ, строить сознательно, с самоанализом»¹⁵⁶.

Приведем еще один пример:

«Если бы было можно, то этот Ципко сейчас же убрал Ленина из мавзолея»¹⁵⁷.

Однако, напротив, Ципко апеллирует к авторитету Ленина, демонстрирует свое позитивное отношение к нему:

«Ленин видел опасность отрыва мечты о социализме от повседневных забот трудящихся...Ленин пытался вернуть мечтателей на землю, говорил о вреде скоропалительности...не будет всеобщего равенства, если не будет сытого рабочего»¹⁵⁸; «Теоретик имеет дело с неполным знанием...Ленин говорил о постоянной коррекции»¹⁵⁹.

Авторы писем в одном и том же тексте очерков находят совершенно противоположные смыслы. Один из читателей возмущен, что Ципко выгораживает Сталина, другой не менее возмущен клеветой на Сталина:

«Автор (Ципко) плохо ругает Сталина, выгораживает его, надо изучать действия параноика, потому, что есть еще, кто кричит: Хайль Гитлер».

«Зачем вы клеветите на Сталина, внушаете молодежи, что он плохой».

¹⁵⁶ Ципко А. Истоки сталинизма//Наука и жизнь.-1988,- №11. С.45-56.

¹⁵⁷ Письмо Кириленко В.Д. в редакцию журнала «Наука и жизнь» 18.04.89 г.

¹⁵⁸ Ципко А. Истоки сталинизма. Эгоизм мечтателей //Наука и жизнь. 1989. №1. С.46-58.

¹⁵⁹ Ципко А. Истоки сталинизма//Наука и жизнь. 1988. №11. С.45-56.

Такие противоречивые суждения говорят о том, что автор прочитанных статей – всего лишь подходящий, безопасный объект для смещения агрессии, тем, кто пишет в редакцию, важна сама возможность её разрядки. Письмо в редакцию – действие, предпринятое ради этого. Большинство смещений в письмах-отзывах на публикацию очерков А. Ципко приходится именно на автора, то есть на «организатора» стресса. Но авторам писем-отзывов не всегда важен конкретный объект для смещения, главное – сместить, получить разрядку: почти в половине писем объект для смещения «собираемый», авторы смещают агрессию одновременно на несколько социально-значимых лиц, и варианты комбинаций собираемого образа многообразны.

Отсутствие равноценных данных обо всех авторах писем так же не позволяет проследить закономерности в проявлении смещения между социальными характеристиками авторов писем и объектами для смещения. Закономерность между местом проживания авторов и объектами для смещения агрессии не прослеживается.

Неопубликованные письма читателей – уникальный, не тронутый редактурой и не замутненный сторонним сознанием источник для понимания исследователем процессов, происходивших в изучаемую эпоху, и участия людей в этих процессах. Выявление психологических защит позволяет увидеть реакции, которые не декларируются, не предъявляются человеком на всеобщее обозрение, а скрыты часто и от него самого. За текстом письма «прочитывается» то (возможно, стыдное), о чем респонденты не говорят напрямую: какие «надо» и «должен» эксплуатировались социальным миром автора, что осуждалось, какие страхи несоответствия существовали, что вызывало чувство вины и другое, ускользающее из текста или вытесненное на его периферию.

К главе 5: письма из архива ЦНСИО

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
28.03.89 г. Москва, Тамара - работник соцкультбыта.

Ответ доктору философских наук А.Ципко на очерк: «Не надо бояться правды», напечатанный в номере 2-89 г.

Прочла очерк и впала в крайнее смятение, которое хочу расшеять этим письмом в журнал. В своем очерке Ципко воспользовался бескрайним богатством и разнообразием нашего могучего русского языка из этого богатства «наткал» целое «море кружев», от разнообразия которых даже рябит в глазах. Вы все врете, Ципко, плетете бездуховную чепуху и ересь (правда красивую ересь). Все вы тычете в Сталина ежовщиной и бериевщиной, называя все это сталинщиной. Вы забыли, что вещи следует называть своими именами.

Но все это не только вина Сталина, сколько его беда. Чиня «суд» над Сталиным, не мешает вспомнить Екатерину Великую, которая в подобных случаях рассуждала так, что исторических лиц надо судить, примеряя их действие не ко временам будущим, а к условиям времени, в котором они жили. Народ это понял, а вы и вам подобные не хотите об этом помнить; вы вцепились в великого вождя, и давай издеваться над ним. И все-таки, без твердой сталинской дисциплины, без привитой им людям ответственности за порученное дело наша страна будет проваливаться в экономическую яму, которую в конце концов над нами захлопнет та капиталистическая страна, которая посеет на нашей земле экономическую зависимость от себя. Если мы и дальше будем пытаться перепрыгнуть через период Сталина, чтобы воссоединиться с Лениным, так в результате все и получится.

Как видите, таким, как Ципко, это будет на руку.

И только одному трудовому народу, как и до революции, окажется тяжело. Вот почему народ не перестает возвращаться сравнениями к времени Сталина. Смерть Сталина честный трудовой народ воспринял крайне трагически, очевидно чувствуя, что кто-то другой сыграет с ним злую шутку. Вот почему мы, честные трудовые люди, все еще помним Сталина и продолжаем скорбеть о нем.

И эту скорбь, и нашу Правду передаем, и будем передавать своим потомкам из поколения в поколение. Как гласит поговорка «Пока живешь – надейся».

Народная память о Сталине будет излучать свет надежды, как «гордое сердце Данко». И этот свет, в конце концов, нам вновь отсветит, забытый нами, путь к коммунизму. Я верю в это!

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
02.03.89 г., Харьковская обл., г. Южный, Иван Петрович

Уважаемая редакция «Науки и жизни», в вашем журнале № 1-1989 г. стр.46-56 прочел статью доктора философских наук А. Ципко. Прочел и понял, как воочию что-то перевернулось со мной, с моим разумом что-то произошло невероятное! Что бы понять что же? Я вновь, с ручкой в руке стал перечитывать статью и решил важные, мудрые, глубокие мысли подчеркнуть и так подчеркнул все одиннадцать страниц. Я не знаю, что писал Т.Ципко в № 11-12 за 1988 год, и что он напишет в №2 за 1989 год. Но то, что он написал в № 1-1989 г. потрясло меня, безгранично глубоко обрадовало. Все то, что написано в нашей печати о сталинизме, я прочел, но ведь никто так, как пишет А. Ципко, так не мыслит. И это странно. Но надо быть большим умником, чтобы не видеть, что в стране зреет гражданская война, бессмысленная злоба, глупость зреют, подогревая друг друга. И это происходит потому, что никто до сих пор в нашей стране не сумел, не смог, не захотел дать мудрую, правдивую оценку того, что же у нас в России происходило эти 70 лет.

А это надо сделать сейчас же, немедленно, иначе будет поздно. И Россия вновь окажется в пучине взаимного самоубийства. Я глубоко, искренне считаю, что надо немедленно издать все 4 статьи философа А. Ципко. 20 миллионным тиражом или даже больше. Его брошюра после прочтения каждым грамотным человеком окажет гигантскую помощь в деле перестройки. Мы очутились на краю гибели как нация, мы оказались среди бездны глупости, дикости, заблуждений и выйти из этого состояния нам поможет А.Ципко. Надо организовать его выступления по телевидению, радио, надо печатать его мысли во всех центральных газетах. Хочется, чтобы вы поместили портрет этого человека. Рассказали о нем. Однажды великий Некрасов написал о не менее великом сыне России Добролюбове, «природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни...» Если сможете, вышлете №№11-12-1988 г. и № 2-1989 г., я верну их вам. Расходы по пересылке оплачу. За перестройку надо драться, а иначе....

С глубоким уважением к вам, ветеран войны....

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
18.04.89 г , Москва, Владимир – кор. «Красная звезда»

Возродить сталинскую политику!

Случайно, в поезде мне попался журнал «Наука и жизнь», №2 за 1989 год, где помещена статья «Истоки сталинизма».

Вся статья пронизана цинизмом, ненавистью к Советской власти. Если бы было можно, то этот Ципко сейчас же убрал Ленина из мавзолея. Видно по статье, что и его же постигла участь арестов 37 года или его отца. Я очень хотел бы, что бы Ципко прочитал мое письмо.

Вы, Ципко, поносите И.В. Сталина за продразверстку на селе. В то время в стране насчитывалось около двух миллионов кулацких хозяйств. Они составляли главную опору внутренней контрреволюции и иностранных империалистов. Кулаки ненавидели Советскую власть. В.И. Ленин писал, что «кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливающие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов» (соч., т. 28, стр. 39). А теперь философ, скажите: «Как и чем надо было кормить армию, города?». Кругом нищета, разруха, враг наступал со всех сторон. Так где можно взять хлеба, что бы прокормить трехмиллионную армию? Не говоря о городе. И вот здесь-то тов. Ципко и надо было выходить из положения. Вашими антисоциалистическими взглядами выходит, что они пусть, т.е. армия пусть голодает, а я пузо набил и с меня хватит.

Нет философ. «Мы, – говорил позднее В.И. Ленин, – будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разврстки, т.е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем». (соч., т. 32, стр. 266).

От зависти Ципко жалуется на дачи в Серебряном бору. Правительство есть правительство. Здесь никто не вправе осудить его за госдачу. А почему гр. Ципко не напишет, что «какие дачи строит (паршивенький) директор сейчас?»

Что в Иванове дети страдают в заваленном помещении больницы, а для трутней построена шикарная дача с бассейном в середине? Почему под Ленинградом дети начали болеть туберкулезом, а министр не захотел даже открыть дверь для приема журналистов по этому поводу.

Насчет того, что Россия капиталистическая могла перепрыгнуть в Россию коммунистическую – это могло вполне произойти. Сразу после войны громадными темпами восстанавливались заводы и колхозы. Люди на селе стали жить зажиточно. Каждый крестьянин имел не менее 1 коровы и поросенка, потому, что было где пасти и было где косить сено. Цены на продукты каждый год падали. Богатство России не разбазаривалось. Бензин, уголь не отправлялись и не продавались за границу, и был бы жив сейчас И.В. Сталин, то давно мы жили бы при коммунизме. Искоренилось бы воровство и грабеж. Потому, что закон был суров. Расстрел или 15 лет тюрьмы. Так посмотри сейчас, товарищ Ципко, куда делось все то, что было завоевано Лениным, Сталиным, Дзержинским? Куда падает Россия? Кругом мафия, грабеж, убийство, взяточничество, карточная система. По сравнению со сталинской жизнью жить стало в 10, а на некоторые товары 300 раз хуже. Сталинская «Победа» на старые деньги стоила 12 000 руб. Значит, сейчас она должна стоить 1 200 руб. Где эта стоимость? Магазины начинают пустовать, как при Хрущеве. А ведь при Сталине мясо дошло до 1р.60 к. за кг., и сейчас оно было бы бесплатно. Год я не могу купить нигде жене своей чулок, а в это время горкомы, исполкомы одевают своих жен в зарубежные одежды. (Поезжай гр. Ципко в Саратов, Оренбург или Донбасс. Что там делается на счет мыла, конфет или стиральных машин. В деревнях голод. Скотину не держат, потому что негде пасти, нет ни сена, ни кормов, ни лугов. Все вспахано, все рощи отравлены всякими (удобрениями). Вот тут-то, гр. Ципко, и надо писать с заметкой: «Куда мы дели все то, что построил Ленин-Сталин?» «Для чего мы плодим новых кулаков и помещиков?». Для чего вы все, горе ученые, начали восхвалять ярых врагов Ленина, этого Троцкого, Бухарина и др. Зачем пичкать молодежь капитализмом. Я как журналист много ездил и кругом недовольство на современную жизнь. Люди доходят до предела. Ведь не за горами третья революция. Поговаривают, что власть перейдет в руки армии, что придет конец всем трутням. Рабочий негодует от нищеты. Бросаются целые деревни на произвол судьбы. А ведь Сталин с большим трудом все это восстанавливал и строил.

Вам, гр. Ципко, я бы посоветовал написать статью, где было бы сказано: «Хватит кормить другого, если сам голодный». Прежде чем отдать нефть или железо за границу, обеспечить сначала себя. Чтобы были излишки всего у себя, в России, а остатки, что не нужно, можно и отдать другому.

Надо подумать и о том, что мы оставим после себя своим внукам? Все варварски грабится. Леса, угольные шахты, железная руда. Все это продается за границу. Не пора ли сказать стоп. Я думаю, что хватит обезьянничать, высматривая на соседа. Обзаводиться компьютерами, ставить дорогие памятники, делать гранатовые палаты. Люди хлеба досыта не наедаются (а таких миллионы), а кому-то надо рваться в космос. Прежде чем потратить миллионы на космический корабль, то пусть эти миллионы на добавку врачам, учителям, колхозникам. Вот это и была бы политика И.В. Сталина. И только тогда бы возродились бы колхозы».

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
16.02.89 г. г. Минск. Михаил Сергеевич – Ветеран ВОВ и КПСС, профессор.

Глубокоуважаемый А. Ципко.

Сердечно благодарим за хорошую, умную, полезную, глубоко научно обоснованную статью «Истоки сталинизма», помещенную журнале «Наука и жизнь» №1 за 1989 г.

Согласен, считаю правильными и обоснованными ваши Доводы. Хочу кое-что добавить до ваших рассуждений.

Я комсомолец с 1921 года, активно работал в то время по укреплению Сов. Власти в деревне. Считаю ошибочным, что в то время мы сильно, даже очень сильно преувеличили силу и значение классового подхода, пролетарского происхождения. У нас в дер. Климовичах было 36 хозяев (сейчас осталось 6) Большинство – это середняки. Но было 3 бедков: *(перечисляются фамилии)* Это были лодыри, воришки, крикуны. И вот в проведении мероприятий (я был секр. ком. орган. и членом с/с) мы вынуждены были опираться на этих бедняков, выдвигали их в комбеды, на собрание в президиумы, давали им все льготы. Для нас это было отвратительно, но мы это вынуждены были делать. Такова была политика.

Скажу, что во время Вел. От. Войны 1941-1945 гг. все они оказались предателями, а те, которых преследовали органы Советской власти, оказались патриотами, боролись с фашизмом. Так вот, какой вывод: надо опираться в политике на трудолюбие, честность, гуманизм, а не классовый подход.

Мы сделали большую ошибку, что боготворили все, что голо, босо, голодно и холодно. Вспоминается, как враждебно встречал Сталин лозунги Бухарина «Обогащайтесь». А ведь это был полезный и умный призыв. Мужа моей сестры Матрены

Алексея Марковича дер. Костелище Сененского р. арестовали и убили за то, что он выделявал овчинки для тулупов.

Во время коллективизации в 1928-30 годах ссылали и уничтожали не эксплуататоров, а просто честных благородных трудяг крестьян, Здесь проявилась ненависть батрака-бедняка-голодранца к человеку труда к достатку, к скромному крестьянскому обилию.

Я всю жизнь носил обиду и огорчение, вот по какому поводу. Я из крестьян- середняков. Мы работали честно, энергично, самоотверженно. Но к нам всегда относились с некоторым недоверием. Бедняка, батрака и рабочего всегда выдвигали на хо рошие должности, давали им всякие политические и другие привилегии, а нам, комсомольцам из середняков давали то, что оставалось. Хотя мы лучше работали, чем они.

Письмо неизвестного в редакцию журнала

«Наука и жизнь»

(Весна 1989 г.)

Вы не поскупились на место для А. Ципко с его пространным опусом «Истоки сталинизма». Читаешь его и невольно думаешь: откуда он свалился – с Луны или Марса, выдает себя за ученого, да еще философа, а всю советскую историю рассматривает в полнейшей изоляции от окружающего мира, от внутренних и внешних условий, в которых нашей партии и народу довелось строить новое общество. Словно несмышленьш, он рассуждает, как должно бы действовать советское общество по его научной схеме. Не берет в расчет ни полнейшую разруху, вызванную двумя войнами, ни агрессивное капиталистическое окружение, постоянно грозившее нам интервенцией (частые вооруженные нарушения границы, события на КВЖД, на Халхин-Голе и Хасане и проч.), ни отсутствие кредиторов, которые помогли бы нам поднять лежавшую плашмя экономику. Могли выручит только внутренние ресурсы.

А. Ципко видит события такими: Советская власть дает волю кулакам-мироодам, и те, окрепши, отваливают средства на создание промышленности. Он стыдливо умалчивает, что произошло в 1927-28 годах, когда окрепшие кулаки потребовали от Советской власти такие цены за сельхозпродукцию, какие наше государство не в состоянии было уплатить, и когда оно предложило меньшие цены, объявили бойкот Советской власти, стали прятать и гноить

сельхозпродукты, чтобы они не достались трудящимся. Горожане голодали в то время, как в стране в те годы был получен хороший урожай. Это ли не классовая борьба, начатая кулаками? Как же можно, исследуя обстановку тех лет, проходить мимо таких вопиющих фактов? Какой же настоящий ученый может обойти их? А.Ципко – не ученый, ярый пропагандист кулацкой идеологии, до настоящей науки ему далеко, как до Луны.

Все его разглагольствования сводятся к одному: не нужна была Октябрьская революция, не нужна Советская власть, никакого социализма в России не было и быть не могло, а все 70 лет Советской власти – сплошной кошмар.

Возможно, для самого Ципко это и был кошмар, поскольку он ненавидит ни наш строй, ни наших людей, которых он рисует безмозглыми овцами, которые безропотно подчинялись злему пастиху Сталину. Можно с уверенностью сказать, что он не примет или не поймет настоящих причин, приведших нашу экономику и базирующуюся на ней политику к тупику. А эти причины не плохо указаны в беседе с лауреатом Нобелевской премии, известным экономистом В.Леонтьевым, опубликованной в «Правде» 27 февраля 1989 г. Там ясно сказано, что в тупик нас привели вот такие «ученые», как А. Ципко, «великие экономисты», не умеющие применить учение Маркса и Ленина к конкретной практике. Ведь всем известно, что и Хрущев и Брежнев и Черненко были людьми необразованными, ограниченными, руководствовались в решении экономических проблем тем, что им подсовывали экономические советники, такие, как Заславский, Агнабегян, Абалкин и другие. А те и завели в тупик. Почитайте внимательно, что говорит по этому поводу крупный специалист, настоящий ученый В. Леонтьев. Теперь эти «ученые» первыми бросились сваливать вину на кого угодно, отводя ответственность за случившееся от себя. Как показал опус А. Ципко, и этот «ученый» из того же клана. Так стоило ли давать в журнале ему столько места?

Думается, что Гитлер и Геббельс, встань они из своих проклятых могил, не только аплодировали бы А.Ципко, но и удостоили бы его железного креста, так злобно, агрессивно оплевывает он свой (а свой ли?) народ Коммунистическую партию, Октябрьскую революцию, советский строй, отрицает возможность построения не только коммунизма, но и социализма.

Пусть не рассчитывает, что журнал читают одни несмышлениши или дураки, которые не в состоянии разобраться, что к чему. Не мешало бы это знать и тем, кто дает дорогу писаниям антисоветчика на страницы журнала»

Школьное сочинение Д. Кавецкого, 1989 г.

Моя бабушка очень любит рассказывать о своей семье и своих родителях. Вот что однажды она поведала мне о своем детстве и юности, о том, что она думает о дне сегодняшнем:

«Отец мой был служащий железной дороги, работал начальником станции, а в последнее время своей жизни билетным кассиром. Был он трудолюбивый, очень любил литературу много читал. В семье у нас было 5 человек детей, все получили образование, а 4-ро из них получили высшее. Отец очень тяжело перенес времена культа личности Сталина, особенно 37 год. Я помню, поскольку было много арестов, он постоянно ждал, что вот-вот придут и за ним. Если стучался кто-то к нам в дверь, он говорил, что это за ним и прощался с детьми. Так продолжалось довольно долго, но к счастью, он не был арестован. Вскоре он умер от болезни.

Мать моя была домохозяйкой и занималась нашим воспитанием.

В то время было так много патриотизма, веры в светлое будущее, идеалы коммунизма. Материально жили очень бедно, но вера в это будущее скрашивала трудности жизни и давала новые силы для укрепления своей страны. В настоящий момент мы переживаем очень сложный период, период перестройки, демократизации и гласности – народовластия. Задачи очень большие, и потребуются от всего народа максимум усилий, напряженного труда, и непременно восторжествуют идеалы коммунизма, к которому мы стремились всю жизнь.

В нашей семье мы воспитали двоих сыновей, которые оба коммунисты, работают преподавателями общественных наук, очень дисциплинированные люди, беспредельно честные, и поэтому мы с бабушкой довольны, что передали жизненную эстафету в надежные руки, а теперь прилагаем усилия, чтобы и внуки были достойны своих отцов»

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
09.03.89 г. Южно-Сахалинск. Марина.

Уважаемая редакция!

Прочла в вашем журнале серию статей доктора философских наук А.Ципко. Во 2-м номере должно быть продолжение, но я позволю себе уже возразить автору.

Подобная статья еще раз демонстрирует несостоятельность нашей философской школы, засоренной сплошной демагогией. Наши философы, в своем большинстве, манипулировали нашими незрелыми умами и делали это успешно 70 лет.

Концепция Ципко по сути реакционна, т.к. уводит от подлинных причин сталинизма. Утверждение Ципко, что в сталинизме виноваты революционные романтики так же абсурдно, как обвинение дитя в грехах матери.

Ципко во всем винит романтизм и максимализм революционной интеллигенции, винит то самое светлое и чистое, на чем воспитывалось не одно поколение честных коммунистов (которые, я верю, еще остались).

Но заветным мечтам революционной интеллигенции не суждено было осуществиться, т.к. уже к концу 20-х годов вся демократия была свернута. Наша революционная интеллигенция мучилась, пытаясь разбудить сознание народа, т.к. они видели и понимали, что их республиканские завоевания перерождаются в деспотию. Но народ в своей массе оставался еще рабом не успевшим осознать себя как личность, не умеющим отстаивать свои гражданские права. Народ не понимал в полном смысле демократии, он снова искал своего господина, хозяина. В этом основная причина, что наша Республика переродилась в феодальную деспотию.

Маяковский своей гневной сатирой обличает нарождающуюся бюрократию. В 1927 г. он пишет киносценарий «Копыто или долой жир», где в комичной форме выводит образ нового «вождя», высмеивает его формализм, ставшую фатальной об усилении классовой борьбы. А. Платонов в 1930 г. пишет свой «Котлован», где тоже в гротесковой форме показывает нам партийных функционеров и рабское бесправие народа, подобного животному.

Но все эти вещи тогда были запрещены. «Котлован» был впервые опубликован в 1987 г.

Если бы не была полностью свернута демократия и учреждена жесткая цензура, здоровая часть партии смогла бы в ходе дискуссии вместе с народом разобраться в процессах и понять, что социализм не может быть совместим с варварскими методами, насилием, жестокой эксплуатацией своего народа.

Наша беда и в том, что мы почти не читали Вольтера, Дидро, Руссо, а сразу приступили к «Капиталу», не оценив первых.

Мы очень невежественны как в философии, в политэкономии и других науках, поэтому позволили себя «одурочивать»

столько лет и верить нашим философам, которые также научились верно служить верхам.

Нам придется признать, что у нас господствуют феодальные отношения (сложная феодальная иерархия с подчиненностью низов верхам, кастовость, элитарность, с одной стороны, и фактическое бесправие народа и феодальные способы производства (преобладание ручного труда). Нам нужно серьезно изучать опыт буржуазно-демократических революций, что бы разобраться в себе.

Ряд положений Ципко, несомненно, правильны: о христианизации марксизма, о пагубности жесткой партийной дисциплины, установленной в условиях подполья. Что, конечно, является факторами, способствующими возникновению сталинизма.

Надеюсь, что в этом противостоянии «официальной» философии я буду не одна.

Нам все время навязывали басню Крылова «Слон и Моська», но мы забыли про другую басню «Муха», где муха, сидя на рогах у вола, говорит: «А мы пахали». Надо отдать должное Сталину, что он понимал решающую подчас роль литературы в формировании мировоззрения, это его выражение, что писатели – «инженеры человеческих душ». Да, писатель как никто нутром чувствует действительность (если он настоящий) и одним из первых бьет тревогу. Поэтому и была введена цензура, которая у нас еще процветает.

Надеюсь, я имею право подписать письмо под псевдонимом?

Анна Жданова (в случае публикации).

Извините, за шероховатость стиля и отсутствие редакции, но основные мысли я выразила. Не очень-то надеюсь, что вы опубликуете это безумное письмо. Тогда ответ шлите: г. Южно-Сахалинск, до востребования (имя автора)

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
15.03.89 г. г.Петропавловск-Камчатский, Петр Петрович

Уважаемый товарищ Ципко!

Я в восторге от вашего 4-го очерка «Истоки сталинизма». Главная ценность – теоретическая разработка нашего общественного и экономического развития. Но многие ли прочитают вашу работу? В журнале много других интересных и ценных статей, а в сов-

ременном потоке печатных изданий очерки просто незаметны. Прочитает ли, например, Михаил Сергеевич вашу работу? Ведь он говорил, что в последнее время развелось много демагогов от перестройки. В ихнем хоре ваш голос не слышен.

Или, возможно, никто ничего, кроме критики Сталина в очерке, не увидит. Л.Н. Толстой в книге «Война и мир» сравнивал действия Наполеона после Бородинского сражения с беспорядочными движениями смертельно раненого животного. Писатель указывал, что бесполезно искать мудрость или ошибки в движениях, не имеющих никакой логики. Тоже самое можно сказать о Сталине. Зачем изучать действия параноика? Потому, что кто-кто до сих пор кричит: «Хайль Сталин!»? Такие люди всегда будут, как до сих пор существуют поклонники Гитлера.

А очерк ценен именно тем, что указывает путь развития на основе науки. Я не встречал другого такого труда, развивающего марксизм-ленинизм. А ведь сколько было деятелей, величавших себя видными теоретиками маститого учения, а на самом деле превратившими его в икону.

Ни один левый радикал не осмелится подумать о том, как будет развиваться общество при достижении коммунизма. Для него это такое же святотатство, как для верующих взойти на небеса и хлопнуть бога по плечу. А разве нет еще не открытых законов общественного развития? Разве мы так мудры, что все-все знаем? Какие же мы тогда материалисты!

В вашем очерке сказано: «Левый радикал не хочет стать на твердую почву действительности по той простой причине, что она ему скучна». А почему скучна? Потому, что он не в состоянии ее понять, она не вмещается в его разум. Я, например, тоже могу разглагольствовать о теории относительности и никто не заметит, что я в ней ничего не смыслю. Чтобы понять Эйнштейна, надо быть физиком. Чтобы постичь всю глубину марксизма и продолжать его развивать – надо быть ученым. В.И. Ленин говорил: «Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память знанием тех богатств, которые выработало человечество» Конечно, никто не может знать все. Но ближе всего к этому стоят ученые, а это значит, что они и есть коммунисты, способные развивать марксизм-ленинизм.

Учение К. Маркса мудро. Но почему любой человек, вступивший в партию, автоматически зачисляется в категорию мудрых?

Помните, как Н.В. Гоголь описывал прием в Запорожскую Сечь?

– В Бога веруешь?

- Верую.
- И в церковь ходишь?
- Хожу.
- А ну, перекрестись.

Вступающий крестился и считался принятым.

После революции партия остро нуждалась в классовых бойцах, поэтому принимали всех желающих из числа трудящихся. Прием напоминал вступление в Запорожскую Сечь. До наших дней такой прием дошел в принципе без изменений.

В нашем бесклассовом обществе бойцы не нужны – бить некого. Партия нуждается в настоящих теоретиках.

Если бы вы, т. Ципко, руководили партией, я бы в нее вступил.

Я одобряю действия М.С.Горбачева. Но, как вы убедительно доказали, нет гарантии, что после него все вернется на круги своя. Правильно вы отметили, что история нашей страны уже переживала такое.

С уважением (Ф.И.О автора).

Письмо. в редакцию журнала «Наука и жизнь»
21.03.89 г. Ворошиловградская обл., с. Кобеляки. Н.М.

По поводу опуса А.Ципко «Истоки сталинизма»

Обрушившаяся на советского читателя дезинформация отнюдь не вынесла окончательного вердикта о роли Сталина в мировой истории вообще и его роли в истории нашей страны в частности. Практика (критерий истины) сегодняшних дней с огромнейшей силой подтвердила гениальный тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму, что мы со всей очевидностью сейчас и наблюдаем. Это и смыкание верхушки нашего руководства с наиболее реакционной верхушкой Запада, это попытка размывания основы социализма – общественной собственности на средства производства, это – попытка внедрения капиталистической акционерной формы собственности, это – попытка разрушения коллективизма, основной силы трудящегося крестьянства, путем пресловутой «аренды» – видоизмененной формы капиталистического закабаления крестьянства, это – искусственное культивирование мафии, как исполнительницы грязных дел, это развращение молодежи западной масс культурой и, наконец, острая идеологическая классовая борьба в средствах массовой информации, которая несмотря на внешнее неравенство сил – в конце концов приведет к победе социалистической точки

зрения как наиболее близкой подавляющему большинству трудящихся (рабочих, крестьян, интеллигенции). Потому что антисоциалистическая пропаганда основана на лжи, беспринципности, и, самое главное, на глубокой пропасти между словами и делами. А этого трудящиеся не прощают. Я не завидую в будущем тому, кто больше всех кричит об ускорении, а сам всячески тормозит социальный прогресс, кто больше всех кричал о повышении жизненного уровня, а этот уровень неуклонно снижался, кто больше всех кричал о решении жилищной проблемы, а она, эта проблема еще больше возросла, кто больше всех орал о решении продовольственной проблемы, а она все больше росла и прилавки пустели, кто распинался о разделении власти, а сам власть узурпирует и т.д., и т.п. Так что разговор о Сталине не окончен, и еще все впереди. Жизнь со всей очевидностью раскрывает – кто есть кто!

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
03.04.89 г. Москва Евгения 1949 г.р.

Редактору

«Наука и жизнь» №2 за 1989 г. ст. «Истоки сталинизма», оч.4, доктор философских наук А.Ципко «вскрывает» истоки сталинизма.

А не пора ли прекратить разговоры на эту тему? Четвертый год долбим одно и то же, а прока нет. Если его идеи не оправдали себя, то надо было в 1953 г. извлечь ошибки и найти правильный путь развития государства.

А то разоблачив «культ» Сталина, все последующие генсеки становились такими же куклами, с той разницей, что в отличие от Сталина были ограничены и тупы.

После Сталина мы покатались назад и пришли к застою.

Это же преступление!

Не надо здесь быть доктором философских наук с грязными руками, каждый неуч понимает, что Хрущев и Брежнев развалили государство.

После Сталина катастрофически падала дисциплина, выпускалось огромное количество спиртного, варварски истреблялась природа – вот они, беды! Не было учета, контроля, мафия, коррупция, казнокрадство подточило государство в корне. Вот об этом надо писать и заклеить позором! Вот кому нужен мемориал!

А Ципко ищет оправдание Брежневу и брежневцам, выгодивает их, дает возможность уйти от ответа. Таких «докто-

ров»- приспособленцев ненавидит народ! И главное зло в перестройке – это подхалимство, лицемерие (подобных Ципко).

Виновники застоя должны быть наказаны. А перестройка должна быть революционной. Необходимо аннулировать кадровое неравенство коммунистов и беспартийных. Лишить всех льгот и привилегий правительство, тогда будет меньше подхалимов и льстецов. Вот гарантия перестройки!

Письмо в редакцию журнала «Наука и Жизнь»
20.02.89

«Историю забывать нельзя»

А то, что в то время народ поверил в культ Сталина, так в этом Сталин не виноват. Сталин не заставлял, идущих в атаку кричать «За Родину, за Сталина». Сталин у советского народа пользовался большим уважением, любовью и доверием. Сталин много делал для своего народа, а народ делал для страны и Сталина.

Жили, трудились одной большой семьей на благо Родины. Имя Сталина нужно увековечить в граните, бронзе, даже в золоте. Это будет награда для тех, кто отстаивал социализм в В.О.В., кто из руин восстанавливал города. Сейчас уже 70 лет у нас в стране социализм, а мы все еще никак не можем выйти на истинный путь. А в то время все было ново и врагов социализма было много, не знали от кого и как отмахиваться и т.д.

Вот, тов. Ципко, все русские на земле нашей от маршалов Жукова, Василевского, Рокоссовского, Мерецкова и др. с такими мыслями. Прочтите книгу ген. Конструктора Яковлева «Цель жизни» – Сталин не виноват, когда я вижу статью о Сталине, то обращаю внимание на подпись. Кто написал о нем и не нашел, чтоб кто-то чисто русский написал о Сталине плохо. Вот и весь сказ.

Мне 72 г., внуку 17 лет, он также понимает роль Сталина.
г. Орел, Аникеев В.Д.

Письмо. в редакцию журнала «Наука и жизнь»
22.02.89 г. г. Ново(неразборч.)Н.Ф.

Тов. Ципко А.

В вашей публикации, тов. доктор философских наук, ничего не сказано о положении дел и действительности. Одно рассуждение и левый экстремизм. Скоро будет Пленум ЦК КПСС по аграрному вопросу. Почему вы не внесли ни одного предложения в своей статье?

Клеймите Нину Андрееву. Та хоть конкретно расколола чистую историю и современную молодежь, на что и следовало бы обратить внимание, а вы из пустого в порожнее много написали, дай бог получите за это гонорар. То, что за счет с/х шла индустриализация страны и займами, об этом все давно знают, а как бы вы хотели поднять страну? Где ваши предложения? Вы примазываетесь к моменту. Вот и показали свое умение писать. Почему получился застой, когда вас, научных работников, выросло после смерти Сталина в 3-4 раза. А застой. Ведь простая истина все ударились в науку, а в сфере маш. пр-ва не осталось рук. И сделанного этой наукой почти нет.

Вот и носите теорию пустую. Да получаете незаработанные деньги. Не так ли? Да большие деньги. Вся работа – рыться в бумагах.

Письмо. в Комитет памяти

26.05.89 г., г. Чита, В.О.

Многоуважаемый тов. Председатель!

Извините не знаю Вашего имени, отчества, но Вас и всех кто так усердно работает в Комитете памяти не жалея своего свободного времени и тратя его на нас, очень благодарю за оказанное содействие в моей просьбе.

Вы уставшие на своей основной работе, возможно со своими неудачами, горестями, где бы лишний час побыть с семьей, Вы идете в Комитет памяти роеетесь, ищите 50-летней давности наше горе и правду (горе то, что мы перенесли, а правда, вот она восторжествовала), правда очень поздно, ну ничего не поделаешь.

Мы теперь равны со всем народом. Большое Вам спасибо и низкий поклон. Спасибо огромное, что есть такие люди как Вы.

Благодарна на всю свою оставшуюся жизнь. Счастья Вам и крепкого здоровья.

С уважением

Газету получила.

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»

14.01.89 г. г. Москва., Семен Николаевич, 1936 г.р.

Уважаемый редактор!

Пожалуйста, прочтите письмо до конца. Пишут Вам люди разных возрастов.

Считают, что перестройке мешают пенсионеры, т.к. они защищают Сталина, поэтому нас называют «врагами». Это что, враги те, кто всю жизнь трудился до пота, те кто победил в войне, не жалел своих жизней? Те, кто сейчас живет на крохотную пенсию, испытывает нужду? Где же справедливость? На наши вопросы газеты не отвечают, умалчивают. Почему? Вот Вам и гласность!

Некоторые историки, извращая факты, навязывают свое мнение. Стараются оправдывать «брежневщину» мол, как неизбежность, уводят от ответа преступного застоя.

Но ведь факты – вещь упрямая! Например: при Петре I за 20-30 лет промышленность выросла в 10 раз. По металлу Россия оказалась на первом месте в мире. Нигде в мире, за столь короткий срок, подобного не было. Это говорит за то, что во главе России был талантливый человек.

Сделаем скачек в XX век, в 1917 г. свершилась революция, построили величайшую державу в сроки, каких не видывал мир, победили в самой страшной из всех войн, снова встали из разрухи и создали индустрию более мощную, чем у развитых европ. держав вместе взятых. И в этом нельзя не видеть заслуги Сталина!

А вот Хрущев нанес удар с/х, оголил деревни. Обещал построить коммунизм, но оказалось не под силу.

Маркс и Энгельс категорически возражали против подобной трактовки их учения, как пророчества, предсказания будущего. Тут в силе закон диалектики; «Все течет, все изменяется».

Раз видели, что Сталин пошел не по тому пути в с/х, надо было сразу перестраиваться (не распускать деревни, а укреплять, создавать условия для их процветания). Ведь Сталин не давал Вам рецепта на будущее! А теперь за свое неумение обвиняют Сталина.

Сталин не отправлял икру за границу. Прилавки были завалены лучшими продуктами, не было очередей. Все строили на совесть. До сих пор гордо стоят сталинские коммуналки, которые теперь занимает «знать». А вот брежневские постройки рушатся (здания и АЭС). При Сталине была строгая дисциплина, точный учет и контроль. Сталин оставил здоровых людей. Народ верил партии и любил своего вождя.

А теперь его стараются изобразить «палачом». Если бы это было так, как расписуют историки, то народ бы не оплакивал его смерть. Плакали все – даже мужчины. И о репрессиях народ знал и сам требовал смерти врагам!

Скажем о Брежневе – можно только удивляться, что этот «святецкий» болван был у власти 18 лет. И удивительно, чем

глубже тонули в застое, тем больше аплодировали и награждали орденами. Так какая же может быть вера такой партии?

После смерти Сталина прошло 35 лет. Срок очень большой. А мы до сих пор работаем на изношенных сталинских станках (современное оборудование не выдержало бы такой эксплуатации). По варварски уничтожали природу. Страшных размеров достиг алкоголизм, наркомания. Не было дисциплины. Выводились из строя плодородные земли. Строили не то, что нужно, строили как попало, выбрасывая огромные средства на ветер.росло тунеядство, проституция, процветало казнокрадство, мафия, коррупция безответственность, безнаказанность! Вот они причины наших бед. Так при чем здесь Сталин?

А вот теперь пожинаем плоды – в стране нет продуктов, пусты прилавки, очереди, растут цены. В избытке применяют химию, отравляют людей. Становится под угрозой экология. Люди больны (астма, аллергия, экзема вызванные химией)

А какие страдания переживают люди, чьи дети стали алкоголиками. Это же вина правительства. Ведь «Бытие – определяет сознание».

Недовольны и те, чьи дети вернулись из Афганистана в цинковых гробах, вернулись калеками. Вот и не было репрессий, а погубили весь народ. Вот почему народ бастует, собирается на митинги. Вот именно об этом и надо говорить, чтобы впредь не допускать ошибок.

Но находятся еще льстецы и подхалимы, которые мешают перестройке. Они отодвигают анализ застойного периода, рассказывают сказки про Сталина.

Да и с кооперативами нелады. Но мы оправдываемся, мол, это новое начинание, поэтому ошибки не исключены. Но ведь коллективизация – это было тоже новое, но Сталину мы ошибок простить не можем. Вот такой парадокс!

Писали, что Сталин был властолюбив – 2 должности занимал. Тогда почему же Горбачев занял 2 должности?

Мы констатируем факты и не надо нас называть врагами, прибегать к базарной ругани. Мы против бюрократов, особенно которые жили при Брежневе. Хватит лгать и лицемерить!

У нас не может быть справедливости, и нет ПРАВДЫ, т.к. у нас одна партия, и хотя она изрядно оскандалилась, но остается у власти. Ей не надо думать, соперников у нее нет! Поэтому и нужно в правительство выбирать и б/п. Нужны талантливые руководители, а не «святенские» болваны!

В народе вызывает озлобление правительственные льготы (спецпайки, закрытые магазины, роскошные дачи для их семей и родственников). Пора аннулировать эти льготы. Из-за этих льгот и идет борьба за власть. Льготы рожают подхалимов и льстецов. И пора уже ответить за застойный период, а виновных наказать. Народ уже устал от лжи и обмана!

Конечно, это письмо вы не опубликуете – а жаль! Вот Вам и гласность!

Значит вы противник перестройки. Вы не думаете о том, в каком обществе будут жить ваши дети и внуки.

Может удивите нас? – Опубликуете!

Писала группа людей разных возрастов и профессий.

С уважением Поляков Семен Николаевич, 1936 г.р. г. Москва, 14 января 1989.

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»

Его именем бросались под танки....

Пишу вам по поводу статьи «Все ли сказано о войне?» писателя А.Зверева. Я согласна с профессором Кузнецовым. Я осуждаю писателей Астафьева и Зверева. К Звереву можно отнести и такие слова, что мы легко поддаемся чувству неприязни, даже признавая несомненные достоинства. Эта склонность порой дерзает замахнуться на мужей великих (на И.В. Сталина). Нет худшего позора, чем неприязнь к великим, как и постыдная антипатия к ним. Даже на солнце есть темные пятна, даже солнце всем угодить не может. Пусть хоть один из руководителей достигнет такой любви к себе (даже слепой, как утверждает писатель Зверев).

История это докажет.

Н. Захарова, г. Иркутск.

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»

Я тоже хочу присоединиться и сказать, что да Сталин был Великим. Он не постеснялся обратиться по радио к народу, что напали на нашу Родину, нарушив договор. И потом почему мы всегда ищем крайнего. Стали трубить о его ошибках, а его заслугах молчим. Если он Сталин нарушил Законы, или как сказал в своем очерке тов. Из Иркутска, что перед Сталиным дрожали и боялись его. Я бы хотела знать, если Сталин не велик как тогда назвать его. Ведь

его именем шли в бой. И его именем бросались под танки и потом где были коммунисты, почему они молчали, если он не был прав. Я, конечно, в политике плохо разбираюсь, но обидно когда если один ошибается, а миллионы коммунисты молчат...

У нас иногда бывает так, человек живет, перед ним пляшут, он или она хороши, если нет в живых, то плохи.

Извините, если что не так. Пенсионерка Валентина Андреевна Чекина.

Пишу разборчиво, думаю, за это письмо не посадят.

СЪЕЗДУ народных депутатов. № 32.

Обращение

230589.

Товарищи! Растаял Мир Обмана -
всё то, что возводилось день за днём
в бреду пропагандистского дурмана...
Вы не жалейте, право же, о нём!

Твердили нам, что мы почти в раю,
Романтики идейного разврата,
а мы уже стоим на краю
той пропасти, откуда нет возврата...

Но не Октябрь в том вовсе виноват -
не гласи Революции Титаны!
Корабль России направляли в ад
уже совсем другие капитаны...

Об их окаменевшие сердца
любовь и Милосердие разбились,
а всё, чего в Семнадцатом добились,
извращено с начала до конца...

Вглядитесь в те октябрьские дни
Семнадцатого пламенного года -
мы все в ответе будем перед ними,
коль снова с рабства спускали Свободу!

Река Любви течёт в сердцах людей...
Давайте же разрушим те Глотины,
это сложенные из каменных сердец,
пока дельная наша обратились!

Сергей Маслов,

сотрудник газеты «Ленинский путь»,
саратовский коммунистический
маг 1989г.

ГЛАВА 6. Поэтика деконструкции идеала: правда и праведность в «наивных» поэтических текстах эпохи перестройки¹⁶⁰

Екатерина Боярских

...И чтоб отчизну защитить,
Должны программу ускорения
Быстрее мы осуществить.
Поэтому всех вас я призываю
Как бабушка, как женщина, как мать
За мир! За дружбу! Ускорение!
Всем честным людям голос свой поднять!

*

Партия Ленина
Мощью народной
Вырвала с корнем
Коронную власть.
(...)
Страна поднималась
в упорном труде
и счастье народное
венчалось везде.

*

...Помчались по Стране, как саранча степная,
Проводники идей, одетые в мундир,
Сгребали, выгоняли, принуждали, били...
И создали «Карлаг» огромнейший «сартир»¹⁶¹

Как работает сознание авторов подобных непрофессиональных стихов в ситуации отсутствия общей «правды» – и зачем в этой ситуации они обращаются к литературной форме? Помимо существенной роли литературы и особой значимости фигур известных поэтов и писателей, форма поэтического высказывания оказывается востребована не только как носитель оценок, данных «избранными» – известными авторами, но и как способ

¹⁶⁰ Исследование осуществлялось на материале 66 стихотворных текстов, созданных непрофессиональными авторами и присланных в редакции газет и журналов в конце 1980-х годов. Несмотря на разный уровень образования авторов, все произведения мы относим к «наивной поэзии»

¹⁶¹ Орфография и пунктуация оригинала сохранены во всех цитатах из писем

самому производить оценку истории государства и исторических деятелей. Но как и зачем производятся эти тексты?

Ирина Сандомирская, говоря о «наивном письме», отмечает, что авторы «не изобретают ничего нового», нет проявленной в тексте индивидуальности, уникальности, нет и стремления к ней. Это тексты, могущие вызвать эстетическое отрицание: «Просвещённый читатель, профессионал пера, отвечал если не агрессией, то характерным смешком»¹⁶². Подобная реакция запечатлена и в архивных материалах: в пометке на полях письма с текстом «Кто это? Что это?», в отказах в публикации («Автору неоднократно отвечали. Стихи не представляют никакого художественного интереса») и в комментарии одного из собирателей архива, исключившего несколько текстов, заменив их комментарием «Не интересно» (естественно, это была оценка текста именно как стихотворения).

Однако на фоне остальных писем, составляющих архивную коллекцию, закономерность присутствия этих текстов в общем массиве, отражающих активное противоборство взглядов на советскую историю, выглядит закономерным. Письма читателей в редакции газет и журналов так или иначе тяготеют к одному из двух полюсов – обнародованию личной истории, собственной биографии либо к конструированию «общей правды», оценке и переоценке советской истории в целом. «Наивные» стихи предельно риторичны, и их риторика содержательно и стилистически мало отличается от перестроечной публицистики. Можно предположить, что они нужны не столько для того, чтобы создать высказывание, сколько для того, чтобы вызвать к существованию фигуру поэта. Именно ради неё они и создаются, к ней и «прилагаются»:

«Вы предложили свободный микрофон. Я написал вам, я не лгал но и вы не вычеркивайте из моего письма ни строчки, лудие выбросите в корзину и забудьте. Не через «Юность» так по другому пути, пусть этот путь будет стоять несколько лет жизни. Пусть!!! Не я так другой будет поднимать молодеешь. Но он будет такой же как я. Я не ищю выгоды от большого ума еще никто не был счаслив»¹⁶³.

В письмах, содержащих поэтические тексты, практически отсутствуют заявления о таланте, не признанном критиками и читателями. Роль личности минимизирована, «качество» стихов не важно, возможность стать известным не упоминается. Литера-

¹⁶² Сандомирская И. «Наивное письмо» пятнадцать лет спустя, или На смерть соавтора // Неприкосновенный запас. №82 (2\2012).

¹⁶³ Письмо в редакцию журнала «Юность»

турная жизнь, литературная критика, читательское признание, часто значимые для непрофессиональных авторов «наивной» литературы, здесь не обсуждаются. Что же обсуждается?

Например, **современность** стихов. В одном случае стихи присланы с принципиально важной датировкой, которая, по мнению автора, должна была обеспечить его текстам если не публикацию, то особенное к ним уважение, поскольку они написаны в начале 1980-ых годов, когда благополучие автора могло быть поставлено под угрозу. При этом он сообщает, что не показывал их «даже жене», и таким образом, своей заслугой считает именно факт написания текстов до того, как эта тема начала обсуждаться публично. Естественно, даты могли быть проставлены и постфактум, но, так или иначе, особая значимость «опережения времени» здесь очевидна.

Неактуальность эстетического в «наивных» текстах приводит нас к некоторому предварительному пониманию сути «наивного» поэтического высказывания: оно находится вне литературы, ставит внеэстетические задачи, ведь и автор его находится вне литературы, не в силах свободно говорить на ее языке, и не преследует, по сути, цели написать «хороший», «качественный» или «прекрасный» текст.

Что ещё, кроме «современности» стихов как аргумента в пользу отражённой в них позиции, важно для их авторов? Обращает на себя внимание их отношение к **анонимности и псевдонимности**. В противовес недопустимости анонимности в письмах о личной истории (списки, имена, подробности), здесь анонимность принципиально возможна, однако редка, видимо, потому, что требует эрудиции. Интересны выбираемые псевдонимы – «начинающий поэт Бальмонт-Дубельской», «Диоген Московский». За псевдонимами стоят обобщённые фигуры поэта и философа. Когда читатель журнала «Юность» из города Гороховец пишет: «не я, так другой будет поднимать молодёжь», власть над молодёжью, как и сама молодёжь – это, конечно, абстракция. Эта власть – свойство, приписываемое любому поэту. В ситуации отсутствия общей «правды» (под правдой в данном случае следует понимать общую концепцию исторического прошлого Советского Союза) «наивные» письма отвечают на это её, правды, персонификацией – воплощением в авторитетной фигуре. Поиск авторитета может быть обращён в прошлое (Ленин, Сталин), «наверх» (Горбачёв, Сахаров) или, как в части интересующих нас текстов, на эту позицию можно поставить себя. Данную тактику тактику мы и называем **персонификацией** правды.

Правда, как основная тема и основная проблема писем в газете, на радио и телевидение, неоднократно обозначена в письмах другого рода, в «наивных» стихах она не столько «называется», сколько «призывается». Эта разновидность стихотворчества – один из способов поиска правды, однако имеется в виду не индивидуальный путь к индивидуально понятой и достигнутой истине, а, скорее, попытка присоединиться к общей правде, возглавив ее поиск за счёт принятия роли её глашатая (буквального «поиска» правды в «наивных» текстах как раз нет). Проясняет этот механизм и создает ему яркую параллель, а в чём-то и оппозицию, дневник 1986-1992 годов, который я исследовала в 2008 г.¹⁶⁴. Автор дневника анонимен, и его личная история для него настолько второстепенна по сравнению с «общей правдой», что немногочисленные заметки о бытовой стороне жизни он выносит на обложку, пишет их другим, более небрежным почерком, сокращает до предела. Он ставит себе задачу осмыслить историю страны, создав книгу, которая вберёт в себя итог его размышлений. В данном случае гораздо более индивидуализированное и, так сказать, индивидуально-биографически воплощённое стремление стать источником правды привело автора дневника к отшельничеству. В исследуемых письмах присутствуют менее радикальные, однако родственные по духу варианты поиска правды, которые заключаются в «примерке» на себя образа праведника.

Фигура праведника может быть найдена вовне, и при этом воплотиться в известном поэте (отсюда – заимствования и цитаты в письмах как способ апелляции к авторитету: «Россия воспрянет ото сна», «Тараканьи смеются усища»), в перечнях русских писателей и поэтов, становящихся синонимом родины («Пушкин, Лермонтов, Некрасов»), и, ещё ярче, в таком приёме, как символическое воскрешение автора (в нашем материале – Некрасова и Виктора Гюго), чтобы тот увидел теперешнее состояние страны, осудил или оправдал. С этой же целью «воскрешают» авторы писем не только поэтов и писателей, но и Павку Корчагина, Ленина, Христа. Однако для того, чтобы текстуально воскресить, к примеру, Некрасова, нужно быть в состоянии это сделать. Те,

¹⁶⁴ Боярских Е.Г. «Меня родило перестроечное время»: судьба и эпоха в дневниковых записях 1986-1992 г. // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование: Международная научная конференция, посвящённая 90-летию Иркутского государственного университета и факультета филологии и журналистики: материалы. Иркутск, 2009. С. 624-632.

кто не может выстроить такую конструкцию, подставляют на место праведника себя. «Личное» в этом случае – единственный доступ к «общественному». Ведя себя как поэт, то есть рифмуя, самим фактом избрания поэтической формы авторы «наивных» стихов как бы обретают правоту. Рифмовка и набор клише работают на создание эффекта правды. Поэтическая форма, в сознании авторов этих текстов являющаяся производным от фигуры поэта, тоже становится «праведна» и «правдива».

Значимость фактов, роль памяти в письмах о личной истории, весомость аргументации и полемические способности пишущего в дискуссионных, публицистических письмах-репликах и письмах-откликах замещаются на более доступные авторам «наивных» стихов механизмы названия, простого перечисления клише:

*У экономики есть стержень –
– индивидуализм...
Который напрочь отрицает ленинизм.
У ленинизма «стержень»
Коллективизм – с которым
В разногласии капитализм...*

Набор клише тоже работает – не эстетически, а дискурсивно. Постоянно повторяющиеся образы «большого» времени и огромного пространства (поэт в пространстве текста часто летает, видит мир сверху, а страна плывёт, как огромный корабль), обращение ко всем людям, призывы к «миру во всём мире» выводят автора за рамки собственной судьбы, собственного страха и горя, превращая говорящего из объекта правды в её субъект: он уже не воспринимает правду извне, он сам её производит. Кстати, авторское «я» в текстах легко заменяется на обобщённые образы – это Земля, Байкал и даже Светлана Савицкая, поющая из космоса песню всей Земле. Монолог такого сконструированного персонажа обращён к обобщённому собеседнику (всему миру, всем людям).

Диалог в «наивных» поэтических текстах, ставших материалом исследования, своеобразен. Попасть в позицию поэта означает стать субъектом значимого говорения. Эта обрётённая субъектность ведёт к ощущению «громкости», значимости высказывания. Отсюда – просьба к редакции ознакомить с письмом того или иного известного человека, обращение на равных к Евгению Евтушенко, посвящения Горбачёву, Некрасову, Черненко, осуждение или апология академика Сахарова. Фигура поэта обеспечивает полномочия свидетеля и судьи, и слово приговора

в этой логике уже является наказанием. Объект власти становится субъектом власти, и на месте частного человека вырастает гигантская фигура праведника: «Опубликуйте, если вы не трусы»; «Это опять не напечатаете? Потому что СТРАШНО?» Писать стихи для того, чтобы ощутить себя воплощением этой фигуры, не обязательно, однако другие способы требуют дискурсивного мастерства, в то время как поэтическая форма вопросы о мастерстве, как ни парадоксально, снимает.

В статье «Истина и этика» Н.Д. Арутюнова, анализируя концепты правды и истины, писала о том, как представление о правде расходилось с представлениями о суде и совести по мере того, как несовершенный и несправедливый человеческий суд противопоставлялся суду Божьему¹⁶⁵. В письмах перестроечного времени концепты «правды», «суда» и «справедливости» снова сошлись воедино (в сопровождении «вины», «кары», «преступления», «жертв и преступников»), когда речь идет о суде истории. Авторы «наивных» стихов не столько сознательно работают с этими концептами, сколько воплощают их и обретают над ними условную власть с помощью фигуры поэта, возможности которого примеряются на себя.

Итак, поэтическое в «наивных» текстах представлено как набор готовых клише советского и перестроечного дискурсов в совокупности с рифмовкой, которая придаёт дополнительную «правоту», безусловность сказанному. Отметим амбивалентность применения советской риторики: одни и те же выражения могут использоваться как для поддержки идеи Перестройки, так и для её опровержения. Можно, как нам кажется, говорить об адаптивном характере советской риторики в «наивных» текстах: воспроизведение успокаивает, подстановка «Перестройки, ускорения, гласности» в готовый набор общих мест создаёт ощущение неприкосновенности советского («не хочу, чтоб забыли про Маресьева ноги, про военные были, фронтовые дороги»).

Обнажается глубинный **религиозный костяк** советской риторики – в «наивных» стихах массово представлены образы потерянного рая, грехопадения, ада, Страшного суда, воскресения мёртвых, Апокалипсиса. Эти образы вызывают к жизни концепты «правды», «справедливости» и «суда»: «Зовя живых, чтоб мёртвые воскресли, Земля, как будто колокол, гудит».

Интересна **участь фольклорного начала** в перестроечных «наивных» стихах. С уверенностью говорить о фольклорности,

¹⁶⁵ Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в языке. М., 1995. С.7-23.

например, частушек, присланных деревенской жительницей в редакцию «Правды Бурятии», сложно, вопрос об имитации остается открытым: частушка идеологична, риторична – однако является ли это имитацией? Константин Богданов проблематизирует границу между фольклором и фальшлором (фэйклором)¹⁶⁶, и в данном случае мы сталкиваемся с тем же вопросом. Так или иначе, элементов (вкраплений), а тем более текстов, связанных с фольклором, в архиве немного, и наличие этих вкраплений выходит за рамки интересующих нас стихотворных текстов. Присутствуют частушки, переделанный текст «Интернационала», лишённый авторства (текст вводится указанием на то, что так пел дядя автора письма), притча (в письме названная легендой) о мужике из Ростова (мужик, который сражался с бандитами, отрезавшими ему руку, и сумевший победить их одной рукой, символизирует Россию в Великой Отечественной войне). Во всех этих случаях к фольклорным сюжетам прибегают индивидуально, фольклорные жанры идут в сцепке с личной историей («мне рассказывали», «мой дядя пел»), так что не выполняют запроса на обобщение, персонификацию правды. Некоторые образы интересующих нас «наивных» поэтических текстов также имеют фольклорную «подкладку». Явно архаичен и имеет фольклорные корни образ дерева, растущего из могилы безвинно убитого, фольклорен один из разворотов темы несмысливаемой вины (начав с темы исторической вины и нравственности, автор постепенно превращает текст в балладу об убийстве невинной девочки в чистом поле) и образ горя как преследователя.

На основании проанализированных нами «наивных» стихов эпохи перестройки можно сделать следующие выводы:

– «Наивные» стихи перестроечного времени писались в первую очередь ради стоящего за ними образа праведника-поэта. Писать стихи, считают авторы, может помешать не отсутствие таланта (концепт «таланта» никак себя в данном материале не проявляет), а «ложь и страх».

– Концепты «правды», «суда» и «справедливости» в перестроечных дискуссиях слились воедино, вызвав к жизни разные способы работы с ними. В «наивных» стихах таким способом осуществляется примерка на себя риторической фигуры праведника, которая дает возможность говорить со значимыми фигурами на равных, выходить в «большое» время и пространство и становиться не объектом правды и власти, а их субъектом.

¹⁶⁶ Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.

— Советская риторика, служащая строительным материалом для «наивных» стихов, используется амбивалентно как в контекстах «за», так и «против». В массовом сознании она способна выполнять смягчающую, адаптивную функцию, консервируя в рамках текста то, что человек принимает как общие ценности. Она также легко монтируется с религиозными образами: дискредитация концепта «светлого будущего» освобождает место «Апокалипсису» и «Страшному суду».

— В исследованных «наивных» поэтических текстах ни разу не произошло эксплицитного соединения личной истории с поэтической формой высказывания. «Факты» и «аргументы» отделены друг от друга, и если взаимовключение публицистического высказывания и воспоминаний, свидетельств о личной истории, истории рода или локуса возможно и даже неизбежно, то с «наивной» поэзией такого не происходит: в её контексте частное стёрто глобальным.

К главе 6: письма из архива ЦНСИО

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
22.02.1988

Дорогая редакция! Прошло уже более 25 лет, как я не писала в редакцию. Было время, когда я писала о делах совхозных и затрагивала другие вопросы. И вот сейчас хочу ещё написать, потому что меня наполняют те чувства, какое изменение происходит в нашей стране в связи с перестройкой.

В те годы, мы молодые люди 50 годов были активными в любых начинаниях, в частности, в своём досуге. Раньше у нас не было денег, т.к. был колхоз и работали на трудодни, но мы проводили свой досуг в художественной самодеятельности, увлекались ею, потом постепенно почему-то все эти начинания у молодежи последующих годов, т.е. через 10-15 лет, активность к этому культурному досугу исчезла.

Или нет таких активистов которые повели бы молодежь за собой. Сейчас мне 48 лет, я работаю в санатории «Жердовка» уже четыре года сестрой хозяйкой. И вот уже 2 года, как стали проводить праздники не так уж скучно. Бывало к празднику услышим только поздравление и вручение грамот. Сейчас делаем доклад соответствующей дате. И ставим небольшой концерт своими силами, займем всего 40 мин или час, а у людей праздничное настроение. Вначале наши девушки очень робко брались за это дело, как-то стеснялись друг друга, своих же коллег по работе, а сейчас с удовольствием ходим на репетиции, даже после этого хочется еще продолжить хорошее настроение. И мне кажется это сближает коллектив, становимся дружнее и работа спорится. Хотя у нас нет таких условий как в хороших санаториях, но отношение к работе наших мед. Сестер и М.О.П. хорошее. К больным отношусь доброжелательно, вежливо. Хорошее слово для больного, лучшее лекарство. Вот я думаю у нас и есть перестройка – в отношении к людям. Вернуть человеку здоровье, поставить его в строй с жизнью, чтоб он чувствовал, что он ещё может что-то сделать полезное обществу. Своим отношением к труду мы обогащаем наши богатства.

В заключении хочу написать те частушки которые мы сочиняем сами для концертов. В честь 70 летия Советской Армии и Военно-Морского Флота сложили такие частушки.

Красну Армию мы любим
за Великие дела,
чтобы жизнь прекрасней стала,
чтобы Родина жила...

Совершаем мы полеты
на космическом крыле
наши славные пилоты
ставят вымпел на Луне.

Крепче за руки возьмёмся
Партии Родной – клянёмся
Будем дружбой дорожить
и всем миром в мире жить.

Славься Армия Святая
колыбель людских побед
ты еще сильнее стала
после всех невзгод и бед.

Замечательная дата
в документе мировом
сокращаем мы ракеты
в мир идем иным путем

сколько сил приложить нужно
в акты подписания
чтоб сбылись надежды мира
в пользу созидания!

Ядерные полигоны будем контролировать,
Между США, СССР взрывы – аннулировать!

А ещё я сочинила стихотворение посвященное нашей армии от рождения ее до нынешних дней.

17 год возрождения
дал право на мир и на труд
пришел этот час пробужденья
от тягот, буржуев и смут

Не прошел еще год от восстанья
но снова буржуи – ползут
не хочется им расставаться
но воины наши – сметут

Повсюду народ наш поднялся
во имя Отчизны Родной
в сражениях стяг наш взвивался
в защиту страны молодой

Громила она их в 20ом
гнала их от Чёрных и Белых морей
фашистская рать – осознала
дух силу и волю – русских людей.

И била она в 45ом
спешила к Победе своей
И кто умирал, оставался – солдатом
Клятву сдержал для сынов, матерей.

А теперь – за мир – на планете
Бороться все – люди должны
И Армия наша в ответе
За судьбы народов – земли

Всей планете и Родине милой
Высшей верностью будем верны
И как говорится, всем миром
Землю мы, защитим от войны

Последнее четверостишие я написала с календаря, потому что он как раз подходит к моему стиху. Вот написала вам и на душе у меня стало как-то светлее, будто-то я поделилась с хорошим другом, что и у нас на маленьком предприятии тоже жизнь движется вперед и мы не топчемся на месте.

С уважением Черных А.С.
Д. Жердовка, Санаторий

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
27.02.1987

О тех, кто рядом
Встреча в «Мальтинском»

Я, Кучерявых Евдокия Ивановна, ст.инж. Ангарского НИИ гигиены труда и профзаболеваний обращаюсь к Вам, т. Редактор как постоянная подписчица (№ 30 лет) и читательница «Восточно-Сибирской» правды с просьбой – написать в газету о человеке неугасимой энергии, творческой и общественной деятельности, иркутском поэте, лауреате конкурса самодеятельной песни посвященной 40-летию победы над фашистской Германией – Георгии Прокопьевиче Лазареве.

С его стихами я познакомилась в очень тяжелые для меня годы, когда не хотелось жить, когда, кажется, что ты никому не нужен. В 1983 г. трагически погиб мой муж, за пол года до смерти, он вел себя ужасно, пришлось разбегаться. Через три месяца меня обворовали. Потом моя мама, ей было 75 лет, чтобы быть рядом с детьми (я и брат) поменяла квартиру в г. Днепропетровске УССР на квартиру в г. Ангарске. Но та женщина оказалась очень неупорядочной и 4 месяца хождения по судам!

Через 1,5 года после смерти мужа умирает мой брат в 54 года. Потом я болела...

А все эти годы наследники мужа делили его «наследство» - машину «Москвич», которую мы купили в 1982 году, заняв 4,5 тыс. руб.!

И вот в эти годы мне случайно попало стихотворение Г. Лазарева. Я стала просить знакомых с г. Иркутска, чтобы мне оставляли газеты с его стихами... И только благодаря им, его стихам, своей силе-воле, я не потеряла веру в людей, в себя и осталась человеком:

«...жизнь меня нещадно колотила.
Может быть поэтому живу.
И косая круто остудила...»

(Г. Лазарев)

Такое мог написать человек, хлебнувший в жизни не мало. Спасибо ему! Спасибо за то, что может помогать людям выжить!

Первое мое знакомство с ним состоялось в пансионате «Мальтинский» в феврале месяце этого года. Случайность!

Мы, приезжающие на лечение, были приглашены на беседу с гл. врачом. По какой-то причине гл.врач не пришла к назначенному времени. Из присутствующих встает мужчина с очень молодым лицом и совершенно седыми волосами предлагает прочитать свои стихи, пока не придет гл.врач. Читал все, что знал, что было в блокноте. Его стали приглашать в клуб, в корпус, чтобы послушать. Он был немало удивлен, что многие из отдыхающих, а они приезжали с разных областей, знают и читают его стихи, несмотря на то, что они печатаются в основном только в местных газетах г. Иркутска, как «Спутник» и «За коммунизм». И только одно стихотворение «Нет войне» было помещено в нашу газету «Восточно-Сибирская правда».

Все же, какой талант писать понятно для любого возраста!

Его стихи о Родине не могут оставить равнодушными никого. От себя и от тех, кто слушал его просим напечатать его стихотворение – «Спасайте срочно землю, люди!»

Я сердцем чувствую своим
Тревожный пульс родной планеты.
За каждый сполох, ужас, дым
И я по своему – в ответе.
Не вижу разницы я в том,
В каком живет кто регионе:
Сейчас все точки под огнем
И вся земля как на ладони.

Все дышим воздухом одним,
В каком бы ни были мы стане,
На бочке с порохом стоим:
Случись беда – Земли не станет.

Для всех предательство – молчать,
Когда грозятся в Пентагоне,
Всю Землю паутиной сжать,
Внедрив под маркой мирной СОИ.

Пора прервать источник бед –
Друг перед другом превосходство.
И так под тяжестью ракет
С трудом Планеты сердце бьется.

Пока родные нам края
Ещё живы, не в скальных горах.

К сердцам людей взываю я:
– Спасайте срочно Землю, люди!

Мы защитим свой дом, тебя –
Родная, чуткая Планета!
В народный разум верю я –
Война окажется в запрете!

(Г. Лазарев)

Он одинаково честен в стихах и как патриот своей Родины, и, как человек испытывавший любовь и разлуку.

19го февраля силами отдыхающих был поставлен концерт посвященный Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Г. Лазарев был его организатором. Здесь им было написано стихотворение «Мальтинский пансионат», которое отдыхающим в пансионате Василием Дементьевым переложено было на музыку и исполнено со сцены как «мальтинский вальс»:

От родного спешили порога
Предаваясь заветной мечте –
Отогнать болевые тревоги
В неизвестной покуда Мальте...

Хочется пожелать Г. Лазареву хороших творческих успехов, здоровья и счастья в личной жизни! А также пожелать ему и его таланту долгих лет жизни!

...Как хочется сказать «прости!»
тому, кого хоть раз обидел,
кого давным давно не видел,
чтобы на сердце ношу не нести...

(Г. Лазарев)

Очень прошу Вас отредактировать мое письмо и напечатать о Г. Лазареве.

С уважением к Вам – подпись

Ответ редакции газеты

«Восточно-Сибирская правда» Е.И.Кучерявых
7 июля 1987 г.

Здравствуйте, Е. И. Кучерявых!

Нам так и не удалось опубликовать Ваше письмо о Г. П. Лазареве. И вот почему Вы утверждаете, что он довольно яркая лич-

ность, общественник. Но вот незадача: мы, к сожалению, его не знаем. Не знают его и в Иркутской писательской организации. Скорее всего это непрофессиональный поэт. В этом убеждает и стихотворение «Спасайте срочно землю, люди!» Хотелось, чтобы Вы правильно меня поняли: областная газета пишет о тех, кто действительно общественно-значительная личность, чьё творчество по-настоящему представляет интерес, пока сказать этого о Г.П. Лазареве мы не можем.

С уважением С. Верещагина, корр. Отдела культуры.

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
12.05.1988 г.

Редакция «ВСП»!

Пишу свое мнение по поводу откликов на «открытое письмо» историка В. Латышева. Насколько я понимаю наша история складывается по указке сверху, т.е. как угодно руководителю. Вы пишете, нужна ли нам правда о Сталине?

Нам нужна правда не только о Сталине, но и о Хрущеве, о Брежневе, о их окружении. Во всех тех проявлениях, неизбежных в нашем государстве, вина не только одного руководителя, а где же были другие члены руководства, наконец, где же мы – полные «хозяева» своей страны. Культ личности создается не руководителем, создаем его опять же мы.

При жизни превозносим, возвеличиваем, называем верными последователями и продолжателями дела В.И. Ленина, а после смерти выясняется, что такие партийные и государственные деятели жили похлеще, чем монархи Российские, которые были далеко от идеи. Так вот, чтобы впредь не повторялось подобного, надо в Конституции СССР узаконить правильность выборов и срок полномочий не был более двух раз, то есть не более 10 лет, если человек оправдывает доверие партии и народа.

Семен Петров безмерно рад:

Завелся в магазине блат.

У всех прохожих на виду,

Держась высокомерно,

Несет сосиски, колбасу

И думает, наверно,

Награды, званья ни к чему –

Живи с расчетом по уму.

Семен Степанов рад вдвойне!
Хоть не по собственной цене
Купил персидских два ковра.
Есть левые деньжонки.
Мышкует с раннего утра,
Где взять жене дубленку.
«Великих» множество забот,
он закопался в них как крот.
Семен Гудков не мешкал долго –
Купил по блату себе «Волгу»,
Подписку нескольких изданий,
Не важно авторов каких,
Ему же книги не для знаний –
Культуру он увидел в них.
Он припиваюче живет
За весь обкраденный народ.
Все Сеньки смотрят свысока,
Что им Совмин или ЦК,
Держись политике своей,
Чтоб в жизни жилось лучше,
Давай на лапу пожирней
И дефицит получишь.
Ползет, шипит земная мразь,
Соцобраз втаптывая в грязь,
Плодятся в обществе Семены:
Воры, рвачи, хамелеоны.
Их интерес – машины, тряпки,
Затем он сводится к деньгам.
Получат Сеньки все ж по шапке,
А может сразу по рогам.
За них возьмутся люди бойко
Тому порукой – перестройка.

Владимир Михеев

Письмо в редакцию газеты «Правда Бурятии»
24.07.1987 г.
г. Кабанск
пенсионерка

Гимн ускорению¹⁶⁷

Родина! Мир! Ускорение! Стали словами родными
Работаем, дышим, мечтаем
И к цели стремимся с ними!
Много забот у партии, но главная среди них одна:
Чтобы жилось нам лучше,
Богаче была страна.

Сессии, пленумы, съезды этому посвящены.
За их решениями светлыми стоим все мы.
Наши старания, умения, наш вдохновенный труд
Помогут с задачами справиться
И результаты дадут.

Реформа школьная на помощь
Конечно, тоже к нам придет.
Она, как кузница, чрез годы
Нам кадры новые скует.

И каждый должен поразмыслить:
«А чем же я могу помочь
По продовольственной программе
Ее барьеры превозмочь?»

Сейчас пришла пора такая,
когда бездельникам конец!
Ведь надо ж в нашем доме общем
порядок сделать наконец.

И с пьянкой тоже надо кончить:
вести пора закон сухой,
а все бюджетные убытки
нагнать продукцией другой.

¹⁶⁷ Над словом «ускорению» приписка – вероятно, рукой автора – слово «оптимиста»

Хотя бы вафельниц электро
Побольше можно выпускать,
или вот мексеров для крема
неплохо женщинам продать.

Овощерезки, кружки, синьку,
косметику – сто мелочей.
Купить непротив покупатель,
лишь только подавай скорец!¹⁶⁸

Телемосты проходят, конференции,
и обсуждают все наперебой:
кто говорит за зоны трезвости,
кто за закон сухой.

А стоит ли нам сомневаться?
Разве мало горя от вина?
На все земле страдают дети,
и в том наша всех вина¹⁶⁹.

Пусть¹⁷⁰ страную правит трезвость,
как это Ленин нам велел.
А мы должны трудиться честно –
вот человеческий удел!

Удел не просто человека,
а гражданина и творца,
живущего в стране Советов,
и преданного до конца!

Отчизне скоро день рожденья!
Она уж семьдесят живёт.
И в эти годы долголетья
По ленинским стопам идёт.

Сейчас бы жить да жить!
В стране большие перемены!

¹⁶⁸ Так в тексте. Видимо, опечатка.

¹⁶⁹ Две строки вычеркнуты, приписка:
Страдают дети. Мы за сухой закон
Все матери на свете.

¹⁷⁰ Приписка «Так»

Но вновь войны пожар
готовят бизнесмены.

И чтоб отчизну защитить,
должны программу ускорения
быстрее мы осуществить.

Поэтому всех вас я призываю,
как бабушка, как женщина, как мать
За мир! За дружбу! Ускорение!
Всем честным людям голос свой поднять!

Автор: Демидова Раиса Анатольевна
Инспектор Кабанского райОНО.
Бурятская АССР

Письмо в редакцию газеты
«Восточно-Сибирская правда»
20.05.1988 г.

Уважаемая редакция!

Хочется выразить свое мнение о письмах под рубрикой:
«Нужна ли нам правда о Сталине» (ВСП за 29\IV-88 г.) и об ответе
г. С. Каминского в этой же газете «Суровые но нужные уроки».

Достоинно, емко, аргументированно ответил С. Каминский в
своей статье всем, кто «не обижается на Сталина».

Всем, кто «не обижается на Сталина» хочется посоветовать
прочитать статью Чингиза Айтматова «Подрываются ли осно-
вы» («Известия» от 4 мая 1988 г.) и статью Е. Евтушенко «При-
терпелость».

Я бы предложил собрать все материалы о Сталинских ре-
прессиях, воспоминания бывших репрессированных и издать
большим тиражом под названием: «Репрессии в СССР в период
культы личности И. Сталина» чтоб такое никогда не повторилось.

Как будто это все творилось за глухим забором, а потом
вдруг обнаружилось. Да ведь не так и было. Все прихлебатели,
подхалимы Сталина спокойно смотрели как уничтожаются мил-
лионы люди и горячо аплодировали сталинской политике. Та-
кие люди как М.И. Калинин, В.М. Молотов, жены которых были
репрессированы, тоже аплодировали, даже больше, подписыва-

ли приговоры и указы, и в тоже время призывали бороться с внутренними и внешними врагами не щадя жизни. Почему же они так щадили свою жизнь. А кто-то должен не щадить.

Всем, кто обожал и обожает «дорогого», «мудрого», «культурного» (Сталин обращался на «Вы»), «вежливого» И. Сталина, который говорил, что «самым ценным капиталом являются люди», уничтожая в то же время видных политических и военных деятелей, миллионы простых людей хочется напомнить слова поэта А.Н. Некрасова:

«Люди холопского звания
Сущие псы иногда
Чем тяжелей наказание
Тем им милей господа»

20\ V-88
Роспись

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»
Без даты

Юрий Мазилин

ПИСЬМО Н.И. БУХАРИНУ

Лишь богу не под силу все,
а мы начнем сначала,
Но, правда, без гарантии не повторить еще.
Вам, Николай Иванович, наверно, полегчало,
А если строго говорить, то даже хорошо.

У нас помягче времена, хотя местами грубо
Немного ощущается свободы торжество.
Но где-то улыбается Иуда мокрогоубо
И если бродит вечный жид, то это про него.

В наличии отсутствия путей
мы прямо топали
Протопали Европу мы и далее без карт
Тут лысиной сверкнул Хрущев
была по сводкам оттепель
И коль не врут календари,
то нынче, видно, март
Окрест дороги развезло, такая околесица,

Цветы увяли потемнели,
Злобой ядом пополнены.
Конец осталось догрустить,
Или когото укусить.
Кому рожать велики смены?!..
За что доброго человечество лишать?!
Опять все те прокляты гены,
Сколько будут нам мешать.

Как долго небыло войны
И стали люди забываться.
Как жить надумают они.
Блаженно в мерзостях купаться.

Живут распутством наслаждаясь:
Ни чести, совести незная,
И в грехах несознаваясь,
Не любя и не страдая.
Жизнь такая неприглядна,
К добру не выведет она.
Сейчас все видно и наглядно –
Вот начинается война.

Свежее чувство от войны –
Чувства доброго и долга.
Войною правила даны, запоминаются надолго.
И с каждого ведь будет спрос –
Способен кто ответ держать.
Если нет – пойдет на сброс
И вечно будет гнить лежать.

Когда начался торг продажа
Богатства собственной души,
И тогда задаток даже
Судьбы своей на кон ложи.
Потом уж нечего бояться –
Стоишь на дне, осталось вширь.
И раны быстро загнойтся,
И не найдется к ним пластырь.

Продал честь и совесть тоже –
От забот освободился.

Бестыже ты не скажешь – БОЖЕ –
Встав на колени и прослезился.

Как же верить спекулянту –
Перед богом не пройдет
И повесе-дуэлянту
Правда бога придет.

Конечно, примет бог такого,
Но от этого ему нелегче.
Работы больше на такого,
Время больше на увечье.

Ты душу продал за бесценок,
Как будешь с богом говорить?
На язык божий нет расценок,
Путь жизни надо повторить.

Все повторить опять, сначала,
Горя мало в жизни видел.
Смерть на волнах страха некачала.
Видно многих ты обидел.

Чтобы понял цену рая,
Чтобы понял цену жизни,
Жизнь снова повторяя,
Понял честь своей отчизны.

Все распродав, несомневайся –
И родину продашь свою.
Толстым жиром наливался
За душу продану свою.

Родина – твоя земля,
Родина – Что забыть нельзя,
Все родное, все любя,
Привизала где душа тебя.

Родина – где схороненная мать,
Родина – где схороненный отец,
Можно где спокойно спать,
Где ты родился наконец.

Где заветные мосточки,
Во бору или у речки,
Любовались жаром обогреты
И песнями души опеты.

Где сушила мать от слез
Глаза и щеки мальчугана,
Светлела б родина от грез,
Но только не была б продана.

Замуровали грехи навеки,
Казалось, в тьму обречены.
Навсегда сомкнутся веки,
С могилой зло обручены.

Захоронено, все шито крыгто,
Никто как будто не найдет.
Как бы небыло зарыто,
Грех когданибудь всплывет.

Негде прятать зло людское,
Можно только искупить.
Не спрячешь зло во дно морское,
нельзя продать или купить.

Если девочку ты в лес сманил,
Нахально тешился над ней,
Потом убил и схоронил,
О судьбе недумая своей.

Никто не видел, незаметил.
Из леса вышел «чистый», гладкий.
Ты основного неприметил –
Нанес удар душе ты гадкий.

Если б знал как отмываться,
Как очищать грехи собой,
Ты перестал бы измываться
И тешиться любой судьбой.

Память злобу не забудет,
Чтобы зло неповторять,

И доброе в душе разбудит,
Чтоб его забывать.

Ты прыгнул в Ад за добровольно,
На это оправданий нет,
Что шел на это произвольно,
Это тоже не ответ.

Все равно нет уж рая.
И разница в том небольшая –
Тебе в аду кипеть
Иль ад в себе терпеть.

Души богатство собиралось
По зернышку из века в век,
Потом бесценно продавалось
Задумайся – ты же человек.

Выдержав лихие годы
Чище станет ведь душа,
Очистят тяжкие невзгоды,
В этом жизнь и хороша.

ЧЕЛОВЕК, ты много значишь
В нашей жизни на земле,
Жизнь в лучшую переиначешь,
Разберешься в добре и зле.

Когда кричит душа от боли,
Тогда несъйте только соли
На раны вскрытые мои!
Не съйте в них грехи свои!

А соль все сыпят, сыпят соль,
Не только чтобы сделать боль,
А силы нет остановиться,
Чтобы в пропасть не свалиться.

Хочется грех солью сжечь.
В чужой беде все утопить.
Другого легче болью сечь,
Жажду мести утолить.

Испытавши б сами боль
От сыпанной на раны соль,
Не сыпали б другим на раны.
Пусть не будут мысли странны.

Раны стянутся, срastутся
И бессильна будет соль.
Силы встать еще найдутся.
Не сломала душу боль.

Соль на раны – тоже грех,
Зачем испытывать судьбу!
Разыщет боль виновных всех.
Себя не спрячешь и в гробу.

Жизни нашей на земле.
Накажи достойно вора!
Не дай погибнуть жизни во зле!

Вдумайся в свою задачу –
Соедини чело и век,
Другого нет, нельзя иначе.
Вот и станешь человек.

Бей челом ты если надо,
Твердо зная – цель свята.
Будет и тебе награда.
Остальное суета.

Унижаясь несмиряться.
Ты обязан человек –
Собрав все силы, поднимайся,
Так шагай из века в век.

Унижаясь вспомнишь с болью:
Грехи свои, дурной посев,
Не будешь сыпать в раны солью.
Возвысишься, все одолев.

Особое твое названье
Время выдало тебе.
Помни знай свое призванье
Но только думай о себе.

Мать-природа одарила
Тебя великой силой власти
И путь нелегкий озарила.
Недавай лишь волю страсти!

Ты – чело природы нашей,
Жизни вечной на земле,
Младший брат сестрицы старшей.
Где б ни жил в лесу, в селе,
Правильной веди дорогой
Друзей и братьев своих меньших,
В минуту трудную недрогай,
Нерастлевай в соблазнах вешних.

Автор Евстигнеев А.А.
(Александр Александрович, Иркутск 4, адрес)

Письмо в редакцию газеты «Советская молодежь»
Май 1989 г.

Съезду народных депутатов.
Обращение
23.05.89 г.

Товарищи! Растаял Мир Обмана –
Все то, что возводилось день за днем
В бреду пропагандистского дурмана...
Вы не жалейте, право же, о нем!

Твердили нам, что мы почти в раю,
Романтики идейного разврата,
А мы уже стояли на краю
Той пропасти, откуда нет возврата.

Но не Октябрь в том вовсе виноват –
Не лгали Революции Титаны!
Корабль России направляли в ад
Совсем другие капитаны...

Об их окаменевшие сердца
Любовь и Милосердие разбились,

А все, чего в Семнадцатом добились,
Извращено с начала до конца...

Вглядитесь в те октябрьские дни
Семнадцатого пламенного года –
Мы все в ответе будем перед ним,
Коль снова с рабством спутаем Свободу!

Река Любви течет в сердцах Людей...
Давайте же разрушим те Плотины,
Что сложены из каменных сердец,
Пока деянья наши обратимы!

Сергей Маслов,
Сотрудник газеты «Ленинский путь»,
Саратовский госуниверситет
Май 1989 г.

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
08.01.1988 г.

Ваш журнал иногда печатает худ. произведения учёных
Но я не прошу печатать свои стихи, т.к. отлично понимаю, что
в них в слишком резкой форме отражено время застоя. Чтобы
напечатать это нужно большое мужество. Не прошу и оценить
их художественную ценность, сам понимаю, что поэзии в них
мало. Написаны они для себя, для друзей и для детей (во время
застоя). О них даже жена не знает. Каких то пять лет назад я за
них жестоко поплатился бы...

Доктор технических наук А.Г. Громов, Целиноградская обл.
8.01.88 г.

Из стихов А.Г. Громова:

Надежды лучик сквозь туманы
Дошел до страждущих сердец –
Встал трезвый разум у штурвала,
И в трюме спрятался подлец...

Наш капитан! Будь осторожен!
Меняй команду корабля –
Смотри! Фугас уже подложен,
Чтоб славой оглушить тебя!

V.1985

Из трюма выползли подонки,
Чтобы тумана напустить,
Корабль отбросить вновь в потемки
Фугас взорвать, штурвал схватить...

О, мой народ! Ужели сдаться.
Глаза опустишь вновь к земле.
И, не покончив с самовластью,
На годы скроешься во мгле?!

XI. 1987

Письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь»
27.01.1988

«Народ умирает, если не знает своего прошлого», – предупреждал Шарль де Костер – автор Легенды об Уленшпигеле.

Читая статьи об «уроках», «правде» и отзывах на эти статьи должен со всей категоричностью, как участник ВОВ (с первых минут боя) – прошел от самой западной границы (г. Белосток был для меня глубоким тылом) до Москвы, а от Москвы до штурма Кенигсберга, заявить следующее:

Величайшим судом справедливости в истории веков было бы, если бы мы, за все муки народа (миллионы попавших в плен, погибших в страшных муках на полях сражений, сгоревших в газовых камерах), смогли бы повесить Сталина. Это было бы по истине величайшим судом справедливости.

Нас научили мыслить стандартно – по указанию. И это просматривается еще и теперь. Враг напал внезапно и весь гнев народа был направлен на Гитлера. Но враг по своей природе является врагом, а то, что он достиг внезапности то вина наша, того кто допустил эту внезапность.

Дорогой ценой заплатили мы за внезапность. Внезапности в сущности и не было. Была преступная самонадеянность «вождя мирового пролетариата».

Я живой свидетель событий от линии границы (был помощником начальника пограничной заставы) – тучи людей бродили по лесам и полям. Немцы не в состоянии были брать всех в плен – они подъезжали на мотоциклах к группам красноармейцев и указывали куда следовать на сборные пункты. А ведь как пишет товарищ Бирюзов, – Сталину предлагали еще в марте 1941 г. – срочно начать фортификационные работы по линии Днепр – Березина. Однако он относил подобных инициаторов к разряду паникеров и бездарных, а с начало войны подвергал их казни. (генерал Павлов).

О роли Сталина в ВОВ мне рассказали притчу, наполненную глубоким смыслом:

«...В одном поселку жил был мужик богатырской силы, одним ударом укладывал семерых. И вот в один из ярмарочных дней, к этому возомнившему из себя (*приписка от руки: «И по уму»*) богатыря, подходили друзья и недруги, и выдавали ему (*приписка от руки – «следующую»*) информацию: - в поселок прибыла из Ростова банда, которая, по слухам, намерена ограбить твой дом. Но богатырь по обыкновению пришел в свой дом не закрыв дверь на защелку, уснул богатырским сном. Ночью, действительно ворвалась банда и ему сонному отрубили руку. Превозмогая боль «богатырь» вступил в схватку с одной рукой и к утру разметал всех бандитов».

Так случилось и с нашей Родиной, которая под руководством нашего кормчего спала. Нам сонным отрубили одну руку, захватив территорию до Волги.

Мы воевали с фашисткой Германией с одной рукой. Можно представить, если бы мы в полной боеготовности встретили вторжение немцев – с двумя руками. Несомненно, как пишет Симонов, возможно 41 года и не было бы.

В 1943 году глубоко эшелонировав оборону под Курском, немцы со своими «Тиграми» и «пантерами» захлебнулись, не пройдя дальше в глубину обороны 12-30 км. Но это случилось тогда, когда Сталин разрешил генералам мыслить творчески. Такого разрешения они не имели перед вторжением немцев.

Маршал Баграмян И.Х. пишет, что ни Нарком обороны Тимошенко, ни начальник ген.штаба Жуков не имели ни малейшего представления о начавшейся компании 41 года. Чем инным можно объяснить содержание телеграммы, которую они направили в адрес командующего Киевским военным округом –

«Выбросить вторгшиеся группы немцев, границу не переходить, бомбовые удары наносить не более чем на 100 км в глубину»

Финская кампания окрылила Гитлера и не потому, что наши генералы были ограничены в оперативном мышлении, а потому, что в силу ужасных по своим размерам и последствиям репрессиям, они были до предела скованы в инициативе, если хотите парализованы.

Я лично не могу вменять вину Жукову, Тимошенко то, что они не дали соответствующих распоряжений войскам о готовности. Дать такое распоряжение это означало – послушаться Сталина и соответственно принести себя в жертву. Отданное же распоряжение определенно было бы отменено.

После военные массовые репрессии победителе ни как не воспринимаются нормально мыслящим человеком. Известно что, всех оставшихся в живых героев Брестской крепости вызволил из тюрем и лагерей писатель С.С. Смирнов, но это им было сделано не при жизни Сталина, а после его смерти.

На фоне всего пережитого и виденного мне представляется крайне странным, когда находятся читатели, скучающие по репрессиям Сталина.

Только массовый ратный и трудовой подвиг народа позволили оправдаться от шока внезапного нападения Гитлера, а затем собравшись с силами изгнать, разгромить захватчиков, освободить народы от порабощения.

P.S. Вопрос о жертвах в войне так же требует уточнения. Если учесть, что в стране было 190 миллионов населения – 50 миллионов семей, то наши потери составили не 20 миллионов, а значительно больше. Но сколько? И в этом вопросе должна прозвучать правда.

С уважением Ратушный Г.А.

Тиражи ряда центральных газет и журналов в 1985—1989 гг.

(в тыс. экз.)

Наименование издания	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.
Газеты:					
Аргументы и Факты	1424	1946	3165	9136	20458
Известия	6700	6850	8000	10430	10138
Комсомольская правда	13200	14600	17000	17600	17585
Красная звезда	2200	2250	2250	2000	1370
Литературная газета	3000	3000	3100	3800	6277
Правда	10450	10800	11100	10700	9664
Сельская жизнь	9150	8950	8750	7470	6589
Советская культура	520	530	650	733	671
Советская Россия	3550	3800	4550	5232	4221
Советский спорт	4600	4600	4800	5161	4705
Социалистическая индустрия	1250	1250	1250	1451	999
Строительная газета	340	340	400	360	279
Труд	16690	18200	18200	18985	19849
Экономическая газета	710	740	770	686	712
Журналы:					
Агитатор	1529	1598	1597	1359	1231
Дружба народов	160	160	150	800	1095
Звезда	120	120	140	155	182
Здоровье	16550	15950	15600	16800	15522
Знамя	175	250	277	500	955
Коммунист	929	1038	1076	1010	930
Крестьянка	14310	16410	17350	18900	20449
Молодая гвардия	650	650	640	710	628
Москва	500	500	430	650	750
Нева	285	290	290	550	650
Новый мир	425	425	490	1130	1556
Огонек	1500	1500	1500	1780	3083
Октябрь	175	175	185	250	357
Партийная жизнь	1013	1075	1088	945	811
Политическое образование	2357	2499	2601	2280	1862
Работница	15850	17250	17500	19750	20442
Роман-газета	2000	1800	2500	3500	3842
Смена	1150	1150	1300	2000	2416
Советский экран	1700	1700	1700	1700	821
Советы народных депутатов	662	815	796	810	638

ПРИЛОЖЕНИЕ

В настоящую монографию мы включили статью, написанную М. Рожанским весной 1990 года, то есть именно в те дни, когда группа «Историческое сознание» завершила свою работу по сбору «писем об истории». Версия этой статьи была опубликована на немецком языке в сборнике, посвященном пяти годам «перестройки»¹⁷¹.

Статья перед данной публикацией подверглась лишь косметической стилистической редакции. Естественно, мы отказались от какого-либо вмешательства через четверть века в содержание статьи, потому что цель публикации текста в этом сборнике - напомнить о той ситуации, в которой было принято и осуществлено решение спасти от уничтожения письма читателей об истории, и дать представление о тех позициях и мотивах, которыми руководствовалась исследовательская группа.

Михаил Рожанский

История: ответы на непоставленные вопросы

Апрель 1990 года

Апрель 1990 года. «Смотрите, думайте, и делайте так, чтобы это никогда не повторилось», внушает нам в финале фильма прозрачный голос безгрешного человека. Дикторские интонации – один из точнейших признаков времени. «Другие и Сталин» – часовое повествование о рождении культа личности, о том, как создавали его Анри Барбюс и Бруно Ясенский, Зиновьев и Бухарин, Киров и Радек. Нас призывают всмотреться: вот дальновидный злодей Сталин, вот одержимый идеей Троцкий, а вот льстецы, политиканы и простаки, проложившие Сталину дорогу к власти. И найдена нужная интонация: «Зиновьеву вторит Каменев», «Даже на похоронах Бухарин держится рядом с Кобой», «Сейчас Сталин обнимает Бухарина и перемолвится с Каменевым»... Каждому персонажу отмерена своя доля сарказма: одна – Бруно Ясенскому, другая – Бернарду Шоу, третья – Никите Хрущеву. Мастерские нюансы, многокрасочная раскованная интонация в обращении с прошлым. И исследовательская «беспристрастность»: почему Ежов позволил себе сесть в присутствии

¹⁷¹ Rozanskij Michail. Geschichte: Antworten auf nicht gestellte Fragen// *Perestrojka: Zwischenbilanz*// von Klaus Segbers - Suhrkamp: Frankfurt-am-Main, 1990, ss.345-366

Сталина, с кем перемолвился на трибуне и кого обнял будущий диктатор? Ощущаешь себя старшеклассником, просматривающим учебный фильм, который поможет сделать цветным и увлекательным пересказ соответствующей главы учебника. Только все стало красочней и раскованнее, чем в учебных фильмах 1960-х и уж гораздо многоцветнее, чем в «Кратком курсе», которому более полувека. Лишь интонация, мастерская интонация диктора, да сосредоточенность на товарище Сталине, осуществляющем свой замысел, да еще то, что авторам вопросы нужны только для того, чтобы привести учеников к заранее известным ответам, почему-то заставляют вспомнить о «Кратком курсе».

Берега из милицейских фуражек и поток людей, который течет на футбольный матч или на митинг. Камера плавно опускается и в какой-то момент становится ясно, что люди идут спиной вперед. Так начинается фильм Альгиса Арлаускаса и Елены Иллеш «Прохождение пути» – метафорой эпохи, пересматривающей свою родословную. Недавно мы были убеждены, что все течет естественным руслом, теперь не менее очевидно, что это было и есть движение вспять. Лишь иногда и ненадолго искушаем себя вопросом: а не зависит ли направление пути от того, на какой высоте камера?

Отрывной календарь на 1989 год отметил 21 декабря как день 110-й годовщины со дня рождения И.В.Сталина, деятеля международного рабочего и коммунистического движения. На оборотной стороне листочка можно было прочитать о заслугах И.В.Сталина, возглавлявшего индустриализацию страны и, в целом, курс социалистического строительства, о его вкладе в победу над фашизмом, а также о нарушениях социалистической законности, связанных с культом личности. Календарь появился в продаже осенью 1988 года. Маленький листочек вызвал бурю, которая больше походила на имитацию бури. Редкое издание из тех, что утверждает себя как «левое», упустило шанс возмутиться составителями календаря, которые «хотели бы повернуть время вспять». За полгода до этого все также дружно высказались по поводу «письма Нины Андреевой» и тогда это было заявлением о позиции, теперь позиция была подтверждена и, пожалуй, позиция сильного. Существовал (он до сих пор существует) «синдром обратного хода» – вошедшее в генотип тревожное ожидание термидора или политики сдерживания. Листочек стал поводом лишний раз предупредить тех, кто высказывал малопопулярные уже взгляды. Поэтому можно было слукавить, не

заглянуть в выходные данные календаря и не увидеть, что он сдан в печать в ноябре 1987 года (такие у нас издательские сроки) через две недели после юбилейного доклада Горбачева. Текст календарного листочка вполне соответствовал тем абзацам доклада, которые были посвящены Сталину, но так же, как эти абзацы, не очень стыковался с остальными частями исторического раздела доклада. Тогда М.С.Горбачева никто не упрекнул ни за противоречия, ни за признание сталинских заслуг, ни за то, что были отмечены фигурой умолчания такие важные события как Финская война или присоединение Бессарабии. Многие к тому времени и в своих мыслях, и в своих высказываниях (даже в печати) продвинулись гораздо дальше, чем доклад, одобренный ЦК. Но в текст доклада и интонации генерального секретаря напряженно вслушивались – устанавливалась веха, после которой станет ясно, грядет ли новое модернизированное переиздание «Краткого курса» или нас ждет дальнейшая ликвидация «белых пятен» в истории и процесс переоценок.

К ноябрю 1987 года внимание к истории диктовалось не столько желанием прояснить родословную происходящего, сколько жадной потребностью понять, как далеко это происходящее зайдет. «Что мы можем знать об истории?» звучало почти как «На что мы можем надеяться?». Степень гласности была индикатором намерений руководства и главным признаком перемен. В свою очередь, индикатором гласности была степень «пересмотра» истории. У этой причудливой ситуации была предыстория.

Первым заметным знаком, что время перемен касается и взглядов на историю, стала статья Юрия Афанасьева «Прошлое и мы». Статья не очень известного по тем временам историка и совсем неизвестного политика была опубликована осенью 1985 года в «Коммунисте» и формулировала задачи исторической науки в связи с новыми рубежами социализма и, даже, в подготовке к XXVII съезду КПСС. Привычно и похоже на преддверие любого прежнего съезда. Не очень привычным было другое – критический пафос по отношению к конъюнктурщине и к идеализации прошлого, совсем непривычным – перечисление «вымирающих» тем историографии и предупреждение, что «советская историография» может стать теоретически худосочной. История 1930-1950-х годов в качестве вымершей темы еще не называлась, тень Сталина автор не беспокоил. «Коммунист» был журналом, подающим «сигналы» – о статье говорили как о знаке, с надеждой или осуждением.

С весны 1986 года некоторые издания своими историческими публикациями как бы проверяли степень даруемой «сверху» свободы. В апреле «Огонек» опубликовал статью о Николае Гумилеве и его стихи. Стихи человека, расстрелянного якобы за участие в антисоветском заговоре, да еще в номере журнала с большим портретом Ленина на обложке – это была сенсация, правда, ограниченная средой либеральной интеллигенции. Постепенно начался процесс возвращения «вычеркнутых» имен – и каждое такое возвращение приносило с собой маленькую сенсацию в сфере истории, поскольку каждый некогда запрещенный писатель или произведение были связаны с какой-то «закрытой» исторической темой или позицией. И такие маленькие сенсации накапливались.

Прорыв произошел в начале 1987 года и назывался «Покаяние». До того, как фильм Тенгиза Абуладзе появился на экранах, среди интеллигенции кругами расходилось «фильм о Берии, неужели выпустят?». Фильм оказался не о Берии, а о бериях. Бурные обсуждения и дискуссии вокруг него склоняли имя Сталина и решались на параллели с фашизмом.

Кинофильмы художественные и, особенно, документальные играли главную роль в возвращении имен, в расширении круга исторических тем и обнародованных фактов, в том, что постепенно отодвигались пределы для суждений. Но фильмы, если и вызывали обсуждения, то не слишком бурные и не очень долгие. Дискуссии возникали вокруг книг. «Зубр» Д. Гранина, «Новое назначение» А. Бека, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Белые одежды» В. Дудинцева позволили ставить вопросы к дню сегодняшнему, рассуждать о нелучших свойствах и даже врожденных пороках социальной системы. Буря к лету 1987 года разразилась вокруг романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Автора интересовала в первую очередь духовная биография советских мальчиков и девочек, со Сталиным все ему все было ясно. Дискутирующих волновал именно Сталин, мотивы его действий, ибо Рыбаков взял на себя смелость обнажать эти мотивы, выпукло показать в своем антигерое черты преступника и мещанина на троне. Сталин был разоблачен как деятель, чуждый социалистических идеалов, и эти идеалы, такие близкие для советских мальчиков, предавший.

«Покаяние» и «Дети Арбата» обсуждались на фоне постепенно умножавшихся публикаций о 1930-х годах. Они еще не шли сплошным потоком, но каждая находила свое место в общественном сознании и заставляла усомниться в символах социа-

листической веры. В заметках о сегодняшнем дне прибавлялось число социальных пороков, доступных описанию, исторические же публикации позволяли думать, что пороки – в родословной системы. В конце лета – осенью 1987 года публикации о репрессированных в 1930-е годы большевиках стали регулярными. Особенно заметен был «Огонек», сосредоточившийся на «сталинской» теме. Публикация историка В. Поликарпова о Федоре Раскольникове, в текст которой было вставлено письмо добровольного изгнанника, продвинула оценку сталинского режима и к формулам «деспотизм» и «произвол», а стихи Анатолия Жигулина впервые в открытой печати высветили зверства ГУЛАГа. Штрих за штрихом под рубрикой «1917-1987» (и аналогичными рубриками в других массовых изданиях) создавался фон для юбилейного доклада. Генеральный секретарь публично пообещал, что доклад станет *вехой*.

Сталин и соратники обвинялись в перегибах и преступлениях, о Февральской революции было сказано с симпатией, помянули теплые ленинские слова о Бухарине, а не только его грехи. В остальном оценки не слишком отличались от прежних – несколько изменились акценты. Был обещан новый учебник истории партии, но главное было сказано следом на пресс-конференции: доклад не догма, нужно двигаться дальше. И в течение нескольких ближайших недель различные издания смогли убедиться: шлагбаум действительно поднимается. Движение стало набирать темп.

Публикации о репрессиях обрушились лавиной, поражая воображение и смущая умы. Стирались «белые пятна», отбрасывалась выпрямленная схема исторической поступи КПСС и советского народа. Весной 1988 года появилась еще одна важная историческая тема – тема Русской православной церкви. Накануне празднования тысячелетия крещения Руси празднику неожиданно придали почти официальный характер – во всяком случае санкционированный верховной идеологической властью. Количество публикаций стремительно нарастало, их тон постепенно достигал подобострастия и раскаяния, но роль этой темы в переоценке дореволюционной российской истории сказалось позднее – через год и более. Отметим только, что с самого начала тема была единодушно подхвачена изданиями, которые уже развернули вокруг оценки советской истории, ее персонажей и событий нешуточные схватки друг с другом.

Административный контроль за гласностью в сфере истории не исчез совсем – за многими «отповедями», контратаками угадывалась санкция, высказанное «наверху» мнение, а самые при-

мечательные кампании по идеологическому отпору проходили при активном участии «Правды» и «Советской России» – органов ЦК партии. Так было с шумной кампанией, развернувшейся в начале 1988 года вокруг пьесы Михаила Шатрова «Дальше, дальше, дальше», опубликованной журналом «Знамя» – официальные опасения подрыва устоев и идеалов соединились с раздражением историков-профессионалов и с горячим протестом читателей, не желавших переоценивать прошлое. Пьесе Шатрова было уделено важное место и в письме Нины Андреевой. Шатров беспощадно судил Сталина от имени Ленина, с позиций революционных идеалов и представил фигуру преступника-отступника как актуальную, не ушедшую со сцены. Атаковали Шатрова, пытаясь отодвинуть назад тех, кто зашел уж слишком далеко в выводах, в переоценках. Другая шумная компания – в середине 1988 года развернулась вокруг высказываний и статей Юрия Афанасьева, участники стремились предотвратить недопустимое – признание, что цели, которые провозглашала революция, не достигнуты. Однако симпатии общественного мнения были явно на стороне критикуемых, а наиболее активные и популярные издания находили возможность осторожно или прямо высказаться в их поддержку.

К моменту появления листочка отрывного календаря было очевидно, что процесс обнаружения исторической правды, переоценки прошлого уже не поддается контролю сверху. Был стремительно пройден путь от эвфемизма «культ личности» к категорическому «сталинщина» и к обсуждению вопроса о том, какое отношение к деспотизму и произволу имеют революция и социалистические идеалы.

Возвращение к «Краткому курсу» уже не грозило...

Но в дружном осуждении отрывного календаря, в отповедях «сталинистам» звучали и знакомые интонации победившей позиции по отношению к заведомо неверной – интонации безгрешных обвинителей. Казалось, возвращение к «краткому курсу» было отменено юбилейным докладом Горбачева и активным напором демократической прессы, но это возвращение состоялось. «Краткий курс» – кривое зеркало нашей истории – разбилось на множество зеркал, каждое из которых претендует на полноту и точность отображения.

«Краткий курс», его дети и внуки

Первым научным термином, заменившим эвфемизм «культ личности», стала «административно-командная система». Ввел его в оборот Гавриил Попов весной 1987 года, анализируя «с точки зрения экономиста» роман А.Бека «Новое назначение». Сделан был шаг вперед – термин, не столь резкий, как «тоталитаризм», по сути означал ту же систему полной и беспредельной власти, распоряжающейся всем и всеми. В отличие от охранительского «культ личности» новый термин решительно отверг нелепое сведение репрессий, ГУЛАГа, казарменного быта людей, военной катастрофы к качествам Сталина и его окружения. И поставил акцент на том, что сложилась система, с экономической необходимостью предполагавшая ГУЛАГ, бесчеловечный тип (который в своем честном варианте «с точки зрения экономиста» заслуживает, конечно, сочувствия). Термин был быстро усвоен, стал общим местом и универсальным объяснением любого события, любого явления советской жизни. Административно-командная система исчерпывающе объясняла и факты своего собственного разрушения.

Апофеозом утверждения нового термина стал I Съезд народных депутатов, на котором этим словосочетанием уже свободно оперировали как раз те представители данной системы, которые недавно обрушились на Гавриила Попова за попытку создать фракцию.

Понятие «культ личности» подчеркивало случайность происшедшего и относительную легкость избавления от него. С понятием административно-командной системы было легализовано мнение о закономерности этого феномена и его актуальности. Вскоре это мнение стало очевидным и несомненным. Историческое сознание привыкло воспринимать историю как необходимый и жестко детерминированный (пусть с зигзагами) процесс, а потому так стремительно возникли и привлекли массовое внимание концепции, с неумолимой логикой и однозначно показывавшие причины возникновения этой системы, ее мрачную неотвратимость. Вспомним лишь некоторые из них, имея в виду, что мы не можем заниматься детальным разбором, а должны выявить особенности жанра как такового.

В конце 1987 года известный философ Анатолий Бутенко, которому удалось в самую тяжелую пору эпохи «застоя» легализовать тему противоречий социализма, впервые публично изложил в журнале «Театр» концепцию, широко распростра-

ненную в общественном мнении: советская история – история формирования новой бюрократии, противостояние интересов бюрократов интересам народа и дает рисунок советской истории. Впоследствии наиболее популярным интерпретатором этой концепции стал молодой Сергей Андреев, сосредоточившийся на задачах сегодняшнего дня. Причины формирования всемогущей бюрократии указываются различные: неорганизованность общественного производства, господство государственной собственности, монопартизм, сталинская контрреволюция аппаратчиков против революционеров и т.д.

Одновременно со статьей А.Бутенко появилась статья Игоря Клямкина, в которой он постарался отрезвить читателей шокирующим утверждением: «улицы, ведущей к Храму, не было и быть не может». Философ, который несколько лет назад как незаурядный методолог убедительно критиковал жесткий детерминизм, теперь, обратившись к анализу истории, показал, что сталинский режим и неудачи его демонтажа жестко обусловлены всей предреволюционной историей России и, главное, наличием в ней типом работника.

Ужасы, через которые мы прошли, и колдобины, о которые мы спотыкаемся – неизбежный путь России, отставшей от всемирного магистрального пути, на который еще предстоит выйти по трудной тропе. Такой взгляд может подкреплять и противоположную эмоциональную оценку – «патриотическую». В особенности российского пути причины и оправдание жестокого до деспотизма кормчего, на долю которого выпала самая тяжелая и неблагодарная работа, но который провел Россию через самый трудный его отрезок.

«Сталин – Ленин нашего времени» – формула, введенная в пропагандистский арсенал почти шесть десятков лет назад Емельяном Ярославским, получила вторую жизнь в неожиданном смысле. Сталинские преступления предстали естественным и неотвратимым воплощением большевистского духа, продолжением ленинской практики. Ленинская «партия нового типа» обернулась сталинским «орденом меченосцев». Мораль подпольщиков и экспроприаторов стала почвой для произрастания палачей ГПУ. Различные варианты такой схемы стали публично проговариваться весной 1989 года. Разница в трактовках связана с различием политических позиций и степени симпатий (или ненависти) к Сталину и большевикам. Возникают и все новые варианты.

Соединение Ленина со Сталиным – позиция привычная как для националистов (не только великорусских), так и для носи-

телей либерально- западных идеалов. Те авторы, которые не желают ставить под огонь критики социализм как общественный идеал, обходят вопрос о связи «семнадцатого» и «тридцать седьмого» или дифференцируют большевиков, втискивая сталинскую политику в одну из тенденций большевизма. В любом случае возникает неловкая и красноречивая фигура умолчания, которая делает более убедительным аргументы критиков Ленина, подходящих к большевизму предвзято и плоско, со своей однолинейной меркой, но все же, как к целостному явлению.

Сталинизм – догматическое воплощение в жизнь ошибок марксовской системы. Наиболее развернуто это мнение представлено в статье философа А.Ципко, вызвавшей бурную реакцию. Тема доктринальных истоков сталинизма позволила почти обойти фигуру Ленина и, оставаясь в рамках социалистической лексики, в то же время предъявить социализму либералистские претензии. Сталинизм закономерно вытекает из Маркса, а Ленин.... Что ж ... Ленин – несостоявшийся, к сожалению, шанс пути к социализму. Маленький, впрочем, шанс – обстоятельства более располагали к сталинскому доктринерству.

Завершать обзор наиболее популярных трактовок советской истории приходится версией (точнее, вариантами версии), откровенно националистической, но без которой невозможно представить идейные схватки вокруг литературы. Согласно этой версии с Ленина также снимается ответственность за сталинские деяния и вина в полной мере (даже более чем на Сталина) возлагается на ленинских соратников с небезупречной по части национальной родословной. Василий Белов воскресил трактовку сталинской политики как осуществления троцкистской программы. И с легкого писательского языка формулу о сталинском троцкизме подхватили в разных идейных лагерях те, кто не затрудняет себя чтением первоисточников. Поскольку Троцкий прочно ассоциируется с абсолютным злом, то и зловещий образ Сталина, подмонтированного к своему антиподу, вполне вписался в «Краткий курс». Виновным Иосиф Виссарионович оказался разве что в недалекости и недомыслии, или в слабости. В пределах этой версии есть некое пространство интерпретаций:

– троцкизм, конечно, не случаен, он выражает наднациональный дух большевизма, носителями которого было ленинское окружение, чуждое России по крови и по причине эмиграции;

– единственный еврей в сталинском окружении Лазарь Каганович играл исключительную роль в выполнении замысла Лейбы Бронштейна (обычно метрические фамилии и имена

напоминаются в скобках после партийных псевдонимов – и это напоминание должно служить самым сильным аргументом о причастности к преступлению) или замысла сионистов, или масонов – сионистов, а евреи из ГПУ и еврей-борзописцы сыграли основную роль в уничтожении русского и других народов;

– наконец, происшедшее в России просто определяется как осуществление плана утверждение всемирного сионистского господства.

Варианты разнообразны, но едино для них убеждение, что прожитая нами история – осуществление замысла, результат заговора или, в лучшем случае, воплощение злых качеств «малого народа», масонов или сионистов на многострадальной русской земле. И заговор этот, замысел или некий абсолютный дух не менее неотвратимы в своем осуществлении, нежели непреложные исторические законы.

Как сопрягаются непреложность истории и зловещая роль личностей, компаний заговорщиков, национальных пороков?

А они не сопрягаются, они просто механически соединяются и такое соединение не вызывает каких-либо вопросов, ибо вполне отвечает двум основным требованиям: формально-логической простоте (синоним убедительности) и идеологической чистоте (синоним истины). Этого достаточно, чтобы вопросов не замечать. Откроем вновь «Краткий курс» и напомним себе, что революция – осуществление гениального ленинского плана и что гениальность плана была обусловлена знанием неотвратимых законов истории. В знании абсолютной истины, собственно, и состояла гениальность.

Но разве не из этой главы «курса» вытекает идеологически выдержанный (в духе иной позиции) взгляд А. Ципко на историю как на неудачное воплощение плохо продуманного замысла? В этом умении числить себя на стороне истины (супротив несомненного зла) и в этом образе прошлого как неотвратимого (ибо оно, прошлое – логично и вполне объяснимо) теоретические самоделки борцов против сионизма оказываются не менее весомыми, чем учебные построения. Более того, между ними обнаруживается родство, близость к одной и той же колыбели «Краткого курса», от которой, несмотря на смелый полет мысли, концепции, объясняющие советский период истории, оторвались не слишком далеко.

Экзамен по истории

Летом 1988 года выпускные школьные экзамены по истории были заменены собеседованием. Ученики получили возмож-

ность излагать, если решались, факты и мнения, не совпадавшие с убеждениями учителя, и не рисковали получить низкую отметку по предмету. Правда, иногда в результате снижалась отметка по поведению – если ученик особенно настойчиво ставил смущающие вопросы. Постановка вопросов, ответ на которые не известен, всегда воспринималась как дурное поведение. Не только учебники по истории, но и абсолютное большинство ученых трудов напоминали странные задачки, в которых ответы даются одновременно (или прежде) с формулировкой задачи. Неумение ставить вопросы – пожалуй, главная и хроническая болезнь советской историографии.

Интерес к истории, глубокий и неподдельный существовал в истории и в годы, именуемые застойными. Но в перестроечное время кино, массовые издания, романы придали этому интересу массовый характер – иногда, поверхностный, но часто – пылкий. Профессиональный историк оказался в непривычной роли человека, экзаменуемого общественным мнением. Вырос авторитет ремесла историка как открывателя правды, но выросло одновременно и неуважение к историкам как к идеологическим служакам, столько лет правду замалчивавших.

Профессиональная среда историков по поводу своих корпоративных проблем почти не высказывалась. В марте 1987 года «Советская культура» опубликовала интервью Юрия Афанасьева, где он откровенно сказал о невозможности нормально и честно заниматься отечественной историей, об атмосфере идеологического надзора и конъюнктуры, в которой формировались нынешние поколения историков. Резкость была ограничена «правилами игры»: историки партии критиковались за отступление от решений XX и XXII съездов партии. Профессиональная историческая среда ощущала себя вполне зависимой от партийного слова, от официального мнения и не торопилась за редким исключением входить в дискуссии вокруг сталинизма. Интонация ожидания окрашивала дипломатичные фразы: «Нужно время, чтобы осмыслить новые факты». К счастью, позицию выжидания и выгадывания занимали не все. Пусть немногие, но пытались воспользоваться «оттепелью» тем отважнее, чем неустойчивее, ненадежнее казалась идеологическая погода. После юбилейного доклада число специалистов по истории, вышедших в массовые издания, умножилось. Прибавились авторы, которые из своих «охранительных убеждений или в силу раздражения по поводу активной беллетристики непрофессионалов, стали высказывать свое мнение публично. Вводились новые факты, оспаривались слишком

резкие суждения. Наиболее заметны были два типа поведения. Первый – кабинетный ученый, дотошный фактолог, который стал писать в газеты и журналы, обнаружив общественный интерес к своей теме, он использует гласность не для пересмотра истории, а для ликвидации «белых пятен» в основном ясной картины. Второй – идеологически мыслящий субъект, отстаивающий честь мундира и непреложность основных идейных оценок советской истории, предупреждающий, что стирание «белых пятен» не знает меры и превращается в «очернительство».

Подобные позиции не столь просты, чтобы от них легко отмахнуться. Их сила не только в идеологической поддержке, но и в том, что их сторонники стремятся последовательно говорить от имени фактов (за исключением наиболее идеологизированных вариантов, которые не входят в наш предмет). Новые же концепции советской истории, хотя и выросли на фоне всеобщего внимания к новым фактам, на фоне увлеченности восстановлением правды и ашпелировали к фактам, но особых трудностей в обращении с ними не испытывали. Здесь, пожалуй, «Краткий курс» – не основная причина, хотя в большинстве концепций идейные соображения явно идут впереди выводов также как в «Кратком курсе». Да и легкость выкладывания схемы из камешков событий, эпизодов и цитат заставляет вспомнить учебники, выпедшие все из той же книжки. Вся постоктябрьская история сводилась к защите и осуществлению ленинского плана построения социализма, а теперь на основе одной сквозной идеи пишется цикл статей, плавно излагающих историю нескольких десятилетий.

Смелость в выстраивании концепций оправдана как поиск новых подходов, обозначение проекций, которые при наложении и корректировке способны дать более объемную картину. Но концептуальность слишком легко переходит в схематизм, поскольку в методах, подходах, в мыслительных привычках разделены абстрактное и конкретное, логика категорий и уважение к факту. Иначе говоря, нет единства абстрактного и конкретного: абстракция – синоним псевдотеоретической схемы, конкретное – псевдоним эмпирии. И это, увы, хроническая болезнь. Авторы наиболее расхожих концепций советской истории – философы, социологи, экономисты, литераторы, то есть те, кто не испытывают трудностей в обращении с историческими фактами. В свою очередь, тот, кто профессионально занимался предметом «История СССР» – сформировался как трудолюбивый пахарь, разрабатывающий свою узенькую тематическую делянку. Он не готов и не считает

себя вправе выдвигать концепции, правда, охотно и обоснованно эти концепции критикует с фактологических позиций.

Зеркальное отражение разрыва теоретической работы и фактографии – многочисленные житийные повествования, в которых история вылепливается из эпизодов, анекдотов, фраз, как из пластилина, и таким образом история сводится к жизнеописанию тиранов и шутов, каждый разговор, жест, каждое застолье наделяются смыслом. Закономерное становится случайным, ибо связано с эпизодом жизни смертного человека, но и случайное благодаря этому приобретает смысл знаменательного и, значит, фатально неотвратимого¹⁷².

Шумный общественный интерес и профессиональная среда историков находятся в непростых отношениях: отношениях взаимных обвинений и в то же время, заставляя друг друга меняться.

Бурная переоценка истории и гласность «без берегов» означала для тех профессионалов, кто этого хотел, возможность отбросить идеологически выдержанную учебниковую схему и утверждать независимость от околонучных чиновников. По сути возобновился процесс, робкое начало которого было заморожено в конце 1960-х начале 1970-х годов. Попробуем прояснить перспективу тех историков, которые в этот процесс включились. Сравнение с остановленными двадцать лет назад и запущенными вновь часами – точная характеристика для многих из ринувшихся сейчас в политику шестидесятников. Она редко применима к тем из историков, для которых 1960-е были лучшими годами профессиональной жизни. Но и последующие годы были прожиты и часто продуманы.

«История ВКП(б). Краткий курс» – не просто идеологическая установка, а последовательное воплощение (и художественная метафора) той исторической схемы, которую утвердили в качестве марксистской концепции истории. Согласно этой схеме человечество, благодаря прогрессу техники и напору угнетенных классов, поступательно, формация за формацией восхо-

¹⁷² Фигура Сталина приобрела такой масштаб, что вся советская история кажется тенью, отброшенной этой фигурой. Сегодня гораздо больше внимания к конкретной персоне, чем в термине «культ личности», но при обилии обнародованных фактов портрет стал более четко очерченным, но остался непроработанным. Не появилось и удовлетворительного термина для объяснения системы и ее для удобства обозначают по главному символу: сталинская, сталинистская, сталинский социализм. Символ (хотя, как его свести к символу) таким образом, как бы уже и демиург: «сталинисты», «сталинско-брежневский Верховный совет» (это о совете образца 1989 года). Понятно, что фрагменты биографии генералиссимуса («агент охраны», «параноик») вырастают до чина разгадок истории.

дило к Великому Октябрю. Великий Октябрь был неотвратим, он возвестил близкий и неизбежный приход нового общества, утверждение человеческого счастья на всей земле. Современная эпоха – эпоха противостояния двух систем, одна из которых – абсолютное зло, другая – средоточие всех мыслимых достоинств. Любое событие может быть понято и оценено только как столкновение двух систем, только с точки зрения классово-борьбы. И точно также оцениваются любые события и персонажи дооктябрьского прошлого человечества. Концепция не могла существовать просто как заучиваемая схема, она должна была составить основу «советской исторической науки», одерживающей победы над продажной буржуазной историей, вобрать в себя и освоить весь тот материал, который используется буржуазными историками для смущения умов. Но, кроме того, советская историческая наука обязана увлекать молодые умы. В 1950-е годы, в канун смерти Сталина, по его высочайшему решению советские историки приступили к грандиозной задаче – изложению всемирной истории в соответствии с учебниковым марксизмом и мессианской ролью России. При осуществлении этой задачи и произошел надлом, совпавший с политической «оттепелью». Советская «Всемирная история», пытаясь сохранить привычные идеологические оценки, спотыкалась о них и не могла продвигаться только с помощью всемогущего классового анализа. На место жесткого формационного подхода вставал иной принцип – целостного мирового рассмотрения, синхронологический срез эпохи превращался в живую картину с хронологически выдержанной историей стран и народов, с богатым фактическим материалом, которым владели исследователи, опирающиеся на пронесенные через лагерь или компромиссы историографические традиции и наследие своих учителей. В лучших статьях первых томов возникал динамичный образ эпохи, но «Всемирная история» вновь наткнулась на принятые идейные оценки и предрассудки своих авторов, отступала и рассыпалась на каталожные карточки фактов. Недоверие к концептуальным поискам, симпатии к эмпиризму как признаку трудолюбия и научной добросовестности – все это входило в генотип работающих историков, входит и сейчас. «Оттепель» сняла страх, но сохранила требование идейной выдержанности и заставляла быть осторожным, тем более приучали к осторожности последующие годы. «Краткий курс» перестал служить учебником, но породившая его концепция сохранила себя:

– историческая схема довлеет над исследованием и исследователем;

– ученый не считает возможным и нужным брать на себя задачу теоретического обобщения, методологической работы;

– любая эпоха и страна, любое событие рассматриваются под углом того значения, которое им придают идеологические выводы из современной ситуации.

В 1960-е годы стал преодолеваться вульгарный экономизм. – социальная психология, духовный опыт людей, картина мира – все это включалось в предмет историка. Правда, менее всего в предмет специалиста по отечественной истории.

Насильственно прекращенные или ограниченные (из осторожности и конъюнктуры) направления мысли не исчезли. Чаще всего в новых идеологических условиях они нашли «непрямой» выход – реализовавшись в тех сферах исторических исследований, в которых диктат идеологического начальства был послабее. «Охранительство» чиновников и добровольное «охранительство» столпов науки, оберегавших власть над своими исследовательскими вотчинами, наиболее резко сказались в историографии России и СССР. Диктат усугублялся и тем, что эта область историографии наиболее раздроблена на темы и темочки, распределенные между секторами, отделами, кафедрами и учеными, ревниво следящими друг за другом.

Благодаря всему этому, среди прочих профессиональных групп именно специалисты по отечественной истории отличаются особым эмпиризмом и недоверием к теоретической работе. И к тому уровню анализа, который востребовала сегодня общественная и научная ситуация, готовы оказались немногие историки. Если востоковеды, медиевисты имеют вкус к теоретической работе и ее навыки, если специалисты по истории мировой культуры и те же востоковеды считают обязательным включение в предмет духовного мира людей и структур их сознания, то положение не безвыходное, есть основания, чтобы надеяться. Исследовательский опыт оказывается незаменимым для отечественной истории – потому, что многие из них вторгаются в пределы «советологов» и потому, что развитие методологии подготавливается новой картиной всемирной истории.

Но перспективы ученого сообщества – отдельная тема. Вернемся к нашему кино. В двух фильмах – альтернативы исторического сознания, которые становятся ключевыми и для профессиональных историков.

«Другие и Сталин». Фильм вполне мог называться «Сталин и другие», но что-то остановило авторов и они поставили «дру-

гих» на первое место, отметив таким образом кроме масштаба персон и свое понимание причин-следствий. «Другие» - разгадка возвышения Сталина и моралитэ фильма. И в этой стилистике «урока истории» ясно звучит, что уроки не усвоены самими учителями. Никак не удастся главное – отказаться от взгляда сверху вниз, вести диалог на равных.

На равных с кем?! С преступником Сталиным?! С беспринципным Зиновьевым? С наивными Бухариным и Шоу? И с ними, и со всеми другими придется вести диалог, если намереваемся жить в истории осознанно. Когда ищешь свой путь, духовный опыт других, даже духовный опыт преступника необходим тебе, хотя бы для того, чтобы не повторить их путь. Вот этот урок – урок уникальности человеческого опыта нам не дается. Мы остаемся по отношению к прошлому эгоцентристами, не открывая равных себе даже в гениях. Гений – либо объект поклонения, либо шельмования, но не собеседник, не говоря уже о наивных и обманутых. За подобным отношением – свойства самой истории, которая по сути – рассмотрение прошлого как предпосылки настоящего и будущего. Но не столько это...

Двадцатые-тридцатые годы (и не менее – последующие) как бы отменили историю. Прошлое было лишено полноты, и мы уже не могли в нем искать живое движение, истоки, предтеч. Прошлое стало жалкой тенью, прологом к увековечившей себя «новой эре». Отличник заучивал «плюсы» и «минусы» исторических персонажей, но и ученики, знаниями не обремененные, достаточно усваивали право выносить вердикты, расставлять по местам. Не будем утрировать (а это модно) и вспомним, что были персонажи, вызывавшие сопереживание. Благодаря кинематографу, беллетристике был трагический Грозный Эйзенштейна, а Спартака, Овода, киношных Суворова или Петра, безусловно, любили. Но круг персонажей был невелик и достаточно канонизирован, чтобы за пределами экрана превратиться в атрибуты идеологии. И спектр чувств, которые позволены и привычны, был отчетливым: любовь, ненависть, презрение. Если возникало сопереживание, то было подозрительно как первородный грех перед безупречным идеалом. Сейчас круг персонажей изменился, благодаря возвращению имен, и сузился, замкнувшись почти исключительно на возвращенных именах.

Оценки легки, доступны. Право на оценку несомненно. Приниженность, изначальная греховность человека в нашем обществе могла превращаться либо в высокомерие перед «недорослями» из прошлого, либо в приниженное поклонение перед

«великими личностями». Человек, живущий в мире, где поступок подчинен принятой норме и судьба – произволу власти, редко имел привычку ставить перед собой неразрешимые вопросы и, естественно, лишен был потребности и умения чувствовать вопросы в прошлом¹⁷³.

В кинофильмах и книгах шестидесятых-семидесятых годов ходульных героев не стало меньше, но пришло немало героев живущих, страдающих, думающих над неразрешимыми вопросами. И всё же, оценка продолжала доминировать и те неразрешимые вопросы, которые отличают человека нравственного от человека морального в обычай не вошли.

Эпоха полагала себя вершиной и смыслом истории. Близость идеала обязывала людей быть достойными идеала – чистота помыслов и откровенность отношений вменялась как долг, вменялась себе и окружающим. Высокий смысл эпохи придавал ясный и прозрачный смысл каждой фразе, каждому поступку, предъявляя высший счет. Но высокий смысл эпохи оправдывал любые средства, признанные низкими в мире, не отягощенным давлением надличностного идеала. Когда эпоха лишилась своего высокого смысла, выродилась в мир функционеров, пользующих идеалы как правила игры, когда низость средств и персон, действующих от имени идеала, вызвала нежелание иметь с идеалом дело, смысла лишилась и человеческая жизнь. В человеческой жизни не осталось места для смысла – повседневность была презираема, а повседневные заботы второсортны.

«Прохождение пути». Кинолента движется назад, увлекая с собой человеческие фигуры, машины, предметы. Чекая шаг, лицом к Мавзолею отходит от него почетный караул. Улыбающаяся толпа демонстрантов покидает спиной вперед Красную площадь. Стрелка часов на Спасской башне вот-вот дернет-

173 Блестяще спародировала стиль наших отношений с предками расхожая песенка времен «оттепели»:

«Офелия – гамлетова девчонка
Совсем, братишки, спятила с ума,
Потому что датская сторонка
Хуже, чем наша Колыма.
...И ходит Гамлет с пистолетом,
И хочет кого-то убить,
И стоит вопрос перед Гамлетом:
«Быть или не быть».

Естественно, что мы знали в отличие от Гамлета, как правильно на этот вопрос отвечать, если опираться на знание законов истории.

ся на деление назад и, кажется, появятся знаменитые кадры из «Октября» Сергея Эйзенштейна и назад побегут красногвардейцы, покидающие Зимний дворец, слезут с его железных ворот революционные матросы.

Но история не прокручивается назад, даже если движение времени утрачивает смысл.

В фильме Арлаускаса есть эпизод, который сначала воспринимается как кошмарный. Мужчины разбирают оградку на кладбище, женщины относят венки. Землекопы раскапывают могилу, поднимают гроб, чтобы погрузить в катафалк. Лента прокручивается до воскрешения покойника и мы видим, что это главный герой фильма – тот самый, что спал, уронив голову на старый томик Ленина, спал на рассвете и под вечер, в компании с телевизором, извергающим новости и пассажи экстрасенса. Мы понимаем, что эпизод с воскрешением разыгран, и до нас доходит, что воскрешение человека ничего не изменило в этом мире. Но в жизни иной порядок человеческих чувств, чем на киноленте. Чудо воскрешения должно преобразить лица, которые на киноленте остались горестными. Должно... Оказалось, что у нас непростые отношения с чудом воскрешения.

За последние годы к нам вернулось невероятно много имен, но не всегда вместе с именами вернулись люди. Реабилитация, стирание «белых пятен» раскрыли перед нами бездну человеческих страданий – и революционера Николая Бухарина, и крестьянина Ивана Твардовского, и советского мальчика Саши Панкратова, и врача-«сиониста» Якова Рапопорта. Был момент – я его отчетливо помню, – когда, казалось, что люди стали добрее. Люди сопереживали героям книг и журнальных публикаций и, наверное, многие примеряли к себе судьбу жертв произвола, с которой разошлись на несколько десятилетий. И кто-то ставил себя на место человека, сговариваемого в доносчики или шантажируемого мучениями близких, и решал такие нерешаемые и такие жизненные вопросы. А затем чувства схлынули и в письмах, и в разговорах. Нет, сопереживание не ушло совсем, оно, видимо, укоренилось глубже – иначе тысячи людей не приходили бы на раскрытые могилы жертв массовых расстрелов. Но на поверхности осталось иное – разбирательство с жертвами, неуникальная классификация – кто достоин, а кто не достоин сожаления. Когда Евгений Евтушенко написал стихотворение о будущем памятник жертвам произвола и поместил в соседних строчках имена Блохера и Якира, литературовед и публицист Лев Аннинский высказал публичное сочувствие, что мы остаем-

ся наивными людьми, что история нас ничему не учит, иначе поэт бы помнил, что Блюхер был в числе подписавших приговор Якиру, а соседство имен жертвы и палача оскорбительно. На несколько месяцев героем стал Федор Раскольников, отважившийся в одиночку поднять голос против сталинского произвола и измены делу революции. Но вскоре в примечаниях к публикуемому наследству Михаила Булгакова появилась строчка, свидетельствующая, что в бытность руководителем «культурного фронта» Раскольников был активным запретителем драматургии булгаковских пьес. Позже подобные примечания появились еще не раз и о подвиге Раскольникова вспоминать стали реже. И резонно: как поминать добром гонителя, как сожалеть о пособнике убийщ?! Риторические вопросы, но ответы на них перестают быть очевидными, как только вопросы складываются в один общий: а есть ли безвинные?

Как снять ответственность с любого человека, жившего в подсудное время? А если не снимать, в праве ли мы наделять равной ответственностью жертв и их палачей? Могут ли быть равными в своем страдании люди, неравные в своей вине?

Вопросы оказались слишком трудными для решения, а нерешаемые вопросы принято не замечать или отвечать на них категорично. Смысл таких нерешаемых вопросов в нашей способности задавать их себе и каждый раз заново их решать. Но в моде категоричные однозначные ответы – к этому располагает идеологизированная атмосфера времени. В прошлое, в сообщество предков опускаются критерии идеологического отбора, выделяются «свои» и «чужие». Свои могут быть только невиновными и потому они идеализируются, чужие ответственны за всё. Бухарин предстаёт сегодня перед судом не только за то, что способствовал возвышению Сталина, не только за то, что обосновывал насильственное перевоспитание, но и за своё легковерие и за слабоволие, и за то, то прощание с молодой женой выглядит слишком сентиментально. Саша Панкратов осуждается за то, что он – «ребёнок Арбата», а дети большевистской элиты заслужили своё. И нечего жаловаться на ссылку, поскольку крестьянские дети умирали от голода в родных деревнях. С Павлика Морозова срывается нимб пионера-мученика, поскольку он донёс на отца. Заодно праведной в своём гневе оказывается родня, убившая в отместку мальчишку. Выясняется, что Николай I «всего пяток декабристов повесил» и потому надо переоценить его роль в истории. А столыпинские репрессии не заслуживают осуждения, поскольку они ничтожны по сравнению с репрессиями

сталинскими и поскольку Петр Столыпин имел прогрессивные намерения. И чуть ли не главной жертвой революции предстала царская семья – смешались раскаяние наследников революции, монархический трепет, антисемитская злоба. Раскаяние, оказывается, злобе не помеха.

История стала орудием сведения счетов и ареной гражданской войны. Особенно активны в этой гражданской войне те, кто послереволюционную Гражданскую войну полагают преступлением большевиков. И интонация... Именно, интонация, унаследованная от уличаемых и разоблачаемых других придает нам уверенности. И не оказываемся ли мы этими самыми другими, которые в уверенности, что творят «новый мир», развязывали новую войну.

Summary

This collection of unpublished letters, “letters about history”, was gathered in 1988-89 by the young historians in Irkutsk: over 2000 items found in Siberian and Moscow editorial offices that were publishing texts on Soviet history. That way, the letters were saved from being destroyed. Most of the letters were never published by the receiving editorials; some of them were published partly or quoted somewhere else. Currently, the gathered letters are part of the archives of the Centre for Independent Social Research (CISRE Irkutsk, Russia). The present volume is the very first attempt to present the research resources of the letters gathered a quarter of a century ago. Those who created this collection as well as CISRE colleagues are willing to make the collection open to the public and accessible. The authors of the present volume tried to show that the collection would be interesting for all who study the history of Soviet society as well as for other humanities scholars. Some chapters of the book contain attachments with the complete letters cited in the respective chapter. As an attachment to the complete volume we provide an article by Mikhail Rozhansky, written in 1990, on the status of public discussion about history at that period of time, when the collection of the letters was being compiled.

Сведения об авторах

Боярских Екатерина Геннадьевна – филолог, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск

Иванова Елена Николаевна – историк, психолог, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск

Кальянова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. г. Иркутск

Карнаухов Сергей Геннадьевич – учитель истории, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск

Рожанский Михаил Яковлевич – кандидат философских наук, директор Центра независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск

Шмидт Сергей Федорович – кандидат исторических наук, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. г. Иркутск

**ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ
И ДЛЯ ИСТОРИИ**
1988 – 1990 годы

Коллективная монография
Е.Г. Боярских, Е.Н. Иванова, Т.П. Кальянова,
С.Г. Карнаухов, М.Я. Рожанский, С.Ф. Шмидт
Под общей редакцией М.Я. Рожанского

Научные рецензенты: Э.М. Кустова, А.М. Никулин

Редакторы: М.Г. Пугачева, Е.Н. Шолохова

Центр независимых социальных исследований и образования
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск-3, а/я 172,
Офис: г. Иркутск, ул. Ленина, 6
телефон: (3952) 333-721
e-mail: cnsio@angara.ru
<http://www.irk-center.ru/>

Подписано в печать 1.09.2014 г. Печать офсетная.
Бумага офсетная 62*94 1/16. Усл.печ.л. 13,12.
Тираж 750 экз. Заказ № 25208.

Отпечатано в типографии ООО «Репроцентр А1»
РФ, 664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
тел./факс: (3952) 540-940
e-mail: info@printrepro.ru
<http://www.printrepro.ru>